ISSN 2542-2197

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2021 5 (847)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2021

5

выпуск 847

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
“MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY”

The year of foundation – 1940

VESTNIK OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

Moscow
FSBEI HE MSLU
2021

5

Issue 847

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук профессор ***Г. Г. Бондарчук***

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гаспарян Г. Р., д-р филол. наук, проф. (Армения)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Писанова Т. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф.
Василюк И., канд. филол. наук
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф.
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф.
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф.
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц.
Евдокимов А. Ю., академик РАЕН, д-р техн. наук, канд. культурологии, доц.
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц.
Жаринов Е. В., д-р филол. наук, доц.
Жданова Л. М., канд. филол. наук, доц.
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф.
Карневская Е. Б., канд. филол. наук, проф.
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц.
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф.
Малыгина И. В., д-р филос. наук, проф.
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, проф.
Полетаева М. А., канд. культурологии, доц.
Порохницкая Л. В., д-р филол. наук
Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф.
Семина И. А., д-р филол. наук, доц.
Силантьев Р. А., д-р истор. наук, доц.
Собакин А. Н., д-р филол. наук, доц.
Сомова Е. В., д-р филол. наук, проф.
Сухарев Ю. А., д-р филос. наук, проф.
Тёмкин В. А., канд. истор. наук, доц.
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф.
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф.
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф.
Уралова Л. А., канд. филол. наук, доц.
Фадеева Г. М., канд. филол. наук, доц.
Харитончик З. А., д-р филол. наук, проф.
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц.
Цветаева Е. Н., канд. филол. наук, доц.
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам
Чернозёмова Е. Н., д-р филол. наук, проф.
Янулевичене В., д-р гуманитарных наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Алимова А. Д.
Произнесенная несобственно-прямая речь в русской и английской литературе: признаки и вводящие конструкции 9

Буриева М.
О симплификации языка в интернет-пространстве 22

Говорухо Р. А.
Связность итальянского и русского драматического текста и проблемы перевода 34

Горожанов А. И.
Метод компаративного анализа группы текстов (на материале немецкоязычных научных статей) 48

Кирсанова Е. М., Польская С. С.
Трудности использования декомпрессии при переводе текстов экономической тематики 60

Корепанов Б. О., Левандовский Н. В., Смоляков С. М.
Особенности перевода военно-организационной терминологии на примере частей и подразделений ПВО Вооруженных Сил ФРГ 69

Кутьева М. В.
Вторичная семантика лексемы *urso* / *медведь* в португальской лингвокультуре 79

Лешин А. Г., Рулькова С. М., Фахретдинова Э. А.
Роль переводчика при мониторинге зарубежных СМИ в интересах информационного обеспечения органов государственной власти 95

Матыцина И. В.
Использование канцеляризмов и штампов в официально-деловых текстах в русском и шведском языках 104

Махортова В. А., Нечаева К. К.
Роль зрительной модальности в поэтической картине мира Софии Де Мелло 118

Никуличева Д. Б.
Нарушение согласования времен в датском языке в антропоцентрическом рассмотрении 134

Писарик О. И.
Принципы разработки базы данных подъязыка предметной области «строительство» 150

Полищук А. И., Кокликов В. О.
Извлечение частотной лексики с использованием инструментов корпусной лингвистики (на примере текстов о коронавирусе) 161

Филинова Ю. В.
Место и роль модальных частиц в современном шведском языке (по материалам работ шведских и российских лингвистов) 170

Ovtchinnikova G. V., Ovchinnikova A. S.
L'analyse comparative des hôtelonymes en français, en espagnol et en italien 182

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Козлова Я. О.
Эволюция жанра пасхального рассказа в прозе А. П. Чехова 192

Морозова С. Н., Жаткин Д. Н.
Эволюция осмысления К. И. Чуковским творчества О. Уайльда 205

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Мамонова Н. В.
Глобализация медиадискурса (на материале южноуральской прессы) 218

Мурашова Е. П.
Место *ретро* в текстах публичных выступлений политических деятелей США и Великобритании 229

CONTENTS

LINGUISTICS

Alimova A. D.
Uttered Free Indirect Speech in Russian and English Literature: Characteristics and Introductory Constructions 9

Burieva M.
On Language Simplification on the Internet 22

Govorukho R. A.
Coherence and Cohesion in Italian and Russian Drama Texts and Problems of Translation 34

Gorozhanov A. I.
Method of Comparative Analysis of a Group of Texts (on the material of German-language research papers) 48

Kirsanova E. M., Polskaya S. S.
Difficulties of Using Decompression When Translating Texts on Economics 60

Korepanov B. O., Levandovsky N. V., Smolyakov S. M.
Specifics of Translating Military-Organizational Terminology (on the examples of German air defense units) 69

Kutieva M. V.
Secondary Semantics of the Lexeme *Urso / bear* in Portuguese Linguoculture 79

Leshin A. G., Rulkova S. M., Fakhretdinova E. A.
The Role of the Translator in Foreign Media Outlets Monitoring in the Interests of the State Authorities 95

Matytsina I. V.
Use of Official Jargon and Cliché in a Formal Business Context in Russian and Swedish 104

Makhortova V. A., Nechaeva K. K.
The Role of the Visual Modality in the Poetic Picture of the World of Sophia De Mello 118

Nikulicheva D. B.
Grammatical Violation of Sequence of Tenses in Danish in the Anthropocentric Perspective 134

Pisarik O. I.
Database Design Principles for the «Construction» English Sublanguage 150

Polishchuk A. I., Koklikov V. O.
Extraction of Frequency Vocabuary Using Corpus Linguistic Tools (on the example of coronovirus-based texts) 161

Filinova Y. V.
Position and Role of Modal Particles in Contemporary Swedish (based on the studies of Swedish and Russian linguists) 170

Ovtchinnikova G. V., Ovtchinnikova A. S.
Comparative Analysis of French, Italian and Spanish hotelonyms 182

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Kozlova Y. O.
Evolution of the Genre of Easter Short Story in A. P. Chekhov's Prose 192

Morozova S. N., Zhatkin D. N.
Evolution of K. I. Chukovsky's Comprehension of O. Wilde's Creativity 205

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Mamonova N. V.
Globalization of Media Discourse (based on the South Ural press) 218

Murashova E. P.
The Place of Retro in Texts of U. S. and British Political Figures' Public Speeches 229

УДК 81'25 DOI 10.52070/2542-2197_2021_5_847_9

А. Д. Алимова

преподаватель кафедры переводоведения и практики перевода
английского языка переводческого факультета;
аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета
alimovaad@gmail.com

ПРОИЗНЕСЕННАЯ НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ РЕЧЬ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ПРИЗНАКИ И ВВОДЯЩИЕ КОНСТРУКЦИИ

В статье рассматриваются основные признаки и вводящие конструкции произнесенной несобственно-прямой речи в русской и английской литературе. В результате проведенного сопоставительного анализа рассматриваемых структур в литературе XX в. были выявлены различия в способах введения художественного приема и языковых средствах достижения текстовой интерференции, обусловленные типологическими различиями языков. Полученные результаты могут использоваться при переводе произведений художественной литературы.

Ключевые слова: несобственно-прямая речь; вводящие конструкции; перевод; переводоведение; лингвистика.

A. D. Alimova

Lecturer, Department of Translation Studies and English Translation,
Faculty of Translation and Interpreting;
Postgraduate Student, Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University
alimovaad@gmail.com

UTTERED FREE INDIRECT SPEECH IN RUSSIAN AND ENGLISH LITERATURE: CHARACTERISTICS AND INTRODUCTORY CONSTRUCTIONS

The article covers the characteristics and introductory constructions of uttered free indirect speech. The comparative analysis of this stylistic device in Russian and

CC BY

English literature of the 20th century shows a number of differences in introductory constructions. Also, the means of attaining textual interference appear to vary depending on the morphological type, to which the language adheres. The results obtained can be used by fiction translators.

Key words: free indirect speech; free indirect discourse; introductory constructions; translation; translation studies; linguistics.

Введение

Несобственно-прямая речь (НПР) – художественный прием, в основе которого лежит интерференция (взаимодействие) текста автора и текста персонажа, представленная на уровне формы включением в повествовательный текст элементов речи и мышления последнего. Основной сферой функционирования данного приема считается передача мыслей и чувств персонажа, однако этим перечень выполняемых НПР сюжетообразующих функций не ограничивается: художественный прием может, в частности, лишь указывать на смысловую позицию персонажа или же передавать произнесенную речь. Последнее и является предметом рассмотрения в данной статье.

Настоящее исследование проведено на материале русской и английской литературы и является предварительным этапом переводоведческого исследования, направленного на выявление закономерных соответствий передачи НПР при переводе. Русский и английский с точки зрения морфологической типологии – языки разного строя: в русском языке превалируют черты синтетизма, в то время как английский считается представителем аналитических языков. Поэтому, прежде чем приступать к исследованию особенностей передачи НПР при переводе в этой языковой паре, необходимо выявить систему соответствий моделей НПР в русской и англоязычной литературе с учетом типологических различий языков.

В качестве материала исследования было отобрано по 30 произведений русской и английской литературы XX века, поскольку именно в этот период НПР окончательно формируется как художественный прием и становится неотъемлемым элементом повествовательного текста.

Произнесенная НПР в русской и английской литературе
Вопрос выделения произнесенной речи в отдельный тип НПР

Большинство исследователей полагают, что, хотя передача произнесенной речи персонажа и не является основной функцией художественного приема, НПР довольно часто выполняет ее в произведениях художественной литературы [Ковтунова 2010, с. 242; Pascal 1977, с. 34; Rundquist 2017, с. 13–14]. При этом, по мнению немецкого филолога В. Шмида, в случае эксплицитного указания на то, что автор передает речь персонажа (что часто происходит именно при передаче произнесенной внешней речи), реализуются, скорее, модели свободной косвенной речи (СКР), более персонифицированной по сравнению с НПР [Шмид 2003, с. 219]. Следует отметить, что несмотря на очевидную смысловую близость термина английскому эквиваленту НПР *free indirect speech*, СКР является отдельным художественным приемом, обладающим своими собственными характерными чертами, отличающимися от соответствующих черт НПР. В результате возникает вопрос размежевания моделей СКР и НПР. Так, В. Шмид [Шмид 2003, с. 223], в отличие от Б. А. Успенского [Успенский 1995, с. 53–54], не относит к НПР модели передачи чужой речи с вводящими частицами «мол», «дескать» и пр. Представляется, что в случае рассмотрения НПР в более широком смысле данная модель (одна из моделей произнесенной речи) вполне может относиться к НПР, когда сохраняется текстовая интерференция: после частиц употребляется третье лицо и единицы различных языковых уровней, маркирующих данный отрывок как речь персонажа.

Другим спорным вопросом в области выделения моделей НПР являются вводящие конструкции. Хотя ряд исследователей отрицают возможность присутствия в НПР глагольных и именных оборотов, указывающих на передачу слов, мыслей или чувств персонажа [Шмид 2003, с. 224; Валгина 2003, с. 385], существует мнение, что такие конструкции могут использоваться [Гальперин 1958, с. 210–211; Падучева 2010, с. 344; Жилина 2011, с. 193; Пучинина 2018, с. 193]. В таком случае они не всегда будут указывать на передачу слов персонажа напрямую, в некоторых контекстах подобные обороты могут лишь маркировать смысловую позицию героя. При этом вводящие

конструкции могут быть как контактными, так и дистантными. Нередко, вынося такой оборот за пределы непосредственной НПР, автор пытается добиться более высокой степени текстовой интерференции в рамках одного высказывания.

Необходимо отметить, что в рамках лингвистики и литературоведения большинство классификаций предполагает выделение произнесенной НПР в отдельный тип: внешняя речь [Кусько 1980, с. 36], uttered speech [Leskiv 2009, с. 54], косвенно-прямая речь [Гальперин 1958, с. 203]. По мнению И. Р. Гальперина, косвенно-прямая речь – переходная форма от косвенной к прямой речи. От непроизнесенной (в терминологии И. Р. Гальперина – изображенной) речи – второй тип НПР – она отличается более логичным построением, отсутствием фрагментарности [Гальперин 1958, с. 203, 210].

Исходя из вышесказанного, мы рассматриваем произнесенную НПР как особый вид НПР, обладающий определенными характерными чертами и реализующийся с помощью ряда специфических моделей.

Произнесенная НПР в русской литературе

Наиболее распространенной моделью произнесенной НПР в русском языке являются случаи оформления конструкции отдельным предложением или несколькими предложениями. При этом указание на передачу речи персонажа содержится в предшествующем предложении в виде дистантной вводящей конструкции.

(1) Отреагировал он по-детски: вспылил, накричал, надерзил… Как смели скрыть! Как ловко, как длинно скрыли… головокружительно воображать. Чтобы ему было легче в школе, чтобы не сболтнул лишнее… (*А. Г. Битов. Пушкинский дом*)

Здесь вводящая конструкция представлена глаголами, описывающими реакцию героя с указанием на внешний характер речи: «вспылил, накричал, надерзил». Далее непосредственно НПР начинается с восклицательного предложения, которое напрямую с речью персонажа не соотносится, то есть не маркировано пунктуационно, как прямая речь, но благодаря вводящей конструкции и экспрессивному синтаксису ясно, что представлены слова персонажа. За восклицательным предложением следуют фрагменты, по всей видимости, развернутого высказывания героя. Кроме того, небезынтересно, что

в рассматриваемом отрывке данная модель совмещается с моделью НПР, представляющей собой передачу одним персонажем речи другого, ведь фраза «чтобы ему было легче в школе…» не что иное как введение третьей точки зрения: интерференция текста автора и текста персонажа (Лёвы) дополняется текстом других персонажей (Лёвиных родителей), которых герой «цитирует» посредством НПР.

Произнесенная НПР может также быть представлена в тексте моделью с контактной вводящей конструкцией. Обычно последняя содержит указание на лицо, которому принадлежат слова, сопровождающиеся глаголом говорения, после чего через двоеточие или тире вводится непосредственно речь персонажа, переданная структурами НПР.

(2) Жена Пашкина помнила, как Жачев послал в ОблКК заявление на ее мужа, и целый месяц шло расследование, – даже к имени придирались: почему и Лев и Ильич? Уж что-нибудь одно! (*А. П. Платонов. Котлован*).

В приведенном выше фрагменте из романа А. П. Платонова «Котлован» с помощью НПР передаются слова сотрудников ОблКК, которые приведены после глагола «придирались». Произнесенная речь носит экспрессивный характер, поскольку представлена вопросительным и восклицательным предложениями.

Подобным образом реализуются и модели, в которых глагол говорения присутствует непосредственно внутри структур НПР. Примером может служить отрывок текста, содержащий НПР, из рассказа М. М. Зощенко «Страшная ночь», где НПР близка по форме к прямой речи, но не оформлена пунктуационно как таковая и прерывается глаголом говорения «скажут», при этом тройной повтор глагола добавляет высказыванию эмоциональность и экспрессивность.

(3) Читатель, небось, усмехнется тут. А деньги, скажет. Деньги-то, скажет, курицын сын, получаешь? До чего, скажет, жиреют люди (*М. М. Зощенко. Страшная ночь*).

Другой моделью с эксплицитной отсылкой к речи персонажа являются структуры НПР, вводимые с помощью частиц «мол», «дескать», «-де». Так, в приведенном ниже фрагменте посредством «-де» писатель маркирует указание на передачу речи персонажей, которые

«пальцами тычут» на Шухова, при этом на передачу произнесенной также указывает употребление частицы «вот».

(4) Шухову и приятно, что так на него все пальцами тычут: вот, он-де срок кончает, – но сам он в это не больно верит (*А. И. Солженицын. Один день Ивана Денисовича*).

В русской литературе структуры произнесенной НПР также нередко встречаются в контексте прямой или косвенной речи, а также диалога: автор эксплицитно вводит речь персонажа, выделяя ее на фоне повествовательного текста, а затем убирает формальную маркированность (кавычки, союзные слова и т. п.), но продолжает передавать речь персонажа. Иногда НПР может даже включаться в прямую речь: один персонаж посредством НПР передает слова другого.

(5) Бата кивнул головой в знак того, что он понял, но прибавил, что ему дороги не деньги, а он из чести готов служить Хаджи-Мурату. Все в горах знают Хаджи-Мурата, как он русских свиней бил... (*Л. Н. Толстой. Хаджи-Мурат*).

В данном примере НПР сменяет косвенную речь, при этом текстовая интерференция достигается за счет включения в повествовательный текст экспрессивно-оценочной лексики «русских свиней», а также незаконченностью мысли, маркированной многоточием.

В следующем фрагменте текста в форме НПР представлен ответ на вопрос, заданный в ходе диалога. При сохранении третьего лица текста автора, а именно – употребления местоимения «им», писатель использует в отрывке простые односоставные предложения, характерные для разговорной речи, тем самым вводя в повествование текст персонажа и порождая текстовую интерференцию. Рассматриваемый отрывок является произнесенной речью, поскольку далее на него дается комментарий в виде очередной реплики диалога.

(6) – Опять на два дня мороки, – нахмурился Саша. – Неужели нельзя найти порчу, не разбирая?

Им осточертел этот ремонт. Не успели кончить одно, хватайся за другое.

Полная анархия производства. Следовало бы поставить этот вопрос перед Майей Константиновной.

– Вопрос не прибор, – оборвал их разглагольствования Морозов. – Вопрос простоит долго (*Д. А. Гранин. Искатели*).

Произнесенная НПР может также и полностью реализовываться в форме диалога, как в романе В. С. Маканина «Лаз». Персонажи ведут беседу, которая передается автором от третьего лиц и пунктуационно как диалог не оформлена. К речи персонажей отсылают вопросительные предложения, пауза, показанная многоточием, перебор вариантов развития событий «…стычка? драка?».

(7) Оля Павлова заплакала и подтвердила, что Павлов умер. Умер на улице от инфаркта, подробностей пока никаких. Оля всхлипывает, давится слезами. Но может быть, случайная с кем-то стычка? драка?.. Нет. Она не знает (*В. С. Маканин. Лаз*).

Кроме того, в ряде случаев произнесенная НПР может не сопровождаться вводящими конструкциями.

(8) Парни слушали и дивились: сколь может повидать, пережить, изведать один человек, и советовали старшому, пока делать нечего, «составить роман» на бумаге. Старшой соглашался, да бумаги-то в избушке мало, всего несколько тетрадок, потом уж, на старости лет, как-нибудь засядет составлять роман, а пока слушай, парни, дальше (*В. П. Астафьев. Царь-рыба*).

В данном примере НПР представляет собой ответ «старшóго» на реплику «парней» и начинается с «да бумаги-то в избушке мало». Разговорность синтаксических структур, обращение, повелительное наклонение дают понять, что передается речь персонажа, при этом НПР представлена частью сложносочиненного предложения и не сопровождается вводящей конструкцией. Таким образом, приведенный отрывок отличается более высокой степенью текстовой интерференции по сравнению с предыдущими.

Произнесенная НПР в английской литературе

Структуры произнесенной НПР в английской литературе реализуются в моделях, близких по организации моделям НПР в русской литературе.

Так, в произведениях, написанных английскими авторами, присутствуют модели НПР с дистантной вводящей конструкцией, хотя следует отметить, что встречаются реже, чем в русскоязычных произведениях.

(9) Mr. Foster was only too happy to give them a few figures.
Two hundred and twenty metres long, two hundred wide, ten high (*A. Huxley. Brave New World*).

В приведенном выше примере дистантная вводящая конструкция представлена глагольным словосочетанием *to give them a few figures*, за которым начинается НПР в виде перечисления данных цифр.

В случае использования автором контактной вводящей конструкции она будет либо отделена от НПР двоеточием, либо запятой (ср. с использованием в русских текстах тире) и представлять собой глагол говорения или глагольную конструкцию, выполняющую ту же функцию. Примером подобной модели может служить отрывок из романа Д. Г. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей», где как сам вопрос, так и полученный ответ представлены в виде структур НПР, отделенных от текста автора с вводящей конструкцией запятой. При этом характерным признаком является использование инверсии, в то время как в косвенной речи был бы прямой порядок слов.

(10) He sent a servant to ask, could he be of any service to Lady Chatterley: he thought of driving into Sheffield. The answer came, would he care to go up to Lady Chatterley's sitting-room (*D. H. Lawrence. Lady Chatterley's Lover*).

Кроме того, вводящая конструкция в виде глагола говорения может присутствовать в середине или конце произнесенной НПР, тем самым позволяя создать текстовую интерференцию: до указания на то, кому принадлежит данный текст, читатель остается в неведении и, вероятнее всего, рассматривает первую половину НПР как слова автора. Следует отметить, что к косвенной речи данные конструкции отнести нельзя, поскольку, согласно учебнику грамматики английского языка «English Grammar Today: An A–Z of Spoken and Written Grammar» [Carter R. et al 2016], слова автора в косвенной речи обычно стоят до предаваемой речи, а положение их в конце высказывания будет, скорее, исключением. Отсутствие указания на постановку вводящей конструкции в середине предложения позволяет сделать вывод, что подобное ее положение в косвенной речи в принципе не предполагается. Более того, на то, что данный фрагмент представляет собой НПР, указывают единицы лексического и синтаксического уровней, маркирующие речь персонажа.

Пример такой модели НПР можно найти, в частности, в романе И. Макьюэна «Дитя во времени», где лексическая и синтаксическая сторона НПР отражает формализованную речь полицейских.

(11) The police had lost interest in the case after a week. Riots in a northern suburb, they said, were stretching their resources (*I. McEwan. The Child in Time*).

Так же, как и в русской литературе, в английской прозе встречаются модели произнесенной НПР, следующей за прямой или косвенной речью. В таких случаях вводящая конструкция может как присутствовать, так и отсутствовать. Например, в приведенном ниже фрагменте текста из романа О. Хаксли «О дивный новый мир» НПР вставлена между двумя высказываниями, оформленными как прямая речь. При этом отрывок текста с НПР нельзя рассматривать как текст автора, поскольку заключительное высказывание с прямой речью продолжает мысль, содержащуюся в тексте НПР.

(12) «The lower the caste», said Mr. Foster, «the shorter the oxygen». The first organ affected was the brain. After that the skeleton. At seventy per cent of normal oxygen you got dwarfs. At less than seventy, eyeless monsters.
«Who are no use at all», concluded Mr. Foster (*A. Huxley. Brave New World*).

Структуры НПР могут также следовать за предложением со сложным подлежащим (конструкции *complex subject*), в которых в состав сказуемого входит глагол говорения. Интересно, что в данной конструкции остается неизвестно, каким персонажам принадлежат те или иные слова, поскольку *complex subject* не содержит в себе указания на источник информации, то есть текст автора «переплетается» с неким генерализированным текстом персонажа. Следует отметить, что подобный эффект достигается и при использовании формального подлежащего *they* во вводящей конструкции *they said*.

(13) Nat was said to be superior. Read books and the like (*D. du Maurier. The Birds*).

В данном примере НПР оформлена неполным предложением с опущенным подлежащим, что характерно для разговорной речи.

Кроме того, НПР в английской литературе, так же как и в русской, может быть представлена в виде диалога. Пример тому можно найти, в частности, в романе В. Вулф «На маяк».

(14) As for her little bag, might he not carry that? No, no, she said, she always carried *that* herself (*V. Woolf. To the Lighthouse*).

С одной стороны, в рассматриваемом отрывке текст автора маркируется употреблением форм третьего лица и прошедшего времени, что совпадает с временны́м планом повествования. С другой – за формальную сторону текста персонажа отвечает прямой вопрос, а также употребление частицы *no* и ее повтор, придающий высказыванию экспрессивность.

Иногда произнесенная НПР может не сопровождаться вводящими конструкциями, хотя в целом, в сравнении с непроизнесенной НПР, передающей мысли, чувства и особенности восприятия персонажей, такая модель в английской литературе встречается гораздо реже. Так, в приведенном ниже примере НПР представляет собой передачу слов мисс Лэвиш, которая рассказывает о городе. Данный отрывок НПР не сопровождается вводящей конструкцией, а фразой, маркирующей начало текстовой интерференции, можно считать *How delightfully warm!* Восклицательное предложение содержит оценку девушкой погоды, то есть отсылает к смысловой позиции героини. В дальнейшем текст персонажа маркируется характерным для разговорной речи разделительным вопросом и эллипсисом.

(15) Miss Lavish – for that was the clever lady's name – turned to the right along the sunny Lung' Arno. How delightfully warm! But a wind down the side streets cut like a knife, didn't it? Ponte alle Grazie – particularly interesting, mentioned by Dante. San Miniato – beautiful as well as interesting; the crucifix that kissed a murderer – Miss Honeychurch would remember the story. The men on the river were fishing (Untrue; but then, so is most information) (*E. M. Forster. A Room with a View*).

Заключение

Таким образом, произнесенная НПР может реализоваться в целом ряде моделей как в русской, так и английской литературе. По способу ввода и организации эти модели в целом являются сопоставимыми.

Однако между ними есть и отличия, которые связаны с типологическими различиями языков.

Одно из важнейших отличий связано с аналитизмом английского языка: фиксированным порядком слов и менее свободным синтаксисом. На основе проанализированного материала можно заключить, что нарушение правил синтаксической организации предложения в повествовательном тексте (например, замена косвенных вопросов на прямые) будет одной из черт произнесенной НПР, отвечающих за маркирование текста персонажа на фоне текста автора. При этом для русского языка, тяготеющего к синтетическому типу, будет, скорее, характерно не вышеупомянутое нарушение, а использование заведомо более экспрессивных синтаксических конструкций и особенно разговорно окрашенных лексических единиц.

При этом в каждом языке будут употребляться и свои особые вводящие конструкции, формы которых также будут обусловлены различиями в строе языков. Так, в то время как строй английского языка располагает к использованию дистантных вводящих конструкций с *complex subject*, в русском языке встречаются контактные вводящие конструкции, оформленные в виде неполных, в частности неопределенно-личных, предложений в составе сложных.

Кроме того, важную роль играет и частотность употребления моделей. Например, в английском языке частотность произнесенной НПР с контактной вводящей конструкцией будет выше, чем в русском, что можно объяснить уже изначально заложенным экспрессивным потенциалом переноса ее из начальной позиции, свойственной косвенной речи, в середину или конец предложения.

Исходя из вышесказанного, считаем возможным сделать вывод, что при передаче произнесенной НПР при переводе в рассматриваемой паре языков переводчику, помимо определения типа модели, необходимо опираться на частотность структур НПР в языке вообще и в переводимом произведении в частности, а также на то, каким способом может быть достигнута текстовая интерференция в каждом языке в зависимости от его типологической принадлежности, языковые единицы каких уровней и в каких формах будут отвечать за маркированность текста автора и текста персонажа. В дальнейшем предстоит установить способы передачи (систему соответствий) произнесенной НПР при переводе в данной паре языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Валгина Н. С. Современный русский язык. Синтаксис: учеб. 4-е изд. испр. М.: Высшая школа, 2003. [Valgina, N. S. (2003). Sovremennyi russkii yazyk. Sintaksis (The Modern Russian Language: Syntax): textbook. 4th edn., rev. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)].

Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. [Gal'perin, I. R. (1958). Ocherki po stilistike angliiskogo yazyka (The Outline of English Stylistics). Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh. (In Russ.)].

Жилина И. С. Семантическая характеристика несобственно-прямой речи – понимания, осмысления в английских, немецких и русских художественных текстах XX века // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. Материалы ежегодной Международной конференции. Екатеринбург, 4–5 февраля 2011 г. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2011. 4.1. С. 192–197. [Zhilina, I. S. (2011). Semantic Characteristics of Impersonal Direct Speech – Understanding, Comprehension in English, German and Russian Texts of Fiction of 20th Century. Topical Issues of German, Roman and Russian Languages. Proceedings of the Annual International Conference. Yekaterinburg, February 4–5, 2011. Ural State Pedagogical University. Yekaterinburg. 4.1. 192–197. (In Russ.)].

Ковтунова И. И. «Несобственно-прямая речь» в языке русской литературы конца XVII – первой половины XIX века / Публикация А. Г. Грек. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. [Kovtunova, I. I. (2010). «Nesobstvenno-pryamaya rech'» v yazyke russkoi literatury kontsa XVIII – pervoi poloviny XIX veka («Free Indirect Speech» in the Language of Russian Literature from the End of the 18th Century till the First Half of the 19th Century) / publ. by A. G. Grek. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Azbukovnik». (In Russ.)].

Кусько Е. Я. Проблемы языка современной художественной литературы. Львов: Вища школа, 1980. [Kus'ko, E. Ya. (1980). Problemy yazyka sovremennoi khudozhestvennoi literatury (The Language Problems of the Contemporary Fiction). Lviv: Vishcha shkola. (In Russ.)].

Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд. испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2010. (Язык. Семиотика. Культура). [Paducheva, E. V. (2010). Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa (Semantic Studies: The Semantics of Aspect and Tense in Russian; Semantics of the Narrative). 2nd ed., rev. and updated. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury (Yazyk. Semiotika. Kul'tura). (In Russ.)].

Пучинина О. П. Структурно-семантическая типологизация произнесенной несобственно-прямой речи на материале прозы Марины Цветаевой // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 10, № 4. С. 190–201. doi.org/10.12731/2077–1770-2018-4-190-201 [Puchinina, O. P. (2018). Structural-semantic typologization of free indirect speech: the case of Marina Tsvetaeva's prose. Russian Journal of Humanities. Vol. 10, № 4. P. 190–201. (In Russ.)].

Успенский Б. А. Семиотика искусства. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. [Uspenskii, B. A. (1995). Semiotika iskusstva (Semiotics of Art). Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury». (In Russ.)].

Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. [Schmid, W. (2003). Narratologiya (Narratology). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)].

Carter R. et al. English Grammar Today with CD-ROM: An A-Z of Spoken and Written Grammar. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. URL: https://dictionary.cambridge.org/grammar/british-grammar/reported-speech_2 (дата обращения: 26.02.2021).

Leskiv A. The Literary Phenomenon of Free Indirect Speech // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Rzeszowskiego. Seria Filologiczna. Studia Anglica Resoviensia. 2009. 60. P. 51–58.

Pascal R. The Dual Voice. Free Indirect Speech and Its Functioning in the Nineteenth-century European Novel. Manchester: Manchester University Press, 1977.

Rundquist E. Free Indirect Style in Modernism: Representations of Consciousness. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017.

УДК 81.33 **DOI 10.52070/2542-2197_2021_5_847_22**

М. Буриева

аспирант кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики
факультета английского языка Московского государственного
лингвистического университета
e-mail: mekhrangez2102@gmail.com

О СИМПЛИФИКАЦИИ ЯЗЫКА В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

В настоящей статье рассматривается явление симплификации языка – одного из распространенных способов экономии речевых усилий и времени для быстрого и лучшего понимания сказанного, охвата большей целевой аудитории с разным уровнем владения иностранным языком. Основным методом исследования является компаративный анализ. Материалом работы послужили статьи из энциклопедии *Wikipedia*, а также креолизованные тексты и чаты сетевых игр. В результате исследования выявлены способы симплификации на лексическом и грамматическом уровнях, применяемые при написании англоязычных статей *Wikipedia*.

Ключевые слова: симплификация; компрессия; коммуникация в Интернете; Wikipedia; подъязык.

M. Burieva

PhD Student, Department of Applied and Experimental Linguistics,
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University
mekhrangez2102@gmail.com

ON LANGUAGE SIMPLIFICATION ON THE INTERNET

The article provides information on one of the linguistic means to save speech efforts and time in order to reach a wider target audience with different levels of foreign language proficiency. The main theoretical method of scientific research used in the study is the method of comparative analysis. The material of the study includes articles from «Wikipedia», memes, text creation, chats of network games articles of the English version of «Wikipedia». The results of the study display simplification on the grammatical and lexical levels.

Key words: simplification; compression; communication in the Internet; Wikipedia; sublanguage.

Введение

Проблема изучения особенностей функционирования языка в глобальной сети Интернет на сегодняшний день является основным

CC BY

объектом изучения многих исследователей в области лингвистики [Атабекова 2004; Кристал 2006; Кронгауз 2016; Трофимова 2004]. Поскольку условия коммуникации, передача информации в Интернете отличаются от реального общения, то, следовательно, язык, обслуживающий уникальную сферу общения современного интернет-сообщества будет частично отличаться от языка общения вне Сети. Основной целью современного интернет-пользователя является ускоренная передача основного содержания информации, находящегося в сжатом временно́м пространстве. В результате этого как содержательная сторона текста, так и его внешняя форма подвергаются изменениям. Деформация языка в современных условиях влечет за собой вопрос об оптимальном способе передачи информации. Одним из способов лаконичного изложения мысли, наблюдаемым на глобальном уровне современного интернет-общения, является симплификация.

Актуальность исследования заключается в том, что симплификации является широким понятием и в зависимости от жанра и стиля текста в научной литературе рассматривается по-разному. Вопросы, связанные с симплификацией, встают также при переводе с одного языка на другой. В результате симплификации появляются отклонения от языковой нормы, проявляющиеся на всех языковых уровнях. В нашем исследовании симплифицированный язык рассматривается как особый подъязык, использующийся интернет-пользователями для ускоренной передачи информации для аудитории с разным уровнем владения иностранным языком.

Целью исследования является выявление способов симплификации в английском и русском языках в интернет-пространстве.

Постановка данной цели предполагает решение следующих задач:

– провести анализ понятия симплификации в современной научной литературе;
– провести анализ примеров из английского и русского языков в сети Интернет, в которых используется симплификация;
– рассмотреть проявления симплификации как способа создания подъязыка на примере английской версии энциклопедии *Wikipedia*;
– выявить закономерности процесса симплификации и определить, на каких языковых уровнях больше всего проявляется данное явление.

Понятие симплификации в современной лингвистической литературе

На сегодняшний день с развитием информационных технологий одним из способов быстрой передачи семантики текста в Сети является симплификация языка общения. В научных исследованиях термин «симплификация» имеет ряд таких синонимов, как «упрощение» или «компрессия» [Дубинина 2013; Карнуп 2015; Клонова 2007; Леонтьева 2009].

Несмотря на рассмотрение проблем, связанных с понятием симплификации, начиная середины XX в., однозначное толкования среди исследователей данное понятие до сих пор не получило. В общей сложности в исследованиях разных ученых насчитывается около 20-и непохожих друг на друга определений симплификации на разных языковых уровнях (эллипсис, редукция, сокращение, сжатие, опущение и т. д.) [Литвин 2003].

Проанализировав современную лингвистическую литературу, можно рассмотреть понятие симплификации в широком и узком понимании. В широком смысле симплификация рассматривается как одна из главных тенденций языка Интернета, проявляющаяся более или менее интенсивно в зависимости от конкретных условий интернет-коммуникации. В узком смысле данное понятие характеризует набор конкретных средств, которые служат целям реализации симплификации в широком смысле на всех уровнях языка.

Рассмотрим более подробно некоторые определения симплификации. Согласно С. В. Первухиной, симплификация представляет собой «сокращение предложений, упрощение синтаксических связей, использование слов с более предметной (не абстрактной) семантикой, а также более широко употребимой лексики» [Первухина 2015, с. 120]. Аналогичное понимание данного термина можно найти также в работах Е. В. Карнуп, где под симплификацией понимаются языковые изменения, ведущие к сокращению объёма и упрощению структуры сообщения с целью снижения трудоемкости коммуникации, экономии усилий и времени порождающего сообщения [Карнуп 2015].

Если рассматривать проблему симплификации языка с точки зрения социолингвистики, то в работах отечественных и зарубежных исследователей подчеркивается процессуальность как основная характеристика данного явления. Симплификация рассматривается как

стратегия речепроизводства, обусловленная ситуацией и развертывающаяся во времени, оформленная в виде интонационного рисунка речи, недопущения редуцирования слияния согласных звуков и т. д. Применение симплификации обусловлено существованием упрощенных вариантов языкового поведения, то есть упрощенных регистров, например, при общении с иностранцами или детьми [Городова 2016].

Рассматривая модель симплификации с позиции функционального аспекта, необходимо выделить прагматическую составляющую данного явления, а именно то, что в языках пиджинах и в ориентированных на ребенка формах речи симплификация языка направлена на комфортизацию коммуникации между собеседниками. Например, в ориентированных на ребенка формах речи, а именно – в спонтанной речи взрослых, адресованной маленьким детям, симплификация применяется с целью упрощения языка для ребенка и комфортного его освоения и далее уже применения [Genovese 2019]. Наиболее частое употребления симплификации в данной речи применяется на уровне лексики и синтаксиса. Например, слова, образованные звукоподражанием в английском языке: *bye bye*, *peekaboo*, *yum-yum* и т. д.

Проанализировав методологическую базу по вопросам симплификации, можно сделать вывод, что данное понятие является актуальным и рассматривается многими исследователями в разных аспектах. В настоящей статье симплификация рассматривается как подъязык, используемый в Интернете для упрощения языка с целью лучшего и быстрого понимания информации людьми с низким уровнем владения иностранным языком.

Вербальные средства симплификации в Интернете

В связи с расширенным спектром возможностей технических средств в сети Интернет необходимо отметить также одновременное использование кодов разных семиотических систем в процессе коммуникации. Способом симплификации языка в Сети часто является сочетание вербального и невербального (фотографий, мемов, смайликов, инфографики и т. д.). Сочетание вербальных средств языка с кодами других семиотических систем ускоряет и повышает эффективность передачи и восприятия информации. Прагматическая и информационная ёмкость невербальных средств языка выше, чем у

вербальных, что, в свою очередь, обеспечивает лучшее взаимопонимание говорящих из разных стран [Карнуп 2015].

Особое место в условиях интернет-коммуникации занимает использование «нетрадиционных текстов» или так называемых креолизованных текстов. Под данным видом текста Е. Е. Анисимова понимает сложное текстовое образование, где «вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата» [Анисимова 2003, с. 17]. Креолизованные тексты также можно рассматривать как один из видов симплификации, который может быть выражен в изображениях с упрощенным содержанием к вербальному тексту [Анисимова 2003]. Примером таких текстов могут выступать интернет-мемы. Являясь «семиотически сложным образованием, содержащим вербальный и невербальный компоненты, мемы проявляют тенденцию к симплификации» [Канашина 2016, с. 9].

Рассмотрим примеры вербальных способов симплификации в Сети, многие из которых вошли в Интернет из разговорной речи.

Анализируя симплификацию в речи русскоговорящих интернет-пользователей, можно заметить, что для сокращения того или иного слова используются различные словообразовательные и словоизменительные морфемы из разных языковых систем, в частности из английского языка. В качестве примера рассмотрим распространенное слово «свайпить». Данное слово состоит из двух морфем, а именно – из корневой морфемы «свайп» (от английского *swipe* – сдвигать) и русского суффикса «-ить». «Свайпить» означает сделать движение по экрану. Еще одним примером морфемной симплификации может быть слово «банить», которое тоже состоит из двух морфем. Корневая морфема заимствована из английского языка (*ban* – запрет) и русского суффикса «-ить». В процессе сложения морфем из разных языков появляется сокращенная форма слова, которая означает «заблокировать». Еще одним примером может быть сокращенная форма слова «заблокировать», а именно слово «заблочить». В данном слове три морфемы: приставка «за», корень «блоч» и суффикс «-ить». Также можно рассмотреть примеры из речи онлайн-гейемеров известной сетевой многопользовательской игры *Dota 2*, а именно – такие слова, как сокращенное слово «дефать» заменяющее русское слово «обороняться» (сокращенная корневая морфема «деф» от английского

слова *defend* – защищать) и русского суффикса «-ать»; «сейвить», употребляющая вместо словосчетания «спасать жизнь» (состоит из корневой морфемы английского языка *save* – сохранять и русского суффикса «-ить»).

Одним из способов модели симплификации в лексике являются аббревиатуры. Например, можно выделить аббревиатуры *lol – laughing out loud; pls – please; Omg – oh my God!; btw – by the way*); *smh – shaking my head; wyd – What are you doing?* и др. Однако следует отметить, что представляется трудным определение источника (СМС, соцсети и др.), из которого вошли некоторые популярные аббревиатуры в интернет-язык, поскольку процесс адаптации таких лексических единиц является довольно спонтанным.

Использование сокращенных форм слова и словосочетаний как один из способов симплификации также широко употребляется в Интернете. Например, «Рунет» – русскоязычный контент в Интернете; «тви» – твиттер; «ВК» – соцсеть Вконтакте; *hols – holidays; gonna – going to; ads – advertisement; gotta – have got to; wanna – want to; lemme – let me; sorta – sort of; rehab – rehabilitation* и др. Необходимо отметить, что данные примеры явления симплификации из устной разговорной речи перешли в письменную речь языка Интернета.

Огромное количество адаптаций заимствовано из английского языка. К ним следует отнести такие слова, как «гифка» – анимированная картинка в формате GIF; «хейтеры» (от английского слова *hater* – люди, испытывающие неприязнь по отношению к другому человеку); «фолловеры» (от английского слова *follower* – подписчик, последователь); «инсайдеры» (от английского слова *insider* – человек, работающий в определенной организации и имеющий доступ к конфиденциальной информации); «теги» (от английского слова *tags* – ключевые слова); «фейк» (от английского слова *fake* – фальшивый); «хештеги» (от английского слова *hashtags* – ключевые слова со знаком #, используемый как гиперссылка в социальных сетях); «лайк» (от английского слова *like* – нравится) и др.

Явление симплификации на синтаксическом уровне широко представлено в интернет-языке, и с течением времени данное проявление только возрастает. Например, часто встречаются в Сети (в чатах) неполные предложения (использование эллипсиса, ситуативно неполных предложений, контекстуально неполных предложений),

использование непрямого порядка слов, бессоюзные предложения, парцелляция, вопросно-ответные единства, прерванные структуры, присоединение и др. Многое из перечисленных явлений используется не носителями языка и их можно рассматривать как отклонения от языковой нормы.

Среди интернет-пользователей также существует тенденция к модели симплификации, проявляющаяся в использовании уже готовых существующих цитат. Примером готовых цитат могут послужить выражения из кинофильма «Терминатор»: *I'll be back* – «Я еще вернусь»; или слова Горлума из кинофильма «Властелин колец»: «Моя прелесть!».

Также на уровне синтаксиса можно найти готовые прецедентные тексты. Например, прецедентные тексты из английского языка, встречаемые в Сети, вошедшие из разговорной речи в Интернет: слова из песни Бобби Макферина *Don't worry, be happy!* – «Не беспокойся и будь счастлив!» Слова из монолога Гамлета *To be or not to be* – «Быть или не быть» и др. Также некоторые примеры симплифицированных конструкций, используемые носителями языка в онлайн-формате: *Mothers Day!*; *Grammy time* и др.

Итак, проанализировав вышеуказанные примеры, необходимо подчеркнуть, что явление симплификации является характерной особенностью Сети, и многое из рассмотренных примеров перешло в письменную речь Интернета посредством устной разговорной речи. Переход данных примеров в язык Интернета является спонтанным процессом. Однако в рамках нашего исследования важно рассмотреть симплификацию именно как упорядоченную систему, поддающуюся контролю с целью упрощения самой системы языка. Для нас важно рассмотреть симплификацию в более узком понимании, а именно, как разработанную симплифицированную систему (упрощенную модель), подъязык литературного языка.

Перед анализом примеров симплификации как отдельной системы необходимо дать определение понятию «подъязык». В начале XX в. данное понятие привлекало к себе интерес многих исследователей, в частности, в преподавании иностранных языков. Ярким примером таких упрощенных подъязыков является *Basic English*. Данный подъязык был создан в 1925 г. Ч. Огденом и представляет собой симплифицированный вариант английского языка, используемый для

обучения международных предпринимателей и людей с техническим образованием [Писарик, Горожанов 2021, с. 929].

Еще одним примером упрощенных подъязыков является *Wikipedia Simple English*. Данный подъязык представляет собой симплифицированный вариант английского языка, созданный для пользователей энциклопедии с низким уровнем владения английским языком.

В настоящей работе под термином «подъязык» понимается искусственно созданный язык (как часть естественного языка) в Интернете, разработанный для упрощения системы языка с целью быстрого понимания необходимой информации людьми с низким уровнем владения этим языком.

Рассмотрим некоторые примеры симплификации на материале *Wikipedia*.

В основном на страницах интернет-энциклопедии симплификация морфем отражена в заголовках отдельных разделов. Например, повторяющаяся корневая морфема *wiki* с другими корневыми морфемами, образующие производные слова, такие, как: *Wikidata; Wikiquote; Wikispecies; Wikivoyage; Wikibooks; Wikinews; Wikisource; Wikimedia* и др.

Примерами симплификации лексического пласта в *Wikipedia* могут послужить лексические повторы. Например, в статье, посвященной *Rocky Mountains* в энциклопедии слово *rocky* (как определение, а не как часть имени собственного) повторяется 67 раз, тогда как можно было использовать синонимы данного слова, такие как: *stony, rock-strewn, pebbly, shingly, rough, bumpy, rugged, hard, craggy* и др. Несмотря на отсутствие синонимического ряда слов необходимо отметить, что в Wiki-статьях используются широко известные наименования, выступающие как синонимы:

> The ***Rocky Mountains***, also known as the ***Rockies***, are a major mountain range in western North America.

В статьях *Wikipedia* в версии *Simple English* используются в основном общеупотребительные слова, входящие в состав *Basic English*. Например, *Random article* в интерфейсе упрощенного английского *Wikipeidia* заменяется на симплифицированную лексику, как *Show any page* или же вместо *Page does not exist* используется *Page not created*. Сложная терминология объясняется простыми понятиями:

Demand deposits or ***non-confidential money*** are funds held in demand accounts in commercial banks; Some types of abbreviations are acronyms (which are pronounceable), initialisms (using initials only), or grammatical contractions or crasis.

Здесь упрощенное определение дается в скобках.

Для упрощения на синтаксическом уровне в английской версии *Wikipedia* используются обычные конструкции: *SVO* (*Subject + Verb + direct / indirect object*); *SVO + Subordinate clause*. Например:

The Rocky Mountains (*Subject*), also known as the Rockies, are a major mountain range (*Verb*) in western North America (*Object*).

Сложносочиненные и сложноподчиненные предложения заменяются простыми:

She was born in Turin in December 1685 the eldest daughter of Victor Amadeus II. Her mother was Anne Marie d'Orléans, a niece of Louis XIV, and the daughter of Philippe, Duke of Orléans and of Henrietta of England. Her birth nearly cost her sixteen-year-old mother her life. Marie Adélaïde enjoyed a close relationship with her grandmother.

Используются однотипные конструкции с союзом *and*:

S+Verb, and: Fulton is just to the north of the city limits of Santa Rosa, and 7 miles (11 km) north-northeast of Sebastopol. Her mother was Anne Marie d'Orléans, a niece of Louis XIV, and the daughter of Philippe, Duke of Orléans and of Henrietta of England.

В упрощенном варианте английской версии энциклопедии сохраняется прямой порядок слов. Пассивные конструкции заменяются активными, что в свою очередь упрощает восприятие предложений.

Также используются неполные предложения с целью сокращения предложения:

This male pink-necked green pigeon was photographed in Kent Ridge Park, Singapore (*вместо*: This male pink-necked green pigeon was photographed in Kent Ridge Park, which is located in Singapore).

Welcome to Wikipedia, the free encyclopedia that anyone can edit (*вместо*: Welcome to Wikipedia! It is the free encyclopedia that anyone can edit).

Примеры бессоюзных предложений:

Except when nesting, swifts spend their lives in the air, living on the insects caught in flight; they drink, feed, and often mate and sleep on the wing.; Constantin von Tischendorf rediscovered the Codex Sinaiticus (*text sample pictured*), a 4th-century great uncial codex of the Bible in Greek, in Saint Catherine's Monastery, Egypt.

Итак, проанализировав все уровни подъязыка на материале *Wikipedia*, можно сделать вывод о том, что явление симплификации чаще проявляется на лексическом и синтаксическом уровнях.

Заключение

Симплификация является одной из распространенных тенденций в языке, которая нашла свое отражение также и в интернет-пространстве. Симплификация помогает людям максимально упростить языковое общение и создает наиболее комфортные условия для обмена информацией с представителями разных культур и стран в мировом виртуальном пространстве.

Несмотря на многоаспектность понимания симплификации как явления, в настоящей работе данное понятие рассмотрено в более узком понимании – как подъязык литературного языка и маркер лексического и синтаксического уровняя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Издательский центр «Академия», 2003. [Anisimova, E. E. (2003). Linguistica texta i mejkulturnaya kommunikasiya (na materiale kreolizovanih textov). (Linguistics of the text and intercultural communication (based on creolized texts)). Moscow: Izdatel Skiy tsentr «Akademiya». (In Russ.)].

Атабекова А. А. Сопоставительный анализ функционирования языка на англо- и русскоязычных Web-страницах: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2004. [Atabekova, A. A. (2004). Sopostovitelniy analiz funkcionirovaniya yazyka na anglo- i russkoyazichnih Web-stranicah. (A comparative study of language functioning in English and Russian-language Web-pages): abstract of Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)].

Бадрах А., *Ширнэн Ц.* К вопросу о функционировании русского языка в интернет среде // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. Вып. 5 (27). С.134–141. [Badrakh, A., Shirnen, Ts.

(2015). K voprosu o funkcionirovanii russkogo yazyka v internet srede. (A study of the use of the Russian language in internet environment. Vestnik of Novosibirsk State Pedagogical University, 5(27), 134–141.(In Russ.)].

Городова Е. С. Системно-структурное упрощение как фактор автономизации американского варианта английского языка в макросистеме World Englishes: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. [Gorodova, E. S. (2016). Sistemno-strukturnoye uprosheniye kak factor avtonomizasii americanskogo varianta angliyskogo yazika v macrositeme World Englishes. (Systemic and structural simplification as a factor in the autonomization of American English in the macrosystem of World Englishes): abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].

Дубинина Е. Ю. Компрессия научного текста: методы и модели: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. [Dubina, E. U. (2013). Kompressiya nauchnogo teksta: metody i modeli. (Compression of scientific text: methods and models): abstract of PhD in Philology. St. Petersburg. (In Russ.)].

Канашина С. В. Интернет-мем как новый вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. [Kanashina, S.V. (2016). Internet-mem kak novyj vid polimodal'nogo diskursa v internet-kommunikacii (na materiale anglijskogo yazyka). (*Internet meme as a new type of multimodal discourse in English internet communication*): abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].

Карнуп Е. В. Многоязычная коммуникация в Сети интернет как сфера реализации механизмов компрессии сообщений: на материале микроблогов системы Твиттер: автореф. дис. ... канд.филол.наук. СПб., 2015. [Karnup, E.V. (2015). Mnogoyazichnaya kommunicatsiya v seti Internet kak sfera realizisii механизмов kompressii soobsheniy: na materiale mikroblogov systemi Twiitter (Multilingual communication on the Internet as a sphere for the implementation of message compression mechanisms: on the material of the Twitter microblogging system): abstract of PhD in Philology. St. Petersburg. (In Russ.)].

Клонова О. Ю. Упрощенные языковые системы и формирование пиджина: на материале русско-норвежских языковых контактов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. [Klonova, O. U. (2007). Uprosheniye yazykovye sistemi i formirovaniye pidjina: na materiale russko-norvejskih yazikovih kontaktov. (Simplified language systems and pidgin formation: on Russian-Norwegian language contacts): abstract of PhD in Philology. St. Petersburg. (In Russ.)].

Леонтьева А. В. Особенности компрессии средств выражения информации в современном языке: автореф. дис. ... канд. филол.наук. М., 2009. [Leontyeva, A. V. (2009). Osobennosti kompressii sredstv virajeniya informatsii

v sovremennom yazike. (Compression means of expressing information in modern language): abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].

Литвин С. И. Компрессия художественного текста в двуязычной ситуации: на материале английского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. [Litvin, S. I. (2003) Kompressiya hudojestvennogo teksta v dvuyazichnoy situatsii: na materiale angliyskogo i russkogo yazikov. (Compression of a literary text in a bilingual situation: based on the material of English and Russian languages): abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].

Первухина С. В. Структурно-семантические и дискурсивно-прагматические характеристики адаптированного текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-н/Д, 2015. [Pervukhina, S. V. (2015). Strukturno-semanticheskiye i diskursivno-pragmaticheskiye harakteristiki adaptirovannogo teksta (Structural-semantic and discursive-pragmatic characteristics of the adapted text): abstract of Senior Doctorate in Philology. Rostov-na-Donu. (In Russ.)].

Писарик О. И., Горожанов А. И. Доля английского профессионального подъязыка в текстах учебных материалов для студентов строительных специальностей // Грамота. 2021. Т. 14. Вып. 3. С. 928–932. [Pisarik, O. I., Gorozhanov, A. I. (2021). Dolya anglijskogo professional'nogo pod»yazyka v tekstah uchebnyh materialov dlya studentov stroitel'nyh special'nostej. (Representation of the English-Language Professional Terminology in Educational Texts for Construction Specialities Student*s*). Gramota, 3, 928–932. (In Russ.)].

Кронгауз М. А.[и др.]. Словарь языка интернета.ru. М.: АСТ-Пресс Книга, 2016. [Krongauz, M. A. (2016). Slovar yazika interneta.ru. (Dictionary of the Internet.ru). Moscow: ACT-Press Kniga. (In Russ.)].

Трофимова Г. Н. Функционирование русского языка в Интернете концептуально-сущностные доминанты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. [Trofimova, G. N. (2004). Funktsionirovaniye russkogo yazika v Internete koseptualno-sushnostniye dominant. (Functioning of the Russian language on the Internet conceptual and essential dominants): abstract of Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)].

David C. Language and the Internet // Cambridge University Press. 2004.URL: http://medicine.kaums.ac.ir/uploadedfiles/files/language_and_%20the_internet.pdf (дата обращение: 05.03.2021).

Giuliana G. et al. Infant-directed speech as a simplified but not simple register: a longitudinal study of lexical and syntactic features // Journal of Child Language. 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/336902317_Infant-directed_speech_as_a_simplified_but_not_simple_register_a_longitudinal_study_of_lexical_and_syntactic_features (дата обращение: 05.03.2021).

УДК 811.161.1'38 **DOI 10.52070/2542-2197_2021_5_847_34**

Р. А. Говорухо

кандидат филологических наук, доцент;
директор Российско-итальянского учебно-научного центра
Российского государственного гуманитарного университета
govorroman@mail.ru

СВЯЗНОСТЬ ИТАЛЬЯНСКОГО И РУССКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕКСТА И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

На примере текстов пьес А. П. Чехова («Дядя Ваня» и «Вишневый сад») и Луиджи Лунари «Tre sull'altalena» и их переводов в статье исследуется связность драматического текста в итальянском и русском языках. На уровне глобальной связности (когерентности) существенных различий отмечено не было. На уровне локальной связности (когезии) были выявлены различия при переводе как драматургического диалога, так и метатекста, т. е. авторских ремарок. В итальянском драматическом тексте больше вопросительных предложений, выполняющих различные функции, бессоюзие и сочинение русского текста заменяются в итальянском гипотаксисом различного типа.

Ключевые слова: итальянский язык; драматический текст; глобальная и локальная связность текста; литературный перевод.

R. A. Govorukho

PhD (Philology), Assistant Professor,
Director of the Russian-Italian Study and Research Center,
Russian State University for the Humanities
govorroman@mail.ru

COHERENCE AND COHESION IN ITALIAN AND RUSSIAN DRAMA TEXTS AND PROBLEMS OF TRANSLATION

The article examines Anton Chekhov's plays *Uncle Vanya* and *The Cherry Orchard* along with five Italian translations of each of them as well as Luigi Lunari's play *Tre sull'altalena* and its Russian translation to study coherence and cohesion in Italian and Russian drama texts. With regard to coherence, no significant differences are found. As to cohesion, differences are dentified in the translation of both dramatic dialogue and metatext, i. e., stage directions. Italian drama texts demonstrate a higher recurrence of interrogative sentences that perform different functions, while asyndeton and parataxis in Russian texts are replaced in Italian translations by hypotaxis of different kinds.

Key words: the Italian language; drama text; text coherence and cohesion; literary translation.

CC BY

Введение

Работа представляет собой сопоставительное исследование связности драматического текста в итальянском и русском языках. Материалом послужили тексты пьес А. П. Чехова «Дядя Ваня» и «Вишневый сад» и пяти переводов каждой из них на итальянский язык[1], а также пьеса Луиджи Лунари «Tre sull'altalena» и ее перевод на русский[2]. Объединение этих авторов не случайно: новаторский стиль Чехова, ставшего одним из создателей модернистского театра начала двадцатого века, получил развитие в абсурдистской пьесе Лунари, который, кроме того, является одним из переводчиков чеховских пьес на итальянский.

Перевод драматических текстов представляет собой специфический вид перевода, обусловленный особенностью самого рода драмы, которая одновременно принадлежит театральному и литературному искусству. В драматическом произведении изначально заложен потенциал быть интерпретированным, переведенным на язык сцены: «…всякая драма, в сущности говоря, есть не законченное художественное произведение, а только материал для театрального представления» [Выготский 1987, с. 217]. В этой связи различают собственно драматический текст и основанный на нем сценический текст, рожденный в процессе работы над спектаклем. Драматический текст, который будет интересовать нас в дальнейшем, понимается как созданный в виде пьесы письменный текст, основным свойством которого является смысловая и формальная связность, то есть повторяемость элементов различных уровней. Сценический текст создается непосредственно ради определенной постановки, тогда как созданный в определенный момент драматический текст продолжает жить в первоначальной форме (с учетом существования различных редакций одной пьесы), будучи базой для создания любого количества сценических текстов

[1] *Čechov A. P.* Il giardino dei ciliegi. (trad. Luigi Lunari), Milano, BUR, 1983; *Čechov A. P.* Il giardino dei ciliegi. (trad. Clara Strada Janovič), Venezia, Marsilio, 1991; *Čechov A. P.* Tutto il teatro. (trad. G. De Dominicis Jorio), Milano, U. Mursia & C., 1962; *Čechov A. P.* Teatro. (trad. Gerardo Guerrieri), Milano, Oscar Mondadori, 1982; *Čechov A. P.* Teatro. (trad. Gian Piero Piretto), Milano, Garzanti, 1989. *Čechov A. P.* Zio Vania. Giulio Einaudi editore s.p.a., Torino, 1991, (trad. A.-M. Ripellino). *Čechov A. P.* Zio Vania. "BUR", 1991, (trad. L. Lunari).

[2] *Lunari L.* Tre sull'altalena. Milano, BUR, 1994; *Лунари Л.* Трое на качелях / пер. Н. Живаго // Театр. 1993. № 12.

[De Blasi 2012, с. 17–19]. Сложности перевода драматических текстов связаны в первую очередь с тем, что в ходе сценического высказывания смысл передается как вербальным (собственно реплики персонажей), так и невербальным способом (мизансцены, предметы на сцене, жесты, интонация и мимика актеров). Вербальные и невербальные составляющие взаимосвязаны в драматическом тексте, и они должны быть переданы в переводе [Левый 1974, с. 178–188].

Основная часть

1. В структуре драматического текста традиционно выделяются два элемента: предназначенные для произнесения реплики персонажей и метатекст, прежде всего авторские ремарки [Пеньковский, Шварцкопф 1986]. Эти две формы бытования драматического текста по-разному соотносятся с оппозицией устная vs. письменная речь.

Исследование синтаксической структуры письменных и устных текстов проводилось У. Чейфом, который выделил следующие особенности письменного текста: наличие полных (неэллиптированных) простых предложений, сложных предложений (с сочинительной и подчинительной связью), именных групп с предлогом, конструкций с причастием и деепричастием. Для устного текста, напротив, характерны простые предложения, а также сложные предложения с эллипсисом, сложные предложения с бессоюзной связью, обращения, дискурсивные слова [Chafe 1982].

Что касается драматического текста, то реплики персонажей, с одной стороны, характеризуются большим количеством полных предложений, сложных предложений с сочинительной и подчинительной связью, что сближает эту часть драматического текста с письменными текстами, тогда как большое количество дискурсивных маркеров, частиц и обращений делает ее похожей на устный текст. Метатекст характеризуется большим количеством неполных, простых предложений, тенденцией к отсутствию сочинительных и подчинительных связей, и в этом он уподобляется устным текстам. В то же время отсутствие дискурсивных маркеров и обращений сближает метатекст с письменной речью [Бочавер 2012, с. 12–14].

У. Чейф использовал для своих расчетов выборку в тысячу слов. Мы провели анализ на ста предложениях (единства между точками),

взятых подряд пьесы «Вишневый сад» и перевода Дж. Гверьери, а также ста предложениях из комедии Луиджи Лунари и ее перевода на русский язык. Представим полученные результаты в виде таблицы:

Таблица 1

	Чехов	Čechov	Lunari	Лунари
Простое предложение Сложное предложение	64 36	70 30	72 28	79 21
Полное простое предложение Неполное простое предложение	46 18	51 19	26 56	43 37
Сочинительная связь	11	10	10	7
Подчинительная связь	18	12	15	9
Бессоюзная связь	7	8	3	5
Оборот с деепричастием	2	3	4	2
Обращения	8	7	5	4
Междометия / речевые слова	5	8	10	9

Данные свидетельствуют о том, что средняя встречаемость форм в русском и итальянском языках примерно одна и та же. Высокий процент простых полных предложений и сложных предложений с сочинением и подчинением подтверждает близость драматического текста к письменному тексту. С другой стороны, обилие дискурсивных слов (типа *diciamo*, *ecco*, *sai*, *praticamente*), а также междометий и обращений сближает его с устным текстом (о роли междометий в драматическом тексте [Nencioni 1983]).

Сто проанализированных предложений представляют собой реплики действующих лиц пьес Чехова и Лунари. Беглое количественное сравнение метатекста в русских и итальянских пьесах дает примерно тот же результат, что и анализ реплик.

Проведенное количественное исследование, таким образом, указывает на двойную природу драматического текста с элементами как устного, так и письменного текста, но не позволяет сделать выводов относительно различий между русским и итальянским драматическим текстом, которые видятся в этом аспекте весьма незначительными.

Для выявления возможных различий необходимо провести качественный анализ структуры текста, прежде всего – исследовать механизмы связности на глобальном и на локальном уровне.

2. Под глобальной связностью (когерентностью) понимается смысловое единство текста, его семантическая целостность, которая достигается, когда предлагаемому набору высказываний можно приписать внутреннюю семантическую организацию, построенную на принципах логической последовательности и иерархии [Ferrari 2016, с. 115–117]. Таким образом, когерентность текста как категория связана с рецепцией текста слушающим (в нашем случае это читатель пьесы или зритель спектакля) и по природе своей обладает градуальностью: текст может восприниматься как более или менее когерентный, в отличие от грамматической связности на уровне фразы, которая не градуальна. В процессе коммуникации могут возникать внешние факторы, блокирующие, прерывающие, отодвигающие на второй план требование глобальной связности. Именно это можно наблюдать в анализируемых текстах, где отсутствие связности становится определенным художественным приемом. Это касается как постмодернистской пьесы Лунари, так и модернистского театра Чехова, в котором отсутствие связности призвано передать нарушение коммуникации между персонажами. Проявлением этого является отрицание принципа кооперативности, так называемый прерывистый диалог, или «диалог глухих», когда последовательность реплик не соответствует *классическим* условиям построения иллокутивных пар (таких как вопрос-ответ, сообщение-комментарий, обвинение-оправдание, вопрос-дополнительный вопрос) [Степанов 2005, с. 306].

Эта особенность, однако, не создает проблем на межъязыковом уровне. Ср. характерный фрагмент пьесы Чехова «Вишневый сад» и его перевод Дж. Гверьери:

Лопахин. … Согласны вы отдать землю под дачи или нет? Ответьте одно слово: да или нет?	… Volete lottizzare la proprietà, oppure no? Sì, o no, ma rispondete! Una parola! Che ci vuole?
Любовь Андреевна. Кто это здесь курит отвратительные сигары… (*садится*).	Chi è qui che fuma questi sigari pestilenziali? (*si siede*)

Гаев. Вот железную дорогу построили, и стало удобно… (*садится*)	Adesso che hanno costruito la ferrovia, è una passeggiata … (*si siede*) …
Лопахин. Только одно слово. Дайте же мне ответ!	Una parola sola! Datemi una risposta!
Гаев (*зевая*). Кого?	Prego?
Любовь Андреевна. Вчера было много денег, а сегодня совсем мало.	Ieri avevo tanti soldi, oggi guarda quanto pochi me ne restano …

3. Под локальной связностью (когезией) текста понимается набор лингвистических механизмов, обеспечивающих связь между высказываниями. Два основных параметра связности текста на локальном уровне – это коннекторы различной семантики и анафорический механизм [De Beaugrande, Dressler 1984, с. 78–95]. В отличие от глобальной связности механизмы когезии лингвоспецифичны, они определяются особенностями системы, нормы и узуса того или иного языка. Именно в этой области в анализируемых текстах заметны определенные различия, на которых мы остановимся далее.

3.1. Особенностью итальянского синтаксиса является тенденция большей иерархизации элементов текста [Govorukho 2001]. Это можно отметить уже на уровне метатекста, который, как уже было сказано, в целом неохотно допускает предложения сложной структуры с сочинением или подчинением. Приведем пример русской фразы метатекста с бессоюзной связью, вполне допустимой и в итальянском языке:

Яша тоже вошел в гостиную, ∅ смотрит на танцы (*Чехов «Вишневый сад»*).

Anche Jasa è entrato dal (nel) salotto e osserva (guarda) le danze (quelli che ballano)[1] (*De Dominicis Jorio*) (*Piretto*) (*Lunari*) (*Srada Janovič*).

Anche Jasa è entrato dal salotto a guardare le danze. (*Guerrieri*).

Как мы видим, ни в одном из переводов не сохраняется синтаксическая структура русского оригинала. В четырех случаях появляется сочинительный союз **e**, а в одном переводе – конструкция гипотаксиса с целевой семантикой, вводимая предлогом **a**.

[1] При совпадении вариантов перевода предлагается лишь один вариант. В скобках отмечаются лексические расхождения и указаны фамилии переводчиков.

Приведем еще один пример русского метатекста с сочинительной связью, которая сохраняется лишь в одном итальянском переводе из пяти. Ср:

В глубине сцены проходит Епиходов и играет на гитаре (*Чехов «Вишневый сад»*).

Sul fondo della scena passa Epichodov e suona la chitarra (*Lunari*).

In (sul) fondo alla scena passa Epichodov che suona (con) la chitarra (*Strada Janovič*) (*Piretto*) (*Guerrieri*).

Sul fondo della scena passa Epichodov suonando la chitarra (*De Dominicis Jorio*).

В четырех случаях сочинение уступает место подчинению: в трех переводах это относительное придаточное аппозитивного типа, а в одном случае – герундиальный оборот.

3.2.Сочинительная конструкция из двух предикатов, первый из которых обозначает положение референта в пространстве (*X сидит*, *X стоит*, *X лежит*), а второй указывает на основное действие, как правило, передается на итальянский с помощью конструкций презентации: глагол *esserci* + аппозитивное относительное придаточное [Говорухо 2017, с. 66]. Ср.:

За пледом стоит Варя *и* кланяется (*Чехов «Вишневый сад»*).
Dietro (il plaid) *c'è* Varja che fa un inchino (*Strada Janovič*) (*Guerrieri*).
Dietro il plaid *c'è* (*appare*) Varja che si inchina (*Lunari*), (*Piretto*).
Dietro di esso *è* in piedi Varja che saluta (*De Dominicis Jorio*).

Третий случай, который мы приведем, касается характерных для метатекста односложных реплик типа 'X хочет Vinf', которые могут быть буквально переданы на итальянском языке конструкцией 'X vuole Vinf'. Однако наряду с этим вариантом мы находим в переводах более частотную итальянскую ложноцелевую конструкцию 'fare + per + Vinf'. Далее в таблице представлены данные по шести подобным контекстам (см. табл. 2).

Отметим, что в конструкциях «fa per andare via», «fa l'atto di uscire», «fa il gesto di» акцент делается на внешнем проявлении действия, они обладают большей «театральностью» по сравнению с русскими ремарками типа *хочет уйти*, лишь описывающими внутреннее состояние персонажа.

Таблица 2

	ДВ	**ДВ**	**ДВ**	**ДВ**	**ВС**	**ВС**
Чехов	Хочет выпить	Хочет идти	Хочет уйти 1	Хочет уйти 2	Хочет уйти	Хочет поцеловать
Lunari	Fa per	Fa per	Fa per	Fa per	Fa per	Fa per
Piretto	Fa per	Vuole	Fa per	Fa per	Fa per	Fa il gesto di
Guerrieri	Fa per	Vorrebbe	Vuole	Fa per	Vuole	Fa per
De Dominicis Jorio	Accenna a voler bere	Vuole	Vuole	Vuole	Fa per	Vuole
Strada		–	–	–	Fa per	Vuole
Ripellino	Fa l'atto di	Fa per	Fa per	Fa per	–	–

3.3. Теперь обратимся к репликам персонажей, где мы также находим ложноцелевые конструкции в итальянских переводах. Ср.:

Лопахин. Бросила ключи, Ø хочет показать, что она уж не хозяйка здесь… (*Чехов «Вишневый сад»*).

На buttato (via) (gettato) le chiavi, per far vedere (dimostrare) che (lei) non è più (la) padrona qui… (*Strada Janovič*) (*Piretto*) (*De Dominicis Jorio*).

На buttato (via) le chiavi, (come) per dire che (adesso) non è più lei la padrona di casa… (*Lunari*) (*Guerrieri*).

Адресат русского текста самостоятельно устанавливает связь между поступком Вари и его мотивом, тогда как в итальянских вариантах причинно-следственная связь неизменно эксплицируется с помощью целевого союза. На смену бессоюзному паратаксису (вполне, впрочем, допустимому в итальянском языке) во всех пяти переводах приходит гипотаксис.

Приведем также несколько характерных примеров из текста пьесы Лунари и ее перевода. Первый представляет собой фрагмент метатекста, состоящий из двух картин, причем бессоюзная связь независимых предложений в русском тексте допускает лишь их последовательное

наступление, тогда как в итальянском временной союз *mentre* вносит дополнительный оттенок одновременности, наложения ситуаций друг на друга, то есть более тесной связи. Ср.:

> Il Commendatore cade in ginocchio, mentre – di colpo – si fa buio. (*Lunari*) – Командор падает на колени. Ø Сцена проваливается в полную темноту.

Союзам, как показателям синтаксической связности итальянского текста, в русском языке часто соответствуют частицы или модальные слова, работающие, скорее, на семантическом уровне. Ср.:

> Beh... io non sono velocissimo a capire le cose. Però ci voglio pensare... perché la cosa è curiosa (*Lunari*). – До меня вообще медленно доходит. Надо подумать, Ø дело-*то* любопытное.

> Oh, non è che volessi delle scuse … Quindi sono anzi io che le chiedo scusa, per non aver intuito subito, che lei, magari... (*Lunari*) – Да нет, я не требую извинений … *Ø Пожалуй*, я сам должен просить прощения у вас – не сообразил вовремя, что вы, наверное…

Связи, представленные в итальянском тексте эксплицитно с помощью союзов, в русском тексте часто имплицитны. Русский текст представляет собой последовательность отдельных предложений, логическую связь между которыми предстоит установить слушающему в ходе процесса инференции. Показательным примером служит диалог Астрова и Елены Андреевны в третьем действии пьесы «Дядя Ваня». Астров спрашивает о месте рождения и образовании собеседницы, после чего предполагает, что его рассказ будет ей не интересен. В реплике Астрова есть только вводное слово «пожалуй», выражающее допущение. При этом все пять переводчиков использовали союз «allora» для выражения причинно-следственной связи в итальянском тексте:

– А вы получили образование? – В консерватории. – Для вас, *пожалуй*, это неинтересно (*Чехов «Дядя Ваня»*).

– E ha studiato? – Al conservatorio. – Allora questo non la interessa (*Ripellino*).
– E avete studiato? – Al conservatorio. – Per voi, allora, non sarà interessante (*Piretto*).
– Ha studiato? – Al conservatorio. Questo, allora, non la interesserà (*Lunari*).

– Eh ha studiato? – Al conservatorio. – Allora forse queste cose non le interessano (*Guerrieri*).
– E dove avete studiato? – Al Conservatorio. – Allora credo che i miei disegni non possano interessarvi (*De Dominicis Jorio*).

Показательно, что коннектор *allora* является именно элементом когезии текста, он присутствует независимо от модальности предположения (*forse*, *credo che*), поскольку без него итальянский текст выглядел бы недостаточно связным.

3.4. Еще одним средством когезии, соединяющим части текста в единое целое, является местоименная анафора, которая по-разному функционирует в двух языках. Ср.:

Это камень на моей шее, я иду с ним на дно… (*Чехов «Вишневый сад*).

È (questa) una (la) pietra che ho al collo e che mi trascina giù (mi porta sul fondo) (mi tirerà giù nel gorgo)... (*Strada Janovič*) (*Piretto*) (*Lunari*).

È una pietra pesante che mi porto al collo, che mi trascinerà giù... (*Guerrieri*).

Questa è la pietra che ho legata al collo e che mi trascina nella voragine... (*De Dominicis Jorio*).

В русском тексте связь между высказываниями F1 и F2 осуществляется семантически, с помощью анафорического местоимения 3-го лица в косвенном падеже. Во всех итальянских переводах мы видим цепочку относительных придаточных, в которых связь кодируется еще и синтаксически. Кроме того, в F2 появляется глагол с каузативной семой, позволяющий сохранить подлежащее в двух относительных придаточных: *я иду → mi trascina* / *tira* / *porta*. Тот же прием выбора глагола с дополнительной валентностью мы наблюдаем в следующем оригинальном примере из пьесы Лунари:

Vengo anch'io, con lei. Le dimostrerò che per la "sua" porta "io" passo. (*Lunari*) – Пойдёмте вместе, и вы увидите, как я пройду через вашу дверь.

В трех клаузах итальянского текста одно подлежащее (io vengo – dimostrerò – passo), в русском же переводе их три (*пойдемте* (*мы*) – *увидите* (*вы*) – *пойду* (*я*)). Для сохранения первого актанта в смежных клаузах используются не только лексические, но и аналитические каузативы. Ср.:

Вы ничего не делаете, только судьба бросает вас с места на место… (*Чехов «Вишневый сад»*)

Voi non fate niente: è soltanto il destino che vi sbatte da un posto all'altro... (*De Dominicis Jorio*)
E invece lei non fa niente, si lascia ballottare dalla sorte. (*Strada Janovič*)
Voi non fate niente, vi lasciate gettare di qua e di là dal destino... (*Piretto*)
Tu non fai niente, ti lasci portare dal caso ora qui ora là... (*Lunari*)
Invece non fate niente, lasciate che il destino vi sballotti da una parte all'altra... (*Guerrieri*)

Лишь первый перевод повторяет синтаксическую структуру оригинала, тогда как в четырех вариантах с помощью аналитического каузатива в смежных простых предложениях удается сохранить общее подлежащее, укрепляя тем самым связность итальянского текста. Аналогичную картину мы наблюдаем и в переводе с итальянского на русский. Ср.:

Ma ... intuisco che lei desidera essere lasciato solo. (*Lunari*) – Впрочем … догадываюсь. Хотите, чтобы **я** скорей исчез.

3.5.При сравнительном анализе было выявлено увеличение числа вопросительных предложений в итальянских переводах в сравнении с оригиналом. При переводе на русский вопросы часто устраняются. Вопросительные высказывания играют особую роль в поддержании связности диалога. Кроме основной своей функции каузации ответного акта говорения, они служат для установления и поддержания контакта, привлечения внимания собеседника, поддержания диалога. Можно выделить три основных типа вопросительных высказываний в итальянском тексте:

1) вопрос «встроен» в монолог персонажа, обращен к самому себе, не требует ответа. Ср.:

Дуняша. Я думала, что вы уехали (*Чехов «Вишневый сад»*).

Che ne sapevo? Vi credevo uscito (*Guerrieri*).
… Trova un grosso libro nero – una Bibbia? – che prende… (*Lunari*) .

… Находит большую чёрную книгу, по-видимому, Библию.

– Come faccio a saperlo? È la prima volta che vengo qui (*Lunari*).
– Не знаю. Я сам тут в первый раз.

2) вопрос обращен к другому персонажу, но не требует ответа, так как является риторическим, выражает скрытую агрессию, либо выполняет функцию просьбы (вежливой или грубой). Ср.:

Варя (*сердито*). Да уходите же, наконец! (*Чехов «Вишневый сад»*) – *Varia* (*con irritazione*). Insomma, se ne vuole andare? (*Lunari*).

Варя. Не говорите, дядечка, лишнего. (*Чехов «Вишневый сад»*) – *Varja.* Perché tante parole inutili, zio? (*Piretto*).

Non voleva andarsene? (*Lunari*) – Вы же собирались уходить.

Perché non gioca anche lei? (*Lunari*) – Садитесь с нами.

3) вопросительное высказывание обращено к другому персонажу и содержит каузацию акта говорения.

Трофимов. Аня, нет моих калош! Не нашел! (Чехов «Вишневый сад») – *Trofimov.* Anja, le hai viste tu le mie calosce? Non le trovo… (*Guerrieri*).

Дуняша. Дуняша, Федора Козоедова дочь. Вы не помните! (*Чехов «Вишневый сад»*) – *Dunjaša.* Sono Dunjaša, la figlia di Fëdor Kosodoev. Non vi ricordate? (*De Dominicis Iorio*).

Случаи последнего типа вызывают наибольший интерес с точки зрения проблемы коммуникации и «разорванности» диалога в пьесах Чехова. Часто появление вопроса в репликах персонажа создает впечатление большей заинтересованности в установлении или продолжении коммуникации, благодаря появлению дополнительных вопросов в итальянском тексте увеличивается доля той фатики, которая отвечает за поддержание и связность диалога. В некоторых случаях вопросительное высказывание содержит дискурсивные слова «è vero», «no», «capito», «sai», «sapete» и т. д., отсутствующие в оригинале и выполняющие контактоустанавливающую функцию. Ср.:

Любовь Андреевна. Ведь мой сын утонул здесь… (Чехов «Вишневый сад») – *Ljubov' Andreevna.* Mio figlio è annegato qui, capito? (*Guerrieri*).

Соня. Как это неприятно, право... С фабрики приезжайте обедать. (*Чехов «Дядя Ваня»*) – *Sònja.* È proprio un peccato! Dalla fabbrica, poi, tornerete qui per il pranzo, vero? (*De Dominicis Iorio*).

Аня. А в Париже я на воздушном шаре летала! (*Чехов «Вишневый сад»*) – *Anja.* Sai che ho volato in pallone a Parigi? (*Guerrieri*).

Марина. Вот и теперь. Самовар уже два часа на столе, а они гулять пошли (*Чехов «Дядя Ваня»*). – *Marina.* Anche adesso: lo vedi? Il samovar è lì da due ore, e loro sono andati a spasso (*Lunari*).

Parlo per invidia, sa? (*Lunari*) – Это я от зависти.

Заключение

В русских и итальянских драматических текстах используются и те же средства создания связности, детерминированные системой этих языков, а также обусловленные типологическими особенностями драматического текста. Исследование показало отсутствие различий на уровне глобальной связности. На уровне локальной связности в итальянских текстах выявлена тенденция к усилению когезии, которая проявляется как на уровне реплик персонажей, так и на уровне метатекста. При переводе на итальянский наблюдается последовательная трансформация бессоюзия в сочинение, сочинительные конструкции заменяются подчинительными. Выбор глагола, имеющего на одну валентность больше, позволяет не менять подлежащее в смежных предложениях, что также способствует сохранению единой синтаксической перспективы. На уровне иллокутивных связей в итальянском тексте активнее используются вопросительные высказывания, которые в своей основной функции каузации ответного акта говорения усиливают связность диалога. Дальнейшие исследования смогут показать, насколько отмеченные явления характерны для текстов другого типа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бочавер С. А. Связность драматического текста и сценическая коммуникация (на материале русской и испанской драматургии конца XIX – начала XX вв.): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2012. [Bochaver, S. A. (2012). Svjaznost' dramaticheskogo teksta i scenicheskaja kommunikacija. (Dramatic text coherence and stage communication): abstract of PhD in Philology. (In Russ.)].

Выготский В. С. Психология искусства. М.: Педагогика, 1987. [Vygotskij, V. S. (1987). Psihologija iskusstva. (Psychology of art). Moscow: Pedagogika. (In Russ.)].

Говорухо Р. А. Об одном случае семантического связывания в русском и итальянском языках // Contrastes. Etudes de linguistique slavo-romane. Alessandria: Edizioni dell' Orso, 2019. С.131–146. [Govoruho, R. A. (2019).

Ob odnom sluchae semanticheskogo svjazyvanija v russkom i ital'janskom jazykah. (A case of semantic coherence in Russian and Italian). (In Russ.)].

Левый И. Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974. [Levyj, I. (1974). Iskusstvo perevoda. (Art of translation). Progress. (In Russ.)].

Пеньковский А. Б., *Шварцкопф Б. С.* Типы и терминология ремарок // Культура речи на сцене и на экране. М.: Наука, 1986. [Pen'kovskij, A. B., Shvarckopf, B. S. (1986). Tipy i terminologija remarok. (*Types and terminology of remarks*). In: Kul'tura rechi na scene i na jekrane (pp. 150–170). Moscow: Nauka (In Russ.)].

Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. [Stepanov, A. D. (2005). Problemy kommunikacii u Chehova (Communication problems with Chekhov). Jazyki slavjanskoj kul'tury. (In Russ.)].

Chafe W. 1982. Integration and involvement in speaking, writing, and oral literature // Spoken and written language: Exploring orality and literacy, Norwood: Ablex. P. 35–54.

De Beaugrande R., Dressler W. Introduzione alla linguistica testuale. Bologna: il Mulino, 1984.

De Blasi N. Teatro e realtà linguistica. In: La lingua italiana e il teatro delle diversità. Atti del Convegno, Accademia della Crusca 15–16 marzo 2011. Firenze: goWare, 2012.

Govorukho R. Sintassi e pragmatica nella coesione testuale in italiano e in russo // «Studi di grammatica italiana», XX, 2001. P. 53–67.

Ferrari A. Linguistica del testo. Roma: Carocci editore, 2016.

Nencioni G. L'interiezione nel dialogo teatrale di Pilandello. In: Fra grammatica e retorica. Da Dante a Pirandello. Torino: Einaudi, 1983. P. 210–253.

УДК 811.112.2; 81´33 **DOI 10.52070/2542-2197_2021_5_847_48**

А. И. Горожанов

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

a.gorozhanov@linguanet.ru

МЕТОД КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА ГРУППЫ ТЕКСТОВ (на материале немецкоязычных научных статей)

В статье предлагается метод анализа совокупности текстов, основанный на автоматическом сравнении языкового материала. В качестве основных методов исследования применяются индукция (при создании программного обеспечения) и компаративный анализ (в ходе работы этого программного обеспечения). Делается вывод о том, что разработанный метод позволяет с высокой степенью точности установить частотность словоформ в совокупном текстовом массиве, а также определить самые употребительные словосочетания в нем, что может послужить «отправной точкой» для последующей интерпретации содержания.

Ключевые слова: компаративный анализ; немецкий язык; международная база данных Scopus; научные журналы; специальное программное обеспечение.

A. I. Gorozhanov

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor,
Professor at the Department of German Grammar and History,
Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University
a.gorozhanov@linguanet.ru

METHOD OF COMPARATIVE ANALYSIS OF A GROUP OF TEXTS (on the material of German-language research papers)

The article proposes a method for text analysis based on automatic comparison of language material. Induction (when creating software) and comparative analysis (when this software is running) are used as the main research methods. The author concludes that the developed method makes it possible to establish the frequency of word forms in the aggregate text array with a high degree of accuracy, as well as to determine the most common word combinations in it, which can serve as a starting point for the subsequent interpretation of the content.

Key words: comparative analysis; the German language; Scopus international data base; scientific journals; special software.

CC BY

Введение

Компаративные, или сопоставительные, исследования традиционно широко привлекаются для получения нового научного знания. В настоящее время в гуманитарных науках компаративный анализ продолжает успешно применяться в качестве центрального метода [Bueno 2020; Halchuk 2020; Istanti et al. 2020; Nilsson 2020; Ordukhanyan 2019; Orlova 2020]. В то же время в гуманитарной сфере ощущается нехватка специализированных программных решений, настроенных на достижение положительного результата в конкретных исследовательских проектах [Gorozhanov, Guseynova 2020a, с. 2036].

В нашей работе ставится цель создания и апробации специализированного программного инструмента, который бы осуществлял обработку и сравнение содержания группы текстов с минимальным участием человека. Предполагается, что визуализированным выводом, сформированным в ходе работы программного обеспечения, станет частотный список повторяющихся в текстах последовательностей слов.

В соответствии с поставленной целью сформулируем задачи исследования:

1. Разработать алгоритм и его программную реализацию первичной обработки файлов PDF для их приведения в формат TXT.
2. Разработать алгоритм и его программную реализацию сопоставления текстов, а именно – выявления повторяющихся в них последовательностей слов.
3. Провести экспериментальную апробацию созданного программного обеспечения на материале немецкоязычных научных статей.

Практическая ценность работы заключается в том, что разработанный метод может быть использован как базисный в рамках многочисленных исследований художественного дискурса для создания представления о количественной презентации изучаемых языковых явлений, а также для установления сходства нескольких текстов между собой.

1. Материал и методы исследования

Материалом исследования служат оригинальные электронные тексты немецкоязычных научных статей из изданий, входящих

в международную базу данных «Scopus» и опубликованных за последние три года, а именно из журналов: Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik, Zeitschrift für Erziehungswissenschaft и Unterrichtswissenschaft издательства «Springer» общим объёмом 540 360 слов или 4 165 806 знаков (включая пробелы). Такой выбор обусловлен несколькими причинами. Во-первых, язык избранных статей проявляет стилистическое единство, т. е. эти тексты подлежат сравнению на основании общности формы. Во-вторых, этот материал прошел неоднократную редакторскую правку и поэтому либо вовсе не содержит языковых ошибок, либо содержит их в незначительном количестве.

Заметим, что несмотря на достаточную репрезентативность материала, он служит в первую очередь для демонстрации возможностей описываемого метода, который предусматривает многоступенчатую автоматическую обработку электронного текстового материала с последующим выводом конечных результатов сравнения в удобном для человека формате.

В качестве инструментария для создания программного обеспечения был выбран язык программирования Python 3.8.

В исследовании применялся метод индукции (при составлении алгоритмов как обобщающей модели [Горожанов 2018]), а также метод компаративного анализа (в ходе экспериментальной апробации программных продуктов на языковом материале)[1].

2. Ход исследования и его результаты

Для решения первой задачи исследования необходимо было разработать специальное программное обеспечение, которое бы преобразовывало файлы PDF в файлы более удобного формата для последующей программной обработки текстового материала. Этот процесс нужно было максимально автоматизировать, чтобы при увеличении количества файлов оператору программы не пришлось бы совершать дополнительные действия. Также мы исходили из того, что файлы

[1] Несмотря на то, что в исследовании применяются различные методы научного познания, мы поместили в общее название предлагаемого метода *компаративный анализ* потому, что на стадии работы программного обеспечения производится сравнение каждой словоформы с другими словоформами и каждой последовательности словоформ с другими последовательностями аналогичной длины.

PDF находятся в определенной папке. После конвертации файлы TXT будут также сгруппированы в отдельную новую папку. В результате была составлена следующая функция, которая использует модуль «pdfminer» (см. листинг 1):

Листинг 1

```
def pdfFolderToTxtFolder(folderName):
    fileNames = os.listdir(folderName)
    dtstr = datetime.datetime.now().strftime("%Y-%m-%d_%H-%M-%S")
    txtFolderName = "%s_%s" % (folderName, dtstr)
    # Создание новой папки для текстовых файлов
    os.mkdir(txtFolderName)
    i = 0
    while i != len(fileNames):
        output_string = StringIO()
        # Чтение текста из файла, пока в папке есть файлы
        with open(folderName + «/» + fileNames[i], 'rb') as in_file:
            parser = PDFParser(in_file)
            doc = PDFDocument(parser)
            rsrcmgr = PDFResourceManager()
            device = TextConverter(rsrcmgr, output_string, laparams=LAParams())
            interpreter = PDFPageInterpreter(rsrcmgr, device)
            for page in PDFPage.create_pages(doc):
                interpreter.process_page(page)
        textOut = output_string.getvalue()
        textOut = textOut.replace('-\n', '')
        # Запись результата в одноименный текстовый файл
        file = open(txtFolderName + «/» + «%stxt» % (fileNames[i][:-3]), «w»,
encoding = «utf-8»)
        file.write(textOut)
        file.close()
        i += 1
        print(i)
```

В результате работы приведенного программного кода вся группа файлов PDF конвертируется в группу файлов TXT в качестве копии и помещается в отдельную папку.

Для решения второй задачи исследования необходимо было учитывать особенности текстового материала. На этом этапе мы сфокусировались на том, чтобы максимально убрать из текстов научных

статей метаданные. Предварительный анализ материала показал, что в структуре каждой статьи имеется введение, обозначенное существительными «Einführung» или «Einleitung». Основной текст статьи завершается, как этому и следует быть, списком литературы: «Litratur» или «Literaturverzeichnis».

Таким образом, программа строка за строкой анализирует каждый файл и генерирует копию этого файла, убирая всё, что находится до введения, и всё, что входит в список литературы. Пустые строки удаляются. Дополнительно программа убирает скопления пробелов, цифры и знаки препинания. За эти действия отвечает функция «cleanTexts()» (см. листинг 2):

Листинг 2

```
def cleanTexts(txtFolderName):
    fileNames = os.listdir(txtFolderName)
    dtstr = datetime.datetime.now().strftime(«%Y-%m-%d_%H-%M-%S»)
    txtFolderNameMod = «%s_%s» % (txtFolderName, dtstr)
    # создание новой папки
    os.mkdir(txtFolderNameMod)
    i = 0
    # чтение текста из файла, пока в папке есть файлы
    while i != len(fileNames):
        file = open(txtFolderName + «/» + fileNames[i], «r», encoding = «utf-8»)
        lines = file.readlines()
        file.close()
        textOut = ''
        counter = 0
        checker = True
        while ((‘Einführ’ not in lines[counter]) and (‘Einleitung’ not in
lines[counter])) and checker:
            counter += 1
            if counter > int(len(lines)/10):
                checker = False
                counter = 0
        lines = lines[::-1]
        counter2 = 0
        checker = True
        while not lines[counter2].startswith(‘Literatur’) and checker:
            counter2 += 1
```

```
            if counter2 > int(len(lines)/3):
                checker = False
                counter2 = 0
                print(checker)
        lines = lines[::-1]
        for line in lines[counter:len(lines)-counter2]:
            if len(line.split()) > 8 and not line.startswith(‘’):
                textOut += line[:-1] + ‘ ‘
        # убирает скобки и все между ними
        textOut = re.sub(r'(\([^\([]+?\))', '', textOut)
        # убирает кавычки и оставшиеся круглые скобки
        textOut = re.sub(r'([›‹“”«»„‚\»\(\)\[\]])', '', textOut)
        # убирает сноски (числа)
        textOut = re.sub(r’([0-9])’, ‘’, textOut)
        # убирает тире
        textOut = textOut.replace(‘ – ‘, ‘ ‘).replace(‘ - ‘, ‘ ‘)
        # убирает знаки препинания
        textOut = re.sub(«[\.,:;!\?·%=]», «», textOut)
        # приводит к написанию со строчной буквы
        textOut = textOut.lower()
        # убирает скопление пробелов
        while ' ' in textOut:
            textOut = textOut.replace(‘ ‘, ‘ ‘)
        file = open(txtFolderNameMod + «/» + fileNames[i], «w», encoding =
«utf-8»)
        file.write(textOut)
        file.close()
        i += 1
```

Как и в предыдущем случае, оригинальные файлы не удаляются, а новые создаются в виде копии в отдельной папке. Поскольку речь идет о технической обработке текста, все слова приводятся к написанию со строчной буквы, для того чтобы в дальнейшем программа смогла сопоставить последовательности слов вне зависимости от того, стоят они в начале или в середине предложения.

После этого этапа возможны два варианта работы программного обеспечения. Поскольку отдельные файлы подготовлены для дальнейшей машинной обработки, возможен переход к сравнению этих файлов на предмет установления их схожести или к частотному

анализу их содержания как единого текстового массива. В рамках настоящей работы мы сосредоточимся на последнем варианте.

Итак, все файлы из последней сгенерированной папки объединяются в один файл с помощью функции «unite()» (см. листинг 3):

Листинг 3

```
def unite(txtFolderName):
    fileNames = os.listdir(txtFolderName)
    text = ‘’
    i = 0
    # Чтение файлов из папки
    while i != len(fileNames):
        file = open(txtFolderName + «/» + fileNames[i], «r», encoding = «utf-8»)
        text += file.read() + ' '
        file.close()
        i += 1
    # Создание общего файла
    file = open(‘txtFolderName.txt’, “w”, encoding = “utf-8”)
    file.write(text)
    file.close()
```

Следующим шагом является анализ частотности употребления каждой словоформы из объединенного файла. Для этого программа разделяет весь текст на отдельные слова, одинаковые словоформы объединяет и накапливает в переменных и выводит список этих словоформ в порядке от самого часто употребляемого к самому редко употребляемому с указанием количества употребления каждой словоформы в тексте (см. листинг 4):

Листинг 4

```
def freqWord(fileName):
    file = open(fileName, “r”, encoding = “utf-8”)
    text = file.read()
    file.close()
    words = text.split()
    wrdUniqueLst = []
    for word in words:
        if word not in wrdUniqueLst:
            wrdUniqueLst.append(word)
    # Создание словаря уникальных слов с указанием их частотности
```

```
    dictUnique = {}
    for elem in wrdUniqueLst:
      dictUnique[elem] = words.count(elem)
    # Вывод с сортировкой по частотности. Для этого словарь
преобразуется в список кортежей
    res = ''
    for i in sorted(dictUnique.items(), key=lambda kv: kv[1], reverse = True):
      res += i[0] + « : « + str(i[1]) + '\n'
    # Запись результата в файл
    file = open('freqRes.txt', «w», encoding = «utf-8»)
    file.write(res)
    file.close()
```

Другим действием, которое поможет выявить частотность не только отдельных словоформ, но также и целых словосочетаний, является анализ количества последовательностей словоформ определенной длины. Для этого функция «freqWord()» получает целочисленный аргумент, который указывает длину искомых последовательностей (см. листинг 5):

Листинг 5

```
def freqWords(fileName, n):
    file = open(fileName, “r”, encoding = “utf-8”)
    text = file.read()
    file.close()
    words0 = text.split()
    words = []
    for i in range(0, len(words0) – n + 1):
      words.append(“ “.join(words0[i:i+n]))
    wrdUniqueLst = []
    for word in words:
      if word not in wrdUniqueLst:
        wrdUniqueLst.append(word)
    # Создание словаря уникальных слов с указанием их частотности
    dictUnique = {}
    for elem in wrdUniqueLst:
      dictUnique[elem] = words.count(elem)
    # Вывод с сортировкой по частотности. Для этого словарь
преобразуется в список кортежей
    res = ''
    for i in sorted(dictUnique.items(), key=lambda kv: kv[1], reverse = True):
```

```
    res += i[0] + « : « + str(i[1]) + '\n'
# Запись результата в файл
file = open('freqRess%d.txt' % n, “w”, encoding = “utf-8”)
file.write(res)
file.close()
```

Результат работы программы помещается в отдельный файл, в наименование которого включено значение целочисленного аргумента.

3. Анализ результата

Оценку результата проведенного исследования можно провести с различных позиций. Во-первых, созданное программное обеспечение показало свою эффективность и на этапе экспериментальной апробации не имело ошибок вывода. Это свидетельствует о том, что составленные алгоритмы оказались верными. Во-вторых, полученные в ходе работы программного обеспечения статистические данные оказались практически значимыми и могут быть использованы для получения представления о характере актуального немецкоязычного научного дискурса. Так, на вершине списка частотности отдельных словоформ, как и ожидалось, оказались служебные слова («die»: 21718, «der»: 20901, «und»: 16854, «in»: 11227, «von»: 7485, «den»: 6357 и т. д.). Первыми словоформами существительных в этом списке оказались «Schülerinnen»: 883 и «Schüler»: 722. В совокупности семантическая группа «ученицы» показывает частотность 926 («Schülerinnen»: 883 + «Schülerin»: 17 + «Grundschülerinnen»: 7 + «Mitschülerinnen»: 6 + «Hauptschülerinnen»: 4 + «Realschülerinnen»: 3 + «Einzelschülerinnen»: 3 + «Oberstufenschülerinnen»: 1 + «Sekundarschülerinnen»: 1 + «Mitschülerin»: 1), а группа «ученики» частотность 1053 («Schüler»: 722 + «Schülern»: 259 + «Grundschüler»: 17 + «Mitschüler»: 16 + «Mitschülern»: 14 + «Grundschülern»: 11 + «Schülers»: 7 + «Hauptschüler»: 3 + , «Einzelschüler»: 2 + «Klavierschüler»: 1 + «Tagesschüler»: 1). В целом, показатели являются равными, однако «ученики» немного опережают «учениц». Эти данные представляют собой интересный материал для последующей интерпретации содержания текстов. Для обобщенного обозначения учеников школы в немецком языке употребляются сочетания «Schülerinnen und Schüler», «Schüler*innen», «Schüler_innen», «Schüler/innen», «Schüler*innenschaft», «Schüler/-innen».

Другими частотными существительными стали «Studien»: 709 (вместе с «Studie»: 645 имеет показатель 1354, т. е. даже опережает отдельно «учениц» и «учеников», но не их вместе) и «Ergebnisse»: 577 (вместе с «Ergebnis»: 119, «Ergebnissen»: 92, «Forschungsergebnissen»: 45, «Forschungsergebnisse»: 40, «Studienergebnisse»: 7, «Testergebnisse»: 6, «Lernergebnisse»: 5, «Lernergebnissen»: 5, «Lernergebnis»: 4, «Suchergebnisse»: 3, «Ergebnisses»: 3, «Unterrichtsergebnisse»: 2, «Handlungsergebnis»: 2, «Evaluationsergebnisse»: 2, «Suchergebnis»: 2, «Beurteilungsergebnis»: 2, «Wahlergebnis»: 2, «Untersuchungsergebnisse»: 2, «Aufgabenergebnisses»: 2 и «Arbeitsergebnis»: 1 имеет показатель 923).

Компаративный анализ последовательностей показывает, что самыми частотными сочетаниями из трех словоформ являются: «Schülerinnen und Schüler»: 597, «in Bezug auf»: 253, «der vorliegenden Studie»: 138, «im Rahmen der»: 131, «in der vorliegenden»: 123, «mit Blick auf»: 106, «im Hinblick auf»: 105, «im Vergleich zu»: 87, «in diesem Artikel»: 86 и т. д. Для последовательностей из пяти словоформ имеем следующий результат: «der situativen Beobachtung und Wahrnehmung»: 30, «Digitalisierung in der kulturellen Bildung»: 21, «zur Digitalisierung in der kulturellen»: 17, «Bedeutung von Pflanzen in Ökosystemen»: 11 и т. д. Для последовательности из семи словоформ: «Interesse am Lernkontext und das situationale Interesse»: 7, «Spezifika der Ziele, Inhalte und Methoden der»: 6, «die soziale Zugehörigkeit und die empfundene Unterstützung»: 6 и т. д. Полученные данные могут быть использованы, прежде всего, для составления учебных материалов для обучения академическому немецкому языку, таким образом обучающимся будут предъявлены актуальные языковые образцы. Далее, частотные слова и словосочетания позволят составить представление о тематическом наполнении изучаемых текстов.

Заключение

Достигнутые результаты позволяют сделать вывод о том, что разработанный метод показывает свою эффективность, доказанную, во-первых, безошибочной работой созданного программного обеспечения, а во-вторых, качеством полученного языкового материала. Получаемые таким образом данные могут служить некоторой «отправной точкой» для последующей мысленной интерпретации исследуемого дискурса.

Демонстрируемые в ходе исследования компьютерные программы отличаются лаконичностью и использованием стандартных наборов решений лингвистических задач [Gorozhanov, Guseynova 2020b].

В качестве перспективы исследования отметим разработку и программную реализацию алгоритма сравнения группы текстов на предмет их сходства, а с технической точки зрения – разработку графического интерфейса пользователя для уже апробированных алгоритмов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Горожанов А. И. Формирование обучающей виртуальной среды в контексте новых информационных технологий: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2018. [Gorozhanov, A. I. (2018). Formirovanie obuchajushhej virtual'noj sredy v kontekste novyh informacionnyh tehnologij. (Development of a learning virtual environment in the context of new information technologies): Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)].

Bueno X. Fertility decisions in transition: Young adults' perceptions on fertility three decades apart in Spain // History of the Family. 2020. Vol. 25. № 3. P. 386–405. DOI: 10.1080/1081602X.2019.1686049.

Gorozhanov A. I., Guseynova I. A. Corpus analysis of the grammatical categories' constituents in fiction texts considering the linguo-regional component // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci. 2020a. Vol. 13. № 12. P. 2035–2048. DOI: 10.17516/1997-1370-0702.

Gorozhanov A. I., Guseynova I. A. Programming for specific purposes in linguistics: A new challenge for the humanitarian curricula // Training, Language and Culture. 2020b. Vol. 4. № 4. P. 23–38. DOI: 10.22363/2521-442X-2020-4-4-23-38.

Halchuk O. Apple blossoms and the apple tree: Two perspectives. typological and ideological similarities in short stories by mykhailo kotsiubynsky and john galsworthy // Respectus Philologicus. 2020. Vol. 38. № 43. P. 150–162. DOI: 10.15388/RESPECTUS.2020.38.43.64.

Istanti W., Seinsiani I. G., Visser J. G., Lazuardi A. I. D. Comparative analysis of verbal communication vocabulary between indonesian-afrikaans for foreign language teaching // International Journal of Language Education. 2020. Vol. 4. № 3. P. 389–397. DOI: 10.26858/ijole.v4i3.15106.

Nilsson H. Mindfulness as a tool for ADHD drivers: A comparative study of higher levels of self-awareness // Journal of Disability and Religion. 2020. Vol. 25. № 2. P. 225–238. Doi: 10.1080/23312521.2020.1775755.

Ordukhanyan E. A. comparative study of political process: Theoretical and methodological issues // Wisdom. 2019. Vol. 13. № 2. P. 39–50. DOI: 10.24234/WISDOM.V13I2.246.

Orlova T. G. The implementation of the conception of friendship on the basis of com-parative structural-semantic analysis of english and russian proverbs // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2020. Vol. 11. № 2. P. 301–318. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-301-318.

УДК 8 81-132 **DOI 10.52070/2542-2197_2021_5_847_60**

Е. М. Кирсанова, С. С. Польская

Кирсанова Е. М., кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой английского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
elena.kirsanova@mail.ru

Польская С. С., кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка № 4 факультета международного бизнеса
и делового администрирования Московского государственного института
международных отношений (Университет) МИД РФ
polskaya7@gmail.com

ТРУДНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДЕКОМПРЕССИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ

В статье анализируются проблемы, возникающие при применении декомпрессии в процессе перевода текстов экономического характера. Этот вид переводческой трансформации дает возможность получения перевода, который наиболее точно передает смысл с одновременным сохранением узуса языка, на который осуществляется перевод. В работе приводятся наглядные примеры отсутствия декомпрессии, что приводит к проблемам стилистического характера, а также к проблемам восприятия переведенного текста.

Ключевые слова: декомпрессия; экспансия; перевод текстов экономического характера; стилистические нормы.

E. M. Kirsanova, S. S. Polskaya

Kirsanova E. M., PhD (Philology) Associate Professor,
Head of the Department of the English Language,
Faculty of Translation and Interpreting,
Moscow Satet Linguistic University
elena.kirsanova@mail.ru

Polskaya S. S., PhD (Philology), Associate Professor of English Language Department # 4,
Faculty of International Business and Business Management,
Moscow State Institute of International Relations (University) (MGIMO)
polskaya7@gmail.com

DIFFICULTIES OF USING DECOMPRESSION WHEN TRANSLATING TEXTS ON ECONOMICS

The article analyses the problems arising when using decompression in translating texts on economics. This type of translation transformation provides an opportunity

to achieve a translation which conveys a more exact meaning while not going beyond the usage norms of the language into which the text is translated. The article contains illustrative examples of lack of decompression resulting from potential tylistic and text perception problems.

Key words: decompression; expansion; translation of texts of economic nature; stylistic norms.

Введение

Переводческие трансформации являются неотъемлемой частью процесса перевода с одного языка на другой. В. Н. Комиссаров справедливо указывает в этом отношении, что перевод представляет собой «процесс *преобразования* речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания (курсив авт. – *Е. К.* и *С. П.*) [Комиссаров 2002, с. 118]. Согласно Л. К. Латышеву, переводческие трансформации представляют собой «отход от семантико-структурного параллелизма между оригиналом и переводом» [Латышев 2000, с. 82]. Исследователи подчеркивают, что трансформации есть неотъемлемая часть перевода в силу асимметричности систем любых пар языков [Гарбовский 2004, с. 364]. Среди многообразия переводческих трансформаций особое место занимает декомпрессия – преобразование текста, подлежащего переводу, которое приводит к большему числу компонентов и словосочетаний в предложении. Несмотря на внимание исследователей к данному явлению, до сих пор не сформулировано единого определения декомпрессии в переводе. Более того, сам термин «декомпрессия» более частотно употребляется в отечественном переводоведении, в то время как западные специалисты применяют его редко, часто используя понятие «экспансия» (expansion). Последнее было предложено Дж. Винай (J. Vinay) и Дж. Дарлбернет (J. Darlbernet) в середине прошлого века в рамках разработанной ими самой первой классификации приемов, применяемых в переводе [Vinay, Darbelnet 1977, с. 127]. Также зарубежными исследователями был введен в обиход термин «амплификация» (amplification) [Vazquez-Ayora 1977, с. 306].

Н. В. Зимовец и И. В. Борисовская постулируют, что декомпрессия представляет собой закономерное линейное расширение текста перевода, обусловленное лингвистическими и экстралингвистическими факторами [Зимовец, Борисовская 2008, с. 2]. Однако ряд

исследователей считает подобное определение несколько расплывчатым, поскольку «расширение есть понятие относительное и может быть идентифицировано лишь в сравнении с определенным эталоном» (перевод авт. – *Е. К.* и *С. П.*) [Sdobnikov 2011, с. 412].

Многие рассматривают декомпрессию в более широком смысле, считая любое добавление и амплификацию исходного текста декомпрессией, формулируя таковую в качестве закономерного преобразования передаваемой информации [Ковалева 2001, с. 8].

Исследователи объясняют явление декомпрессии «стремлением переводчика сохранить полный содержательный, смысловой объем оригинала, созданием необходимой степени близости перевода к тексту оригинала» [Латышев 2000, с. 114].

Материалы и методы

В рамках нашего исследования был использован, в основном, метод сопоставительного анализа переводов с оригинальными текстами.

Осуществляющие перевод регулярно прибегают к этому приему в силу целого ряда причин: разницы языковых систем, необходимости соблюдения языковых норм или желания придать переводному тексту ситуативную или жанровую адекватность:

> Sir Arnold Clapperton is an international speaker. – «Сэр Арнольд Клаппертон выступает с докладами во многих странах мира».

> Taiwanese manufacturers are growing strongly in western Europe, with sales rising 9 % last year in a market that fell 2,1 %. – «Производители Тайваня демонстрируют значительный рост продаж в Западной Европе, при этом эти продажи выросли за последний год на 9 %, учитывая спад на данном рынке в размере 2.1 %».

Декомпрессия приобретает особое значение при переводе на русский язык текстов экономического характера. Эксперты утверждают, что «экономический перевод подразумевает дополнительные трудности в силу разного рода ошибок, совершаемых переводящими … хотя можно предположить, что большинство этих ошибок связано именно со спецификой данной сферы (термины, понятия, специализированные обороты в экономике, финансах и т. п.) … значительное количество ошибок в действительности относится непосредственно

к самому языку, будь то родной язык или иностранный» (перевод авт. – *Е. К.* и *С. П.*) [Sdobnikov 2017, с. 410].

В процессе перевода на русский язык слов, обозначающих такие понятия экономической сферы, как «экономика», «безработица», «восстановление экономики» и т. п. происходит неизбежное расширение денотативного содержания, поскольку в переводе мы не можем употребить на русском языке выражения «экономика падает» или «экономика ускоряется», «безработица растет», поскольку это не соответствует стилистическим нормам литературного русского языка. Как следствие, чтобы соответствовать данным стилистическим нормам, помимо перевода исходного слова необходимо добавление таких лексических единиц, как «темпы», «уровень», «объёмы» или других лексических единиц, подходящих по смыслу:

> But the report said the ***economy*** would reach 14.2 per cent, surpassing the record level of 11.7 per cent. – «Но согласно отчету, ***темпы роста экономики*** достигнут 14.2%, превзойдя рекордный уровень в 11.7 %».
>
> The ***unemployment*** is declining gradually but remains well above its previous level. – «***Уровень безработицы*** постепенно снижается, но остается намного выше своего предыдущего показателя».
>
> ***The economy*** appears to be decelerating. – «Кажется, ***темпы роста экономики*** страны снижаются».
>
> ***Imports*** grew more than it was reported early this year. – «***Объёмы импорта*** выросли больше, чем сообщалось в начале года».
>
> The ***Japanese yen*** has broken through a psychological barrier against the dollar for the first time in four years. – «Впервые за четыре года ***курс японской йены*** “прорвал” психологический барьер по отношение к доллару».

Дискуссия и результаты

Как мы видим из вышеприведенных примеров, язык, на который осуществляется перевод, – русский – использует больше лексических единиц обозначения, чем английский. Таким образом, получаемый в результате перевода текст может восприниматься по-иному, занимая бóльшие объёмы. Безусловно, в текстах экономического характера мы не сталкиваемся с такими масштабами декомпрессии как, например, в художественном тексте, но всё же в силу структурных различий

языков, употребление терминологии, не имеющей аналогов в русском языке, существующих терминологических лакун, разнообразия аббревиатур может иметь место значительный процент декомпрессии.

Может создаться впечатление, что использование декомпрессии не вызывает никаких затруднений: переводящий должен лишь иметь четкое представление о том, как стилистически должно быть оформлено то или иное высказывание в русском языке и корректировать свой перевод соответствующим образом. Однако в рамках переводческой практики данная проблема регулярно наблюдается: нами был проанализирован ряд переводов, выполненных студентами-выпускниками одного из московских вузов, изучающими английский язык как язык будущей профессии (экономисты со знанием внешнеэкономической деятельности):

Таблица 1

Примеры перевода
без декомпрессии / с избыточной декомпрессией

ПРЕДЛОЖЕНИЕ	ПЕРЕВОД (*сохранены оригинальная лексика и пунктуация переводов)
1. In the US, the GDP is forecast to increase by around 3.5% this year, after an estimated contraction in 2020	1. В этом году в США, по прогнозам, ВВП увеличится на около 3.5%, после предположительного снижения в 2020 году
2. The economy of the country grew at its fastest pace in five years in the first quarter, but a decline in private consumption clouds the outlook	2. Экономика страны росла самыми быстрыми за 5 лет темпами но снижение частного потребления несколько омрачает экономические перспективы
3. 'Poland's export recovery is unlikely to be sustained', said Gareth Leather, an economist at Capital Economics	3. «Восстановление экспорта Польши вряд ли будет продолжительным», – сообщил Гарет Лезер, экономист компании Capital Economics
4. The US economy expanded at an annualized 4 % in Q4 2020	4. Экономика США расширилась на 4 % годовых в 4 квартале 2020 года

ПРЕДЛОЖЕНИЕ	ПЕРЕВОД (*сохранены оригинальная лексика и пунктуация переводов)
5. Everyone expects the world economy to perform worse	5. Все ожидают, что мировая экономика будет показывать худшие результаты
6. Economic output surged by an annualized 33 %	6. Экономический выпуск резко вырос на 33 % в год
7. The only hope was that contraction slowed in Germany	7. Единственная надежда заключалась в том, что сокращение в Германии замедлилось
8. Italian output continued to contract and even Germany managed to get back to growth	8. Уровень объемов выпуска в Италии продолжал сокращаться, и даже Германия смогла вернуться к росту
9. The recovery has also been broadening	9. Восстановление также расширялось
10. That helped exporters in particular by keeping the euro low	10. Это помогло экспортерам, особенно тем, что евро было низким
11. Recovery in the euro area remains disappointing	11. Восстановление в еврозоне разочаровывает
12. Exports to emerging markets may slow despite the competitive advantage of a cheap currency	12. Экспорт в развивающиеся страны может замедлиться, несмотря на конкурентное преимущество дешевой валюты
13. German exports fell sharply in August compared with July	13. Объёмы уровня экспорта в Германии резко упали в августе по сравнению с июлем
14. Economists at BCG are forecasting GDP growth of 0.3 % in the third quarter	14. Экономисты из BCG прогнозируют рост ВВП в 0,3 % в третьем квартале

Как видно из данных примеров, прием декомпрессии не используется: переводящие обходятся без него, формируя русскоязычные предложения без каких-либо добавлений и амплификаций. Здесь очевидно

имеет место стилистическая глухота, под которой мы подразумеваем «некую нечувствительность к различению стилей и их зачастую явное смешение в … повседневной речи» [Польская 2014, с. 82]. Как подчеркивается исследователями, такого рода «стилистическая глухота особенно характерна для сегодняшнего молодого поколения, для которого фактически не существует разделения стилей: формальный, разговорный и т. п., поскольку самым значительным источником информации для молодых людей служит Интернет, в информационном море которого граница между стилями практически стерта» [Кирсанова, Польская 2018, с. 31].

Сами обучаемые подчеркивали, что неохотно прибегали к данному виду переводческой трансформации, поскольку, на их взгляд, подобного рода «расширения» делают текст избыточным, слишком увеличивают объём перевода по сравнению с оригиналом. Их оговорки вполне понятны, так как любой язык теоретически должен стремиться к экономии лексических средств, как результат, с наибольшей вероятностью выбирается возможность более сжатого изложения того или иного материала. Однако, как указывают в этом отношении специалисты, «в языковом отношении термин “избыточный” вовсе не синонимичен слову «лишний», поскольку понятие “лишний” чаще всего сопряжено с отрицательной коннотацией, в то время как “избыточность”, о которой идет речь, может быть полезной, поскольку она способствует экспрессивности и помехоустойчивости, хотя и приводит к уменьшению скорости передачи информации» [Кузьмина 2011, с. 142].

Одновременно со стремлением избежать избыточности, мы можем видеть и присутствие таковой: т. е. использование декомпрессии налицо, однако в переводе лексическая единица «развернута» в слишком значительной степени – это видно из приведенных выше примеров № 13 и № 8. В данном случае мы снова имеем дело с недостаточным знанием сочетаемости и стандартов норм родного языка, поскольку и «уровень объёмов» и «объёмы уровня» неприемлемы для использования в русском языке.

Заключение

В заключение приведем высказывание В. Н. Комиссарова, который подчеркивал, что «абсолютная тождественность перевода оригиналу недостижима … дело в несовпадении отдельных элементов

смысла и перевода самых элементарных высказываний» [Комиссаров 2002, с. 116]. Мы не должны забывать, что перевод представляет собой одновременно и функциональное взаимодействие языков, что именно и находит свое выражение в переводческих трансформациях разного рода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Гарбовский Н. К. Теория перевода: учебник. М.: Изд-во Московского университета, 2004. [Garbovsky, N. K. (2004). Teorya perevoda. (Translation theory): Textbook. Moscow: Moscow state university publishing house. (In Russ)].

Зимовец Н. В., Борисовская И. В. Основные причины декомпрессии переводного текста, 2016. [Zimovets, N. V., Borisovskaya, I. V. (2016). Osnovnye prichiny dekompressii perevodnogo teksta. (Main reasons for translated text decompression). (In Russ.)]. URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/8346/1/Zimovets_Osnovnye_13.pdf.

Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. М.: ЭТС, 2002. [Komissarov, V. N. (2002). Sovremennoye perevodovenedie. (*Modern translation studies*). Moscow: ETS. (In Russ)].

Ковалева К. И. Оригинал и перевод: два лица одного текста. М.: М- во промсти, науки и технологий РФ, 2001. [Kovaleva, K. I. (2001). Original i perevod: dva litsa odnogo teksta. (Translation and original: two faces of the same text). Moscow: Ministry of industry, science and technologies of RF. (In Russ.)].

Латышев Л. К. Технология перевода. Учебное пособие по подготовке переводчиков (с немецкого языка). М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2000. [Latyshev, L. K. (2000). Tekhnologia perevoda. (Technology of translation studies). Moscow: NVI-Tezaurus (In Russ)].

Кирсанова Е. М., Польская С. С. Стилистическая «глухота» как возрастной барьер при обучении переводу экономических текстов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 12 (805). С. 28–37. [Kirsanova, E. M., Polskaya, S. S. (2018). Stylistic «deafness» as an age barrier when teaching economic texts translation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(805), 28–37. (In Russ)].

Кузьмина И. В. Феномен языковой избыточности // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. Вып. 1(13). С. 142–146. [Kuzmina, I. V. Linguistic redundancy phenomenon. Vestnik of Irkutsk State Linguistic University, 1(13), 142–146. (In Russ)].

Польская С. С. К вопросу об иноязычных вкраплениях в экономическом дискурсе русского языка. Стратегия развития высшего и среднего

профессионального образования // Стратегия развития высшего и среднего профессионального образования: материалы Ежегодной научно-методической конференции. М.: Мир, 2014. [Polskaya, S. S. (2014). K voprosu ob inoyazychnykh vkrapleniyakh v ekonomicheskom diskurse russkogo yazyka. (Towards foreign language inclusion in economic discourse of the Russian language). Moscow: Mir. (In Russ.)].

Sdobnikov V. V. Types of decompression in simultaneous interpreting // Journal of Siberian Federal University, Humanities and Social Sciences. 2017. Vol. 3. P. 409–417.

Vázquez-Ayora G. Introducción a la traductología, Washington: Georgetown University Press, 1977.

Vinay J. P., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais: méthode de traduction. Nouvelle édition revue et corrigée. Paris: Didier, 1958/1977.

УДК 81.276.6.355Б. **DOI 10.52070/2542-2197_2021_5_847_69**

Б. О. Корепанов, Н. В. Левандовский, С. М. Смоляков

Корепанов Б. О., старший преподаватель Военного учебного центра
Московского государственного лингвистического университета
korepanov@linguanet.ru

Левандовский Н. В., преподаватель Военного учебного центра
Московского государственного лингвистического университета
nikita-levandovs@mail.ru

Смоляков С. М., начальник учебной части,
заместитель начальника Военного учебного центра
Московского государственного лингвистического университета
mil@linguanet.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ВОЕННО-ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НА ПРИМЕРЕ ЧАСТЕЙ И ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПВО ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ФРГ

Данная статья посвящена особенностям перевода военно-организационной терминологии на примере частей и подразделений противовоздушной обороны Вооруженных сил ФРГ (бундесвера) на русский язык. Задачей исследования стало выявление проблем, возникающих при переводе немецких военных терминов, не имеющих языковых эквивалентов в русском языке. Авторы предлагают возможные варианты перевода некоторых терминов из сферы противовоздушной обороны, представляющих трудность для переводчика.

Ключевые слова: военно-организационная терминология; перевод терминов; части и подразделения ПВО; бундесвер.

B. O. Korepanov, N. V. Levandovsky, S. M. Smolyakov

Korepanov B. O., Senior Lecturer of the Military Training Center,
Moscow State Linguistic University
korepanov@linguanet.ru

Levandovsky N. V., Lecturer of the Military Training Center,
Moscow State Linguistic University
nikita-levandovs@mail.ru

Smolyakov S. M., Deputy Head of the Military Training Center,
Moscow State Linguistic University
mil@linguanet.ru

CC BY

SPECIFICS OF TRANSLATING MILITARY-ORGANIZATIONAL TERMINOLOGY (on the examples of German air defense units)

The article is focused on specific features of translating military-organizational terminology into Russian regarded on the examples of German armed forces air defense units. The aim of the study is to identify issues in translating German military terms with no language equivalents in Russian. The authors suggest translation variants for some air defense terms reputed difficult for translators and interpreters.

Key words: military-organizational terminology; terminology translation; air defense units; bundeswehr.

Введение

Тематика ПВО занимает важное место в современном военном дискурсе в контексте создания Соединенными Штатами Америки новой концепции противоракетной обороны. В 2005 г. руководством НАТО была создана программа по построению активной эшелонированной противоракетной обороны на европейском театре военных действий, включающая на сегодняшний день внушительные ресурсы, в том числе оперативный центр ПВО на авиабазе в г. Рамштайн (Германия). Важно отметить, что данная авиабаза по совместительству является штабом ВВС США в Европе. Усиление агрессивной составляющей военно-политического дискурса последних лет в контексте антироссийской риторики руководства Министерства обороны ФРГ и других стран-членов НАТО подчеркивает важность подготовки военных переводчиков, способных осуществлять грамотный перевод, ориентируясь в тонкостях стремительно меняющейся политической обстановки последних лет.

Задача статьи заключается в определении сложностей, возникающих при переводе немецких военных терминов по теме «Противовоздушная оборона», не имеющих языковых эквивалентов в русском языке, и представлении наиболее корректного варианта перевода с учетом анализа экстралингвистических факторов. Авторы подчеркивают важность принятия во внимание национально-культурных особенностей в военной сфере с целью достижения равных возможностей восприятия информации представителями различных лингвокультур.

Теоретические основания перевода терминов

Тексты военной тематики, которые почти всегда узуальны, как правило, насыщены и изобилуют конкретными понятиями. Большое значение для переводчика имеет как знакомство с ними, так и с теми объектами предметной реальности, которые они обозначают.

Состав современной немецкой военной и военно-организационной терминологии в военных текстах не является постоянным и четко фиксированным в рамках устоявшегося дискурса. Находясь в динамике, он постоянно варьируется за счет непрерывного пополнения новыми терминами, изменения значений, выпадения некоторых слов, что напрямую связано с процессами, происходящими в вооруженных силах: реорганизацией компонентов организационно-штатной структуры видов вооруженных сил и родов войск, появлением новых образцов военной техники, разработкой и внедрением новых способов и методов ведения боевых действий и т. д.

Термин является ёмким носителем информации и выполняет важную функцию при обмене научными, профессиональными, техническими и специализированными знаниями в коммуникации. Сложность работы с терминами заключается в том, что, будучи однозначным в одной прикладной области, тот же термин в равной мере может быть однозначен и в другой. Вместе с тем в каждой из областей тот или иной термин может получать специфическую трактовку.

Вопросы изучения значений терминов и их перевода широко исследуются лингвистами [Комиссаров 1990; Миньяр-Белоручев 1999; Гринёв-Гриневич 2004; Лейчик 2007; Табанакова 2014]. В современной лингвистике термин рассматривается как особая лексическая единица [Лотте 1961] или как любая лексическая единица, выполняющая особую функцию [Винокур 2010]. Лингвистические аспекты термина подразумевают, что термин – это функциональная лексическая единица, которая выполняет номинативную функцию. В терминоведении в структуру термина включаются функциональная, формальная, а также содержательная характеристики. В. М. Лейчик понимает под термином лексическую единицу, функционирующую в языке и служащую для наименования понятий теории специальной отрасли знаний или деятельности [Лейчик 2007].

Учет особенностей реального функционирования военной лексики в военно-информационных текстах позволяет избегать субъективной

интерпретации перевода терминов. Ввиду того, что военная сфера активно развивается, терминология данного тематического поля постоянно пополняется новыми единицами. В данном случае проблемой перевода является то, что термины еще не кодифицированы, т. е. у них нет закрепленной формы. В таких условиях часто для переводчика трудной задачей становится создание новой терминологической единицы в языке перевода. При этом для соблюдения содержательной точности перевода необходимо учитывать письменные или устные контексты, в которых эти терминологические единицы уже были употреблены, а также консультироваться со специалистами, использующими эти термины в процессе профессиональной коммуникации. Поэтому, в соответствии со стратегией переводческой деятельности, термин в переводном тексте должен нести те же самые значения, отражать то же самое явление или понятие, что и термин в языке оригинала [Алексеева 2015]. Е. Н. Базалина отмечает, что для достижения эквивалентности необходимо сохранить в переводе точность содержания единиц языка исходного текста, обеспечить безусловную идентичность понятий, выражаемых терминами языка оригинала и языка перевода [Базалина 2009].

Экстралингвистический контекст

При работе с профессионально ориентированными текстами на иностранном языке важной задачей переводчика является обогащение экстралингвистических знаний, пополнение их сведениями из тематической справочной литературы в ходе осуществления справочно-информационного поиска и т. п.

Для обеспечения адекватности перевода нам представляется необходимым изучить информацию о месте и роли ПВО в составе ВВС ФРГ, представленную в официальных авторитетных источниках. Это позволит выявить термины, специфические для данной области, а также достоверно проанализировать их значения.

Германия располагает одними из наиболее мощных ВВС в Европе. Задачи ВВС напрямую связаны с основными задачами Вооруженных сил ФРГ. В мирное время ВВС обеспечивают суверенитет воздушного пространства и занимаются эксплуатацией центров управления и оповещения, так называемых отделов оперативного управления,

а также поддерживают боеготовность истребительной авиации. Кроме того, ВВС ФРГ могут быть задействованы в спасательных операциях, операциях по эвакуации и мероприятиях по оказанию помощи при ликвидации последствий стихийных бедствий.

В ходе военной реформы 2012–2018 гг. все части и подразделения ПВО бундесвера организационно вошли в состав ВВС. Новый образ вооруженных сил подразумевал, что Германия сосредоточится на обеспечении безопасности государства и участии в миротворческих миссиях ООН. На вооружении ПВО ВВС состоят ЗРК «Пэтриот», «Оцелот», стационарный зенитный артиллерийский комплекс ближнего действия «МАНТИС», которые защищают территорию, отдельные объекты и их группы, а также воинские формирования при передвижении.

В среднесрочной перспективе ЗРК «Пэтриот» устареют и выработают свой ресурс. В данном контексте в 2015 г. было принято решение о запуске программы перевооружения «Тактическая система противовоздушной обороны» (Taktisches Luftverteidigungssystem, TLVS). При помощи данной системы ФРГ планирует построить развитую противовоздушную оборону, призванную решать новые, особые задачи. В соответствии с обновленными планами НАТО, Германия играет ведущую роль в сфере европейской ПВО. Система ПВО Вооруженных сил ФРГ должна не только защищать собственное воздушное пространство страны, но и помогать другим европейским государствам. В частности, необходимо предусмотреть возможность объединения систем ПВО европейских стран.

Ввиду вышесказанного в современном информационном пространстве тема противоракетной обороны и ПВО занимает важное место, где переводчик сталкивается с переводом терминов и реалий, фигурирующих в текстах военно-политической, военно-технической и военно-информационной направленности.

Особенности перевода военно-организационных терминов ПВО

Рассмотрим особенности перевода конкретных наименований частей и подразделений ПВО, входящих в состав ВВС ФРГ ***Flugabwehrraketengeschwader*** и ***Flugabwehrraketengruppe***.

Данные лексемы являются словами со сложными основами, или композитами. Для соблюдения содержательной точности перевода необходимо разобрать данные композиты на составные компоненты: *Flug-abwehr-raketen-geschwader* и *Flug-abwehr-raketen-gruppe*.

Первые три компонента обеих лексем образуют термин *Flugabwehrrakete*, перевод которого зафиксирован в словарях и не вызывает трудностей для переводчика – *зенитная управляемая ракета* (далее ЗУР). Проблемным, с точки зрения перевода, представляется именно сочетание компонента *Flugabwehrrakete-* с компонентами *-geschwader и -gruppe*.

Рассмотрим определение понятия *Geschwader* в немецком языке: *größerer Verband von Kriegsschiffen oder Kampfflugzeugen* [Duden-Online URL]. Из определения понятно, что речь идет о крупном соединении военных кораблей или военных самолетов, т. е. не о подразделении противовоздушных войск, к вооружению которых относятся ЗУР. На русский язык *Geschwader* может переводиться как *эскадра, авиационная эскадра; авиационный полк; эскадра кораблей* [Немецко-русский военный словарь 1978].

В русском языке термин *эскадра* употребляется для обозначения:

- оперативно-тактических объединений (соединений) в ***ВМС***, предназначенных для ведения боевых действий в определенных районах морского театра военных действий;
- тактических соединений в ВМС ряда стран НАТО, состоящих из нескольких дивизионов ***кораблей*** одного класса;
- группа (соединение) ***кораблей*** и ***судов***, находящихся в совместном плавании или экспедиции;
- тактическое соединение ***самолетов*** (24–100) или оперативно-тактических ***ракет*** (36 пусковых установок) в ВВС ряда государств (ФРГ, Франция и др.) [Военный энциклопедический словарь URL].

Из приведенных определений следует, что одним из возможных вариантов перевода термина *Flugabwehrraketengeschwader* может быть *эскадра* (*ЗУР*). Тем не менее данный вариант перевода представляется, на наш взгляд, менее предпочтительным ввиду отсутствия сигнификативного значения данного объекта реальности в русском языке. Это объясняется тем, что в Вооруженных силах Российской Федерации (далее ВС РФ) подразделения ПВО не обозначаются

термином *эскадра*. Согласно организационно-штатной структуре ВС РФ, схожие по численности и задачам подразделения, обозначаются как *полк*. По этой причине мы предлагаем переводить термин *Flugabwehrraketengeschwader* как ***полк ЗУР***.

В первую очередь, данная трансформация мотивирована прагматической адаптацией перевода. Предлагаемый вариант представляется более предпочтительным, так как позволяет произвести выравнивание интерпретационных возможностей коммуникантов ввиду неравенства условий восприятия и интерпретации исходного текста и переводного текста, которое обусловлено принадлежностью коммуникантов к различным национально-культурным коллективам.

Аналогичная трудность возникает при переводе термина *Flugabwehrraketengruppe.* В немецком языке одно из значений слова *Gruppe* является *kleinste Einheit aller Truppengattungen* (*наименьшее подразделение всех родов войск*) [Duden-Online URL].

Данное слово является многозначным также и в военном контексте, и может переводиться на русский язык не только как *боевая группа*, но и как *отделение*, *шквал беглого огня*, *залп зенитной артиллерии* и пр. [Немецко-русский военный словарь 1978].

Согласно сведениям об организационно-штатной структуре частей и подразделений ПВО, в состав ВВС ФРГ на данный момент (2021 г.) входят следующие подразделения (см. рис. 1).

Исходя из этого, мы приходим к выводу, что адекватным переводом термина *Flugabwehrraketengruppe,* как составной части *полка ЗУР* (*Flugabwehrraketengeschwader 1*), является ***дивизион ЗУР***. Несмотря на то что предлагаемый перевод не является языковым эквивалентом, именно такой вариант представляется наиболее подходящим для данного термина.

Отдельно стоит отметить, что одной из будущих мер по модернизации Сухопутных войск (далее – СВ) ФРГ станет воссоздание войсковой

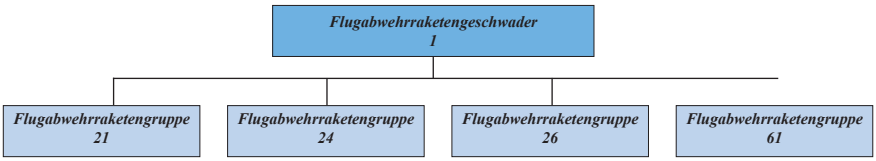


Рис. 1

Таблица

ПВО ВВС бундесвера	*ПВО СВ бундесвера*	*перевод на русский*
Flugabwehrraketengeschwader	*Flugabwehrraketenregiment*	*полк ЗУР*
Flugabwehrraketengruppe	*Flugabwehrraketenbataillon*	*дивизион ЗУР*

ПВО как самостоятельного рода войск для прикрытия военных объектов в ближней и средней зоне в условиях применения противником разведывательных и ударных беспилотных летательных аппаратов [Шестопалов 2021]. В контексте описанных изменений вероятно появление в составе СВ ФРГ частей и подразделений ПВО, которые будут обозначаться не как *Flugabwehrraketen**geschwader*** и *Flugabwehrraketen**gruppe**,* а терминами, соответствующими организационно-штатной структуре СВ ФРГ, т. е. как *Flugabwehrraketen**regiment*** и *Flugabwehrraketen**bataillon***. В этой связи нам представляются обоснованными следующие варианты перевода указанных подразделений (см. табл.).

Заключение

Важность точного понимания термина связана с проблемой его перевода. Исследование показало, что термины, обозначающие части и подразделения ПВО бундесвера, а именно – *Flugabwehrraketengeschwader* и *Flugabwehrraketengruppe*, могут быть переведены либо с помощью эквивалентного термина в рамках их общих общеязыковых или специализированных значений (например, *эскадра ЗУР*), либо другим словом в рамках несовпадающих общеязыковых значений (*полк ЗУР*, *дивизион ЗУР*).

Рассмотренные примеры наглядно демонстрируют то, что для корректного перевода военных терминов необходимо привлечение экстралингвистической информации, изучение сопутствующего контекста переводимой сферы деятельности, а также проведение детального анализа терминов. Перспектива исследования заключается в создании терминологических глоссариев по различным тематико-терминологическим аспектам, в том числе организационно-штатной структуре различных родов войск и видов вооруженных сил иностранных государств, ввиду становления и постоянного развития терминологических баз интересующей нас сферы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алексеева Е. А. К вопросу о переводческих текстовых стратегиях // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2015. Т. 12. № 2. С. 82–89. [Alekseeva, E. A. (2015). Revisiting text translation strategies. *Vestnik of M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, vol. 12*, #2, 82–89. (In Russ.)].

Базалина Е. Н. К проблеме перевода терминов научно-технических текстов // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2009. № 1. С. 102–107. [Bazalina E. N. (2009). The problem of translating terms in scientific and technical texts. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta, 1*, 102–107. (In Russ.)].

Винокур Г. О. История русского литературного языка. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. [Vinokur, G. O. (2010). Istoriya russkogo literaturnogo yazyka. (*History of the Russian literary language*). Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM». (In Russ.)].

Военный энциклопедический словарь / Министерство обороны Российской Федерации [Voennyj enciklopedicheskij slovar'. (*Military encyclopaedical dictionary*). Ministry of Defence of the Russian Federation. (In Russ.)]. URL: https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/list.htm (дата обращения: 18.02.2021).

Гринёв-Гриневич С. В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2004. [Grinyov-Grinevich, S. V. (2004). Terminovedenie. (*Terminology*): Textbook for students of higher educational institutions. Moscow: Izdatel'skij centr «Akademiya». (In Russ.)].

Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для инстов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990. [Komissarov, V. N. (1990). Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty). (*Theory of translation* (*linguistic aspects*)). Textbook for foreign language institutes and faculties. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)].

Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. М.: ЛКИ, 2007. [Lejchik, V. M. (2007). Terminovedenie: predmet, metody, struktura. (*Terminology: subject, methods, structure*). 3rd ed. Moscow: LKI. (In Russ.)].

Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. М.: АН СССР, 1961. [Lotte, D. S. (1961). Osnovy postroeniya nauchno-tekhnicheskoj terminologii. Voprosy teorii i metodiki (*Fundamentals of the construction of scientific and technical terminology. Issues of theory and methodology*). Moscow: USSR Academy of Sciences. (In Russ.)].

Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком? М.: Готика, 1999. [Min'yar-Beloruchev, R. K. (1999). Kak stat' perevodchikom? (How to become an interpreter?). Moscow: Gotika. (In Russ.)].

Немецко-русский военный словарь: Deutsch-Russisches Militärwörterbuch: Около 70 000 терминов / сост.: Л. Ф. Парпаров, А. П. Артемов, Л. С. Азарх ; под ред. Л. Ф. Парпарова. М.: Воениздат, 1978. [Parparov, L. F. et al. (1978). Nemecko-russkij voennyj slovar': okolo 70 000 terminov (German-Russian Military Dictionary: about 70 000 terms), ed. by L. F. Parparov. Moscow: Voenizdat].

Табанакова В. Д. Переводчик-лингвист, переводчик-терминолог, переводчик-специалист: стратегия и тактика перевода термина // Вестник Тюменского государственного университета. Филология. 2014. Вып. 1. С. 72–81. [Tabanakova, V. D. (2014). Translator-linguist, translator-terminologist, translator-specialist: strategy and tactics of the term translation. *Vestnik of Tyumen State University. Philology, 1*, 72–81. (In Russ.)].

Шестопалов В. Сухопутные войска Германии // Зарубежное военное обозрение. 2021. Вып. 1/2021. С. 42–51. [Shestopalov, V. (2021). Suhoputnye vojska Germanii. (German Ground Forces). *Zarubezhnoe voennoe obozrenie, 1*, 42–51. (In Russ.)].

Duden-Online URL: www.duden.de/node/56864/revision/56900 (дата обращения: 18.02.2021).

Duden-Online URL: www.duden.de/rechtschreibung/Gruppe_Team_Abteilung_Einheit (дата обращения: 18.02.2021).

УДК 811.134.3 **DOI 10.52070/2542-2197_2021_5_847_79**

М. В. Кутьева

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков № 2
Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова,
доцент кафедры португальского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
kuteva.mv@rea.ru

ВТОРИЧНАЯ СЕМАНТИКА ЛЕКСЕМЫ *URSO / МЕДВЕДЬ* В ПОРТУГАЛЬСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В статье рассматривается переносная семантика, которую демонстрирует лексема *urso* / *медведь* в различных типах дискурса и в лоне фразеологии португальского языка. В ходе компаративного анализа, проведенного на основе словарных, газетных и литературных материалов, выявлена существенная коннотативная разница прагматического функционала лексемы *медведь* / *urso* в русском и португальском языках; установлено, что с помощью этого слова происходит концептуализация внешности, поведения, характера, репутации человека, а также создается устрашающий образ России.

Ключевые слова: образ; вторичная семантика; переосмысление; политизация; семантический дифференциал; коннотация.

M. V. Kutieva

PhD (Philology), Associate Professor, Associate Professor of Foreign Languages
Department No.2 at Plekhanov Russian University of Economics,
Associate Professor of the Portuguese Department,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University
kuteva.mv@rea.ru

SECONDARY SEMANTICS OF THE LEXEME *URSO / BEAR* IN PORTUGUESE LINGUOCULTURE

The article examines figurative semantics displayed by the lexical unit *urso* / *bear* in various styles of Portuguese speech and phraseology. The study has been performed by careful interpretating of lexicographic and newspaper materials. It reveals a significant connotative difference in pragmatic functioning of the word *urso* (*bear*) in Russian and Portuguese. This noun is used for ambiguous conceptualization regarding to appearance, behavior, character, reputation of a person, as well as for creating an intimidating image of Russia.

Key words: image; secondary semantics; reinvention; politicization; semantiv differential; connotation.

CC BY

Введение

Формирование значения слова находится под большим влиянием экстралингвистических факторов и когнитивного опыта языкового коллектива. Сложная амальгама вторичной семантики, которую продуцирует фаунистическая лексика, семасиологически восходит к фольклору: поверьям, сказкам, песням, загадкам, приметам, обрядам и толкованиям сновидений – к древним пластам национальной культуры.

Современное использование лексики, номинирующей животных, с тенденцией к персонализации или символизации, несет в себе мифологические реминисценции, отголоски древних убеждений, языческих верований.

Актуальность темы статьи обусловлена глобальной социокультурной ситуацией, сложившейся в современном мире, где усиливается интерес к глубинным межкультурным различиям, восходящим к мифоосновам общества, сущность и истоки которых скрыты в глубинах истории. Сегодня, когда «as janelas da internacionalização se têm aberto para todo tipo de influência antropomórfica e cultural» [Budny 2020][1], выявление семантического дифференциала функционально ёмких лексем выводит лингвистов на понимание причин нынешних этнических когнитивных различий в языковых картинах мира людей, говорящих на разных языках.

Методы

Основным подходом к изучению национально-культурной специфики семантики лексемы *urso* / *медведь* стали компонентный анализ, а также выявление фоновых знаний и особенностей этнокультурного восприятия образа медведя в России и Португалии. Используются герменевтический и когнитивно-семантический анализ толкования текстов; дефиниционный анализ; метод интерпретации концептуальных метафор; анализ специфики метафорической образности. К работе привлекались разнообразные толковые, фразеологические словари и фольклорные справочники.

[1] «Окна интернационализации открылись для всех видов антропоморфных и культурных влияний» (здесь и далее перевод наш. – *М. К.*).

Вторичная семантика зооморфной лексики

Зоонимы имеют тенденцию реферировать к характеру человека (змея), к степени проявленности признака (собачий холод), а также к вне-предметному миру и даже к метафизическим явлениям (ворона заглянула в окно). В основе такого смыслового перехода, метафорического по своей природе, лежат ассоциации, отмеченные этнокультурными нюансами. Метафора незаменима для пробуждения или создания у читателей и слушателей определенного типа отношения (одобрения или отторжения) к окружающей действительности: идеологическим призывам, проектам, режимам, партиям, личностям, процессам и фактам. Коннотативный потенциал метафоры создает эмоциональную ауру, как бы излучая некий энергетический заряд – положительный или отрицательный. Фауническая метафора передает симпатию или антипатию по отношению к субъекту, поданному через лексему-наименование животного.

Символические и коннотативные значения лексемы «медведь» / «urso»

Символические и коннотативные значения лексемы «медведь» предполагают исторически и традиционно такие качества, экстраполированные на человека, как сила, мощь, независимость, самодостаточность, храбрость, гнев, воскрешение, мир, доброжелательность, материнство, терпение и самоанализ [Ханджани 2016]. Перед нами «смесь» противоречивых качеств. Они мало применимы к тем функциям, которые слово «медведь» выполняет в наши дни, используясь в прагматических целях в журналистских статьях. У носителя русского языка медведь прежде всего ассоциируется с неуклюжестью. Однако такие черты и свойства, как спокойствие, преданность семье, воспитание детей, умиротворение также входят в сферу переносных смыслов лексемы «медведь» в русской лингвокультуре, потому что:

1) это животное, будучи всеядным, предпочитает ягоды, мёд, травы и их корни, насекомых и рыбу;
2) медведь дружелюбен и позитивен, когда ему комфортно и ничто не угрожает;
3) медведица уделяет много внимания медвежатам;

4) зиму медведь проводит в берлоге, благодаря чему может ассоциироваться с интроспекцией, самоанализом и мизантропией.

Португальские словари, давая определение слову *urso* / *медведь*, указывают, что это всеядные (omnívoros) животные, что они крупные (corpulentos), с густым мехом (com pelagem densa), с толстой и короткой шеей (pescoço grosso e curto), маленькими закруглёнными ушами (orelhas pequenas e arredondadas), коротким хвостом (cauda pequena) и сильными когтями, которые не убираются внутрь (garras fortes e não retrácteis) [Infopédia]. В переносном смысле «португальский» *urso* / *медведь* проявляет следующие значения с пометой «coloquial, pejorativo»:

1) мужчина (человек) волосатый и некрасивый – homem peludo e feio [Infopédia];
2) человек с непропорциональным телом – pessoa de corpo desproporcional[1];
3) неумный человек – pessoa pouco inteligente [Infopédia];
4) неотёсанный, грубый человек – pessoa rude ou grosseira [Infopédia];
5) плохо воспитанный – sem elegância; mal-educado[2];
6) необщительный человек, мизантроп – pessoa que não é sociável; misantropo; pessoa ensimesmada[3];
7) человек, являющийся объектом насмешек окружающих, – pessoa que é alvo da zombaria alheia[4];
8) (*в университетской среде*) лучший ученик [Infopédia];
9) (*в Бразилии*) предводитель убийц – mandatário de assassinos [Dicionario Priberam da Língua Portuguesa];
10) homem homossexual que dá importância a características masculinas como os pêlos corporais e faciais, tendo geralmente uma constituição física robusta [Dicionário Priberam da Língua Portuguesa]; “urso é uma subcultura da comunidade gay masculina com eventos, códigos e identidade específica; um tipo físico de homens que tendem a ter corpo peludo e barba”[5].

[1] URL: https://www.dicio.com.br/urso/
[2] URL: https://www.dicio.com.br/urso/
[3] URL: https://www.dicio.com.br/urso/
[4] URL: https://www.dicio.com.br/urso/
[5] URL: https://pt.wikipedia.org/wiki/Urso_(cultura_gay)

Существительное-дериват от *urso* – *ursada* – можно перевести на русский язык как «предательство»[1], а в некоторых контекстах как «медвежья услуга» или «обман». Это значение высвечивается примерами:

– Créditos do FMI: salvamento da economia ou ursada?[2]

– «Pelo amor de Deus pessoal, cuidado com as «*ursadas*»[3].

– «Ele e um seu parente próximo fizeram-me *ursadas*, e uma delas gravíssima» [Escobar Thompson 2013].

Эмоциональное восприятие образа медведя в Португалии и в России

Хотя многие люди считают медведей опасными, этот хозяин леса ревностно заботится о принадлежащей ему территории и не нападает на человека беспричинно, применяя силу только в случае крайней необходимости. Обеспокоенные неожиданным появлением бурого медведя после того, как вот уже более трех веков назад эти звери в Португалии были истреблены, португальские СМИ утверждают, что бурый медведь достаточно миролюбив:

O urso-pardo não é um animal perigoso. Não há registos de ataques a seres humanos. Ele gosta é de estar sozinho e de sossego [Santos Ferreira 2019].

Тем не менее вид и рык медведя вызывают вполне объяснимый страх, ведь для домашнего скота голодный медведь является серьезной угрозой. Его способность опустошить хозяйство заставляла наших соотечественников обносить селения частоколом. Не случайно во многих народных песнях встреча с медведем описывается как шок:

Я гнала свою корову на росу
Повстречался мне медведь во лесу.
Я медведя испугалася, Во часты кусты бросалася.
Ты медведюшко батюшко,
Ты не тронь мою коровушку![4]

[1] URL: https://www.dicio.com.br/urso/

[2] URL: http://anonimosecxxi.blogspot.com/2014/07/ursada-o-mundo-mundar.html

[3] URL: https://id-id.facebook.com/classeaacademiarv/videos

[4] URL: https://narodnye-pesni.ru/russkie/70-oj-vstavala-ya-raneshenko.html

Несмотря на угрожающий вид медведей, с незапамятных времен в России их ухитрялись водить по улицам и устраивать с ними представления, забавлявшие публику, – «медвежью потеху». По сей день «наши» медведи успешно выступают в цирке, где ездят на мотоциклах, велосипедах, самокатах, крутятся на турнике, катаются на коньках и на роликах. В Португалии, сделавшей рабами миллионы африканцев и столетиями занимавшейся работорговлей, российская традиция использовать медведей в увеселительных целях резко и патетично осуждается. В заметке «Uso de urso em abertura de jogo na Rússia é condenado por ambientalistas» рассказывается, как:

> ...aquele pobre urso usado pelos russos para entregar a bola ao árbitro <...> amordaçado numa focinheira, treinado sabe-se lá com quais métodos, fez direitinho o papel de bobo da corte [Gonzalez 2018]. – «Бедный медведь, использованный русскими для передачи мяча судье < ... > с намордником, натренированный неизвестно какими методами, удачно сыграл роль придворного шута».
>
> Os bobos é que estavam aplaudindo. – «А дураки ему аплодировали».

Трюк квалифицируется как *desumano* (*бесчеловечный*), *perigoso* (*опасный*); сам медведь обозначен как *servo cativo* (*плененный раб*). Заметка комментирует тот факт, что медведь – это тотем страны-амфитриона легендарного Чемпионата мира по футболу 2018. Именно поэтому:

> ...o uso dele como um troféu vivo é desumano e sem sentido» *и* «esperamos que o povo do país mostre alguma compaixão e orgulho nacional e pare de abusar deles [там же]. – «...Использование его в качестве живого трофея бесчеловечно и бессмысленно», *и* «мы надеемся, что народ страны проявит немного сострадания и национальной гордости и прекратит злоупотребления».

Уважая мнение защитников животных, обратим внимание на амбивалентность оценок и напомним, что повсюду в мире используют лошадей для развлекательных прогулок; обманным, подлым путем ловят рыбу, которую нередко бросают котам; что цепные псы в Португалии охраняют частные дома; в США устраиваются собачьи драки; в Испании для туристов продолжают демонстрировать *corrida de toros*, а привязанный за лапку французский петух – символ

галлов – аллегорически страхует ворота на футбольном поле. Однако «в 93-м петух не смог принести удачу сборной Франции, несмотря на то, что выбежал на поле в середине первого тайма матча с Болгарией»[1]. С восторгом повествуют газеты о том, как «самый известный болельщик сборной Франции – Клеман д'Антибе – получил в подарок от россиянки Кати нового петуха, купленного на птичьем рынке»[2]. Птица-подарок, конечно же, по своей доброй воле будет сопровождать болельщика и всеми силами помогать ему в праведной борьбе за победу *правильной* команды[3]. Перефразируя латинскую поговорку, можно сказать: «Что дозволено (европейскому) петуху, не дозволено (российскому) медведю».

Политизация образа медведя

Демонизирующие россиян заявления, осуждающие нас за варварство и зверство, основанные на особенностях восприятия образа хищного животного, носят явный политический характер:

> Espancamentos, choques elétricos e privação de comida são métodos usados pelos tratadores russos para fazer com que os ursos realizem truques depreciativos e estúpidos [Gonzalez 2018]. – «Избиения, электрошок и лишение пищи – вот методы, которые используют российские дрессировщики, чтобы заставить медведей выполнять унизительные и глупые трюки».

Упомянутому выше изданию вторят коллеги-конкуренты:

> Controlado por um domador, ele entrou no estádio, se posicionou à frente do gramado e começou a fazer movimentos com as mãos, como se estivesse «batendo palmas» – usando uma focinheira. Então, segurou a bola, que foi pega pelo árbitro[4].

Комментируя эту полемику, позволим себе сослаться на авторитетное мнение доктора искусствоведения С. М. Макарова, который считает такие медвежьи выступления продолжением древнерусской царской традиции «потех и забав, где тысячелетиями участвовали

[1] URL: https://edelweiss-dolina.ru/2019/06/simvol-frantsii-petuh/
[2] URL: https://ok.ru/fkrostovso/topic/68428313318679
[3] URL: https://www.sports.ru/tribuna/blogs/nastyle/1764114.html
[4] URL: https://globoesporte.globo.com/futebol/futebol-internacional/noticia/urso-e-usado-para-entregar-bola-a-juiz-na-3-divisao-russa-e-pode-aparecer-na-copa.ghtml

неразлучные партнеры: бывший бог Волос-Велес-Медведь (ныне ловкий артист манежа) и бывший шаман-трикстер-скоморох, преобразившийся в наблюдательного и умелого дрессировщика» [Макаров 2015].

В западных СМИ образ медведя подвергается идеологизации и выступает в основном как апофеоз саркастичных характеристик в отношении РФ:

> A mãe Rússia clama por seus filhos, no apelo sentimental, e o Grande Urso do Norte retorna para retomar seu posto no cenário mundial [Niedermeier Belmonte 2016, c. 38]. – «Мать-Россия в сентиментальном порыве взывает к своим детям, и Большой Северный Медведь возвращается, чтобы вновь занять свой пост на мировой арене».

Фигуры орла, дракона, льва и, конечно же, медведя во множестве контекстов выступают объёмными шифровками соответствующих государств:

> Voa no Ocidente a ‘águia, / guardando o imperio da guerra, / visando o dragão no confronto; / com as garras abertas, / preparando o ataque, / com a ira desperta. / Acorda sem nome o *urso do norte,* / reavendo os seus filhos, / enganado os amigos; / com a fome daquele que hiberna, / requerendo de volta o império, / com a lembrança de mais de mil guerras [Caiana 2017].

Для португальца «ursos possuem personalidades bastante desagradáveis. o urso-cinzento vem imediatamente à mente como o mais feroz e perigoso deles» [Romanzoti 2013]. В Википедии на португальском языке для *urso russo* выделена специальная страница. Она гласит:

> ...Era usado para sugerir que a Rússia é “grande, brutal e desajeitada”[1]. – «...Он использовался, чтобы намекнуть, что Россия “большая, жестокая, грубая и неуклюжая”».

Преподаватели русского языка как иностранного вынуждены развенчивать упорно воспроизводимые стереотипы, относящиеся к российскому образу жизни. Первый из них – водка, второй – повсеместное присутствие медведей:

[1] URL: https://pt.wikipedia.org/wiki/Urso_Russo

> Só os estereótipos envelhecidos, arcaicos e deformadores da realidade efetiva carregam em si a possibilidade de um reflexo não objetvo da realidade. São dessa natureza os seguintes: vodka [que já há um bom tempo não é a principal bebida alcoólica dos russos, sobretudo em grandes cidades], ursos [que nas representações dos estrangeiros andam livremente pelas ruas das cidades russas] [Kozlovtseva, Tolstova 2019].

К образу медведя прибегает в своих выступлениях Президент РФ В. В. Путин, что сразу подхватывается и интерпретируется европейской прессой, выносящей в заголовки цитаты из его речей:

> Putin: "Ocidente quer transformar o urso russo em um troféu de caça" (*Noticias, 18.12.2014*).

Западные страны привычно видят в России опасность. Ею удобно аргументировать эскалацию вооружений и нагнетание панических эмоций в социуме, которые делают общество манипулируемым. «A Rússia é como um urso ferido: forte, imprevisível e com uma longa memória» – пишет газета, поясняя: «O alargamento da NATO a Leste não está esquecido e não foi perdoado» (*Diario de Noticias 26.12.2016*)[1].

Наиболее влиятельные СМИ планеты в унисон сравнивают Россию со спящим в берлоге медведем. Крымские события изображаются как пробуждение лесного хозяина:

> O urso russo acordou na Crimeia (05.08.2019)[2].
>
> Acordaram o urso e dizem que a culpa é do urso[3] (*Jornal de Notícias, 02.03.2014*).
>
> Mas o urso russo não morreu; ele simplesmente hibernou e hoje está acordando com grande fúria[4] (*Jornal SOL, 09.05.2014*).
>
> Aterrorizar urso que dorme também é modo bem estúpido de agir. É evidente que se você desce até a caverna de um urso que hiberna e põe-se a lhe cutucar a cabeça, que, pelo menos, não espere coisa boa, quando o urso acordar[5].

[1] URL: https://www.dn.pt/mundo/a-russia-e-como-um-urso-ferido-forte-imprevisivel-e-com-uma-longa-memoria-5571411.html

[2] URL: https://super.abril.com.br/tecnologia/o-urso-acordou/

[3] URL: https://www.jn.pt/opiniao/azeredo-lopes/acordaram-o-urso-e-dizem-que-a-culpa-e-do-urso-3715551.html

[4] URL: https://sol.sapo.pt/artigo/105206

[5] URL: https://port.pravda.ru/mundo/11-06-2014/36897-inimigo_interno-0/

Справедливости ради вспомним, что на европейские языки переведен мультфильм «Маша и Медведь», ставший весьма популярным. По его мотивам созданы игры и приложения. Мультфильм влияет на коннотативную ауру фаунонима *медведь*, усиливая ее позитивную составляющую.

Скульптор Karl Heinz Stock посвятил свою многофигурную композицию медведям, потому что они во многом похожи на людей. Он считает, что:

> O provérbio "o urso acorda na primavera depois de um longo sono" mostra similaridades com o que acaba de acontecer à humanidade. Desde o começo dos tempos os ursos capturaram a imaginação do homem, em muitas civilizações os ursos foram representados frequentemente na arte, como um símbolo de força, e capacidade de adaptação à mudança. Muitos anos têm passado e o urso ainda brilha como um símbolo na sociedade moderna pela sua resistência, perseverança, e capacidade das suas car-acterísticas de adaptação que nós seres humanos admiramos[1]. – «Пословица "медведь просыпается весной после долгого сна" созвучна с тем, что происходит сейчас с человечеством. С незапамятных времен медведи захватили воображение человека, во многих цивилизациях медведи часто изображались в искусстве как символ силы и способности приспосабливаться к изменениям. Прошло много лет, а медведь по-прежнему является в современном обществе символом сопротивления, настойчивости и способности адаптироваться, и мы, люди, восхищаемся ими».

Художник полагает, что сила этого животного сочетается с большим и добрым сердцем:

> Um bom exemplo disso é o urso russo: muito forte mas não obstante com um coração doce[2]. – «Хорошим примером этого является русский медведь: очень сильный, но с нежным сердцем».

Urso как компонент фразеологизмов

Хотя медведь нечастый гость на пиренейских просторах, португальский язык хранит немало фразеологизмов со словом *urso*. Сведем их в небольшую таблицу.

[1] URL: http://www.dancadosursos.com/
[2] URL: http://www.dancadosursos.com/

Таблица 1

Португальские фразеологизмы с компонентом *urso*

Португальский фразеологизм	Дословный перевод	Значение, комментарий
abraço de urso	объятье медведя	Медвежье объятие; медвежья услуга
amigo urso	друг-медведь	Ложный друг
Com tempo até o urso aprende a dançar	Со временем даже медведей обучают танцевать	Всему можно научиться
comer sopa de urso	Кушать суп медведя	Получить нагоняй, быть избитым
dançar pau com os ursos	танцевать с медведями	Заниматься ерундой; выглядеть беспомощным; возможно, «взаимодействовать с могучим и чудаковатым партнером, который, впав в ярость, может нанести увечья»
fazer de urso / fazer figura de urso	делаться медведем, строить фигуру медведя	Выглядеть смешным, быть посмешищем
jogar (ao) pau com os ursos	играть в палку с медведями	Бездельничать
Não vendas a pele do urso antes de o matar; Mata o urso antes de vender-lhe a pele.	Сначала убей медведя, а потом продавай его шкуру	Делить шкуру неубитого медведя
O urso acorda na primavera depois de um longo sono	Весной медведь пробуждается от зимней спячки	Затишье предвещает бурю
Para amigo urso, abraço de tamanduá.	Для друга-медведя объятья муравьеда	Долг платежом красен; что посеешь, то и пожнешь
Urso é, quem lhe veste a pele	Медведь тот, кто носит его шкуру	Если не хочешь неприятностей, не груби
Urso tardio não vai vazio (https://proverbios-populares.com/)	Припозднившийся медведь не пустой идёт	Поздний медведь – это неспроста

Рассмотрим более подробно некоторые из приведенных в таблице фразеологизмов.

Фразеологизм *um abraço de urso* нередко принимает участие в языковой игре и шутках:

> Nao se iluda com um sorriso e muito menos com um abraço, porque Coringa mata sorrindo e o urso mata abraçando. – «Не обольщайся улыбкой или объятьем, ведь Джокер убивает с улыбкой, а медведь в объятьях».

Частотным является разговорное выражение *fazer de urso* / *fazer figura de urso* [Almeida 2019, с. 102] в значении «comportar-se de forma ridícula, ser alvo de troça» [Infopédia] – «сморозить глупость», «опростоволоситься»; «опозориться».

Amigo urso реферирует к предателю.

> Sabe aquele amigo, amigão que está sempre ao seu lado? Disponível, prestativo? Um dia você descobre que ele não é tão amigo assim, se tornou um amigo falso, infiel, hipócrita. Certamente, após a traição você irá chamá-lo de amigo urso[1].

Выражение *amigo urso* (друг-медведь), иногда соответствующее русскому фразеологизму «медвежья услуга», происходит из басни Лафонтена. В ней один человек подружился с медведем. Однажды мужчина заснул, а на лоб ему села муха. Медведь взял камень, и не раздумывая, стукнул по мухе, убив сотоварища. Отсюда идет выражение «медведь-друг», расширенным вариантом которого можно считать шутливую сентенцию:

> Para amigo urso, abraço de tamanduá. – «Для друга-медведя – объятья муравьеда».

«Открытый словарь сленга и идиом» Ж. Ж. Алмейды [Almeida 2019] фиксирует идиому «dançar pau com os ursos» / «танцевать с медведями». Ему синонимична «jogar (ao) pau com os ursos» (играть в палку (древнее военное состязание в Португалии) с медведем) в значении «заниматься ерундой», «затевать явно (заведомо) проигрышное дело», «попусту тратить время», «устремлять усилия туда, куда изначально не планировалось», «не знать, как поступить», «быть не в состоянии

[1] URL: https://www.terra.com.br/noticias/educacao/voce-sabia/qual-a-origem-da-expressao-amigo-urso

добиться поставленной цели». Интересны фразеологизмы-синонимы: «ir catar macacos», «ficar a ver navios», «apanhar gambozinos», ou seja, «não obter o que se espera», «andar á tuna, vadiar»; «andar desnorteado, á tôa»[1] – «слоняться без дела», «бить баклуши». Кроме того, фразеологизм об играх с медведем способен выражать значение «não saber fazer nada» / «не уметь ничего делать». Все указанные значения сливаются в своеобразную амальгаму в тексте спортивной заметки:

> Quando os israelitas colocaram o resultado a seu favor por 3-1, ante a decepção e a incredulidade, um espectador levantou-se de supetão exclamando: – «Vão jogar pau com os ursos», e, furibundo, abalou porta fora sem olhar para trás»[2]. – «Когда израильтяне свели счёт в свою пользу 3:1, то, потеряв всякую надежду и веру, зритель внезапно встал, воскликнув: “Пусть играют в палку с медведями”, – и яростно толкнул дверь, не оглядываясь назад» (перевод наш. – *М. К.*).

Фразеологизм *Ser um urso* – «быть медведем» в смысле «быть неуклюжим» параллельно русскому восклицанию: «Какой же ты медведь!» Приведем в качестве примера возмущенную реплику футбольного болельщика:

> Grandes ursos! Não conseguirem ganhar a Israel! (*там же*) – «Ну и медведи! Не смогли обыграть Израиль!».

Для перевода труден оборот *Urso é, quem lhe veste a pele* («Медведем является тот, кто одевается в его меха»). Рассмотрим его в контексте статьи из газеты Público от 27.11.2018 года:

> Mas será maniqueísmo acreditar que Moscovo veste a ancestral pele do urso predador e que não há responsabilidades na Ucrânia, na Europa ou na NATO pelo que se está a passar. Querer levar as fronteiras atlânticas até às portas da Rússia foi um erro estratégico que fez despertar o orgulho ferido do gigante e estimulou ... a agressividade do regime de Putin[3]. – «Было бы лицемерием заявлять, что Москва носит древние шкуры хищного медведя, и что ни Украина, ни Европа, ни НАТО не несут ответственность за происходящее. Желание приблизить атлантические границы к порогу России было

[1] URL: https://www.dicio.com.br/gambozinos/
[2] URL: http://rmsilvadacosta.blogspot.com/2013/03/vao-jogar-pau-com-os-ursos.html. 22.03.2013
[3] URL: https://www.publico.pt/2018/11/27/mundo/editorial/ameaca-europa-vem-leste-1852549

стратегической ошибкой, которая пробудила уязвленную гордость гиганта и подстегнула ... агрессивность режима Путина».

Своеобразен оборот *comida de urso, sopa de urso* – «избиение»; а *comer comida de urso* – дословно: «съесть еду медведя», что означает «быть избитым». Словарь Алмейды приводит пример:

Se te apanho vais comer comida de urso! [Almeida 2019, c. 51] – «Попадись ты мне – наешься березовой каши!»

Não vendas a pele do urso antes de o matar – «Делить шкуру неубитого медведя» – этот рефрен можно считать универсальным интерфразеологизмом (культуремой), давно «обрусевшим» древним культурологическим европеизмом, объединяющим, а не разделяющим Россию от Европы [Мокиенко, Никитина 2017, с. 257]. Тем не менее португальским социумом этот оборот воспринимается как французский, что навязывается прессой: «Convém recordar tanto o provérbio francês, que diz que não se pode vender a pele do urso antes de o haver matado (“*vendre la peau de l'ours avant de l'avoir tué”*)» [Ávila 2012]. Его часто включают в публицистический дискурс:

Nós nunca nos comprometemos ao vencimento de causas, nunca endossamos saques sobre a consciência dos tribunais, nunca abrimos banca de *vender peles de ursos antes de mortos* [Rezende 1967, c. 10]. – «Мы никогда не гарантируем, что выиграем дело, мы никогда не открываем прилавок, чтобы продавать шкуры неубитых медведей».

Португальцам из школьной программы известна басня Эзопа про медведя и пчел – «O Urso e as abelhas». Ее название можно считать интересным крылатым выражением. Из содержания басни выводится своеобразная мораль:

Mais vale suportar um só ferimento em silencio que perder o controle e acabar todo machucado [Fábulas de Esopo]. – «Лучше молча вынести единственный укол, чем потерять самообладание, впасть в бешенство и, в конце концов, сильно пострадать».

На примере поведения разъяренного укусом медведя ученикам разъясняют, что сдержаться и не отреагировать на провокацию – это признак мудрости[1].

[1] URL: https://brainly.com.br/tarefa/2350850

Заключение

В русской и португальской лингвокультурах лексема *urso* / *медведь* предстает значимой архетипической эмблемой и содержательной когнитивной единицей. Она усиливает экспрессивность и оценочность высказывания. Как в русском, так и в португальском языке, это слово развивает вторичные значения, проявляя заметную фразеологическую активность. В португальской языковой картине мира доминирующими фигуральными смыслами существительного *urso* / *медведь* являются: грубая, неразумная, неуправляемая сила, глупость, несуразность, несдержанность, комичность, тогда как русский язык фокусируется на положительной трактовке его природного могущества. В португальской языковой картине мира этот образ опирается на прецедентные тексты (басни, сказки). Метафорически он используется для создания отрицательного имиджа того или иного объекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Макаров С. М. Медвежья потеха – царская забава // В мире цирка и эстрады. 2015. [Makarov, S. M. (2015). Medvezh'ya potekha – carskaya zabava. (Bear entertainment as tzar's fun). *V mire cirka i estrady.* (In Russ.)]. URL: http://www.ruscircus.ru/public/bear.shtml (дата обращения: 02.03.2021).

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Венгерско-славянские фразеологические параллели (диахронический аспект) // Studia Slavica Hungarica. 2017. № 62/2. С. 247–275. [Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2017). Vengersko-slavyanskie frazeologicheskie paralleli (diahronicheskij aspekt). Hungarian-Slavic phraseological parallels (diachronic aspect). Studia Slavica Hungarica, 62/2, 247–275. DOI: 10.1556/060.2017.62.2.1. (In Russ.)].

Ханджани Л. Образ медведя в русской и персидской культуре и литературе // Филологические науки в России и за рубежом: материалы IV Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2016. С. 3–7. [Khanjani, L. (2016). Obraz medvedya v russkoj i persidskoj kul'ture i literature. (The image of a bear in Russian and Persian culture and literature). Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom (pp. 3–7): materials of the IV International Scientific conference. St. Petersburg.]

Almeida J. J. Dicionário Aberto de Calão e Expressões Idiomáticas. 2021. URL: https://natura.di.uminho.pt/~jj/pln/calao/dicionario.pdf. (дата обращения: 02.03.2021).

Ávila U. Lucro de filial no exterior não pode ser tributado // Consultor Jurídico. 2012, February 07. URL: https://www.conjur.com.br/2012-fev-07/imposto-lucro-empresa-exterior-inconstitucional?pagina=4. (дата обращения: 03.03.2021).

Budny R. Unidades fraseológicas com zoônimos: um olhar pela janela da influência cultural // Linguagem em (Dis)curso. LemD, Tubarão, SC. Maio / agosto, 2020. Vol. 20, n. 2. Pp. 307–319. URL: https://www.scielo.br/pdf/ld/v20n2/1982-4017-ld-20-02-307.pdf (дата обращения: 01.03.2021).

Caiana A. Ocultos. Poemas e poesias // Clube de Autores. 2017.

Escobar Thompson M. E. Minha Irma epistolar. Sao Paulo. 2009. URL: https://teses.usp.br/teses/disponiveis/8/8151/tde-03032010-133823/publico/MARIA_ELISA_ESCOBAR_THOMPSON.pdf (дата обращения: 21.02.2021).

Fábulas de Esopo. 2018. URL: https://armazemdetexto.blogspot.com/2018/06/fabula-o-urso-e-as-abelhas-esopo-com.html (дата обращения: 19.02.2021).

Gonzalez A. Uso de urso em abertura de jogo na Rússia é condenado por ambientalistas // G1. Globo. 2018, April 17. URL: http://g1.globo.com/natureza/blog/nova-etica-social/post/uso-de-urso-em-abertura-de-jogo-na-russia-e-condenado-por-ambientalistas.html (дата обращения: 08.02.2021).

Kozlovtseva N. A., Tolstova N. N. A formação da imagem do mundo russo como aspecto da adaptação cultural de cidadãos estrangeiros no processo de ensino de língua russa // Bakhtiniana: Revista de Estudos do Discurso. 2019. Vol. 14(1). Pp. 74–105. URL: https://doi.org/10.1590/2176-457338362

Santos Ferreira P. O regresso do urso pardo a Portugal // Luxemburger Wort. 2019, May 10. URL: https://www.wort.lu/pt/portugal/o-regresso-do-urso-pardo-a-portugal-5cd5818eda2cc1784e343d57 (дата обращения: 21.02.2021).

Niedermeier Belmonte G. O ressurgimento do Grande Urso // A Defesa Nacional. 2016. Vol. 103, n. 830. Pp. 29–47. URL: http://www.ebrevistas.eb.mil.br (дата обращения: 10.02.2021).

Romanzoti N. 10 animais ferozes ou de péssimo temperamento // Hyperscience. 2013, September 13. URL: https://hypescience.com/10-animais-ferozes-ou-de-mal-temperamento/ (дата обращения: 11.02.2021).

Rezende de Andrade Ribeiro L. Dicionário de conceitos e pensamentos de Rui Barbosa. Edart Livraria Editora, São Paulo Ltda, 1967.

Dicionário Priberam da Língua Portuguesa (DPLP) [em linha]. Priberam Informática, S. A., 2008–2021. URL: https://dicionario.priberam.org/ (дата обращения: 15.02.2021).

Infopedia. Dicionarios Porto Editora. Infopedia.pt. URL: https://www.infopedia.pt/dicionarios/lingua-portuguesa/

УДК 81'276.6.355Б **DOI 10.52070/2542-2197_2021_5_847_95**

А. Г. Лешин, С. М. Рулькова, Э. А. Фахретдинова

Лешин А. Г., преподаватель Военного учебного центра
Московского государственного лингвистического университета
mil@linguanet.ru

Рулькова С. М., преподаватель Военного учебного центра
Московского государственного лингвистического университета
mil@linguanet.ru

Фахретдинова Э. А., старший преподаватель Военного учебного центра
Московского государственного лингвистического университета
mil@linguanet.ru

РОЛЬ ПЕРЕВОДЧИКА ПРИ МОНИТОРИНГЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СМИ В ИНТЕРЕСАХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Целью настоящей статьи является оценка роли лингвиста-переводчика в системе мониторинга зарубежных средств массовой информации, осуществляемого в интересах органов государственной власти. Описывается ряд специфических задач, выполняемых лингвистом-переводчиком при мониторинге СМИ. Показана необходимость более активного привлечения специалистов лингвистического профиля к мониторингу иностранных СМИ, а также дополнительной подготовки и повышения квалификации лингвистов-переводчиков для работы в системе мониторинга.

Ключевые слова: информационное обеспечение; мониторинг СМИ; задачи переводчика; интерпретация; анализ; автоматизированная информационная система; постредактирование; имплицитный смысл.

A. G. Leshin, S. M. Rulkova, E. A. Fakhretdinova

Leshin A. G., Lecturer, Military Training Center,
Moscow State Linguistic University
mil@linguanet.ru

Rulkova S. M., Lecturer, Military Training Center,
Moscow State Linguistic University
mil@linguanet.ru

Fakhretdinova E. A., Senior Lecturer, Military Training Center,
Moscow State Linguistic University
mil@linguanet.ru

CC BY

THE ROLE OF THE TRANSLATOR IN FOREIGN MEDIA OUTLETS MONITORING IN THE INTERESTS OF THE STATE AUTHORITIES

The aim of this article is to assess the role of the linguist and translator in foreign media monitoring in the interest of state authorities. The article touches upon specific tasks, carried out by linguists in the course of monitoring. The article also demonstrates the need for a broader involvement of linguists in reviewing the content of the foreign mass media, for additional and advanced training of language specialists working in the foreign media monitoring system as well.

Key words: information management and dataware; media monitoring; translator's tasks; interpretation; analysis; automated information system; post-editing; implicit meaning.

Введение

В современном мире средства массовой коммуникации – традиционные, электронные и так называемые новые СМИ – уже не играют роль носителя информации, а выполняют функцию регулятора информационной среды. На международном и внутригосударственном уровнях традиционные средства массовой информации и социальные сети становятся одновременно объектами и средствами информационного управления и ареной информационного противоборства [Губанов, Новиков, Чхартишвили 2010, с. 16]. Они воспринимаются высшим политическим и военным руководством ведущих стран как информационное оружие и как внешний или внутренний источник угрозы для информационной безопасности государства. Под внешним источником информационной угрозы в таком случае следует понимать то или иное средство массовой информации, в котором сообщения публикуются на государственных или иностранных языках с целью дискредитации политики, реализуемой органами государственной власти, очернения образа высшего политического и военного руководства, создания негативного имиджа страны на международной арене и т. п. Для предупреждения данных угроз и принятия упреждающих решений по их ликвидации или устранению последствий осуществляется мониторинг средств массовой информации – вид информационного обеспечения (ИО) деятельности органов государственного управления, подразумевающий непрерывный оперативный сбор, обработку, хранение и анализ появляющейся в СМИ информации о деятельности

этих органов и соответствующих сферах общественной жизни [Организация информационного обеспечения 2018].

Место лингвиста-переводчика в системе мониторинга зарубежных СМИ

В настоящее время профессионально-должностной статус человека, работающего в системе мониторинга медиа, прежде всего, можно описать словосочетанием «специалист по мониторингу СМИ» или словом «аналитик». В перечень основных задач таких специалистов при работе с зарубежными СМИ входит:

– выявление основных тенденций иностранных медиа в представлении информации о деятельности органов государственного управления Российской Федерации, социально-политической и социально-психологической ситуации в России, роли России в формировании международной обстановки в глобальном и региональном масштабах, военно-политической обстановки на основных стратегических направлениях;

– определение основных тенденций в формировании иностранными СМИ представлений о Российской Федерации в массовом сознании граждан зарубежных государств;

– вскрытие потенциальных информационных угроз, происходящих из-за пределов страны, и источников их возникновения;

– анализ информационной обстановки вокруг российских органов государственного управления и прогнозирование ее изменения.

В случае если аналитик обладает соответствующими компетенциями, при описании его профессионально-должностного статуса добавляется словосочетание «со знанием иностранных языков». Однако большой объём поисковых, оценочных, аналитических задач, сжатые сроки их выполнения и эпизодическая нехватка человеческих ресурсов обязывают одних и тех же специалистов работать на разных направлениях: вести мониторинг как русскоязычных СМИ, так и СМИ на иностранных языках, а также принимать участие в мероприятиях информационного обеспечения, не связанных непосредственно с мониторингом. Следовательно, нельзя говорить о существовании отдельной категории специалистов по мониторингу *иностранных* СМИ или аналитиков *иностранных* СМИ, которая бы, в первую очередь, формировалась из профессиональных лингвистов-переводчиков.

Тем не менее мониторинг средств массовой информации, использующих в качестве основного языка иностранный, подразумевает необходимость не только трансформационного перевода материалов СМИ, но и безошибочной интерпретации эксплицитных и имплицитных смыслов, заложенных в исходном тексте. С точки зрения лингвистики для специалиста по мониторингу важно идентифицировать обозначаемую в тексте реальность, понять ее ситуационные связи и возможное дальнейшее развитие, а в материальных единицах языка – найти тематический статус, определить контекстную функцию, выявить коммуникативное предназначение и правильно интерпретировать данные единицы текста [Иванов 2017]. Для этого специалисту необходимо не просто «знать иностранный язык». Он должен разбираться в особенностях иностранного языка традиционных СМИ и социальных медиа, правилах иноязычной интернет-коммуникации (объектами мониторинга также являются комментарии к материалам СМИ и тексты, размещаемые в социальных сетях и блогах) кроме того, уметь решать ряд задач, специфика которых связана как с особенностями самого рабочего процесса, так и с характерными чертами итогового документа мониторинга.

Особенности текстов итогового документа мониторинга

Результаты мониторинга зарубежных СМИ предоставляются руководящим должностным лицам органов государственного управления, а также лицам, принимающим решения, в виде формализованных текстовых справочных документов, содержащих некоторые графические изображения. Текст итоговых документов мониторинга зарубежных СМИ имеет ряд особенностей, отличающих его от текстов других информационно-справочных документов.

Во-первых, текст итогового документа мониторинга зарубежных СМИ как результат работы лингвиста-переводчика должен представлять собой точный зрительно-устный перевод на русский язык исходных текстов, написанных в публицистическом стиле. Авторы других информационно-справочных и информационно-аналитических документов изначально создают тексты на русском языке и стараются придерживаться научного стиля, а переводные фрагменты в таких материалах обычно представляют собой вольное и даже неполное

изложение исходного текста. Итоговый документ мониторинга СМИ может содержать в себе реверсивный перевод высказываний российских руководящих должностных лиц или официальных документов.

Во-вторых, текст итогового документа мониторинга, как и другие документы, разрабатываемые в рамках ИО, выполняет функцию информирования, однако сообщает реципиенту не только содержательную сторону исходного текста, но и его экспрессивную и апеллятивную составляющую.

Наконец, в отличие от многих других типов информационных документов, объем текста итогового документа мониторинга не может быть определен заранее потому, что зависит от частоты и глубины освещения рассматриваемой проблемы в зарубежных СМИ, а также от количества органов медиа в интересующей специалистов стране или регионе. От объёмов текста, необходимого для составления качественного итогового документа, зависит темп работы специалиста по мониторингу, в том числе переводчика.

Специфические задачи лингвиста-переводчика в системе мониторинга зарубежных СМИ

Представляется целесообразным выделить две классификации задач лингвиста-переводчика при мониторинге иностранных медиа:

1) по этапам:
   - выполняемые на этапе поиска и при предпереводческом анализе текстов;
   - выполняемые непосредственно в ходе автоматизированного или неавтоматизированного перевода;
   - выполняемые при редактировании автоматизированного или неавтоматизированного перевода и постредактировании машинного перевода.
2) по типам:
   - переводческие;
   - оценочно-аналитические;
   - информационно-технологические.

В то же время специфика работы лингвиста-переводчика при мониторинге СМИ определяется всем комплексом задач вне зависимости от этапа или типа.

Итоговые документы мониторинга могут быть большого объёма и готовиться в сжатые сроки. При этом «устаревание» информации является критичным: реагирование на информационные угрозы должно быть своевременным, а упреждающие решения принимаются максимально оперативно. Перевод публикаций иностранных СМИ, таким образом, сильно ограничен по времени. Это приводит к ряду проблем в работе лингвистов-переводчиков и других специалистов в системе мониторинга зарубежных СМИ:

– мнимой экономии времени при составлении поисковых запросов;
– отказу от возможностей, которые предоставляет предпереводческий анализ текстов;
– чрезмерному применению машинного перевода.

Увеличение числа профессиональных лингвистов-переводчиков в системе мониторинга зарубежных СМИ для решения первой из вышеуказанных проблем позволит специалисту на основе лингвистических и экстралингвистических знаний более точно формулировать запросы по ключевым словам на языке поисковых служб для выполнения прецизионного поиска, и, в конечном итоге, способствовать адекватному выбору материалов для оценки, обработки, перевода и анализа.

Экспресс-анализ материалов мониторинга зарубежных СМИ, проводимый лингвистом-переводчиком, поможет быстрее и с более высокой точностью определять степень критичности, достоверности и объективности материалов, устанавливать отношение авторов текстов к освещаемой проблеме, классифицировать материалы на негативные, нейтральные и позитивные негативности, нейтральности и позитивности еще на этапе предпереводческого анализа.

В свою очередь, машинный перевод – необходимый и перспективный инструмент в переводе материалов зарубежных СМИ в системе мониторинга, который подразумевает обязательное постредактирование. Для этой работы переводчику требуются специальные знания, умения и навыки [Нечаева, Светова 2018]. Следует отметить, что данной отрасли переводческой деятельности пока еще уделяется недостаточное внимание в академической среде и при подготовке специалистов в вузах, поэтому переводчикам для освоения постредактирования необходимо проходить переподготовку в системе дополнительного образования или повышение квалификации.

На сегодняшний день, а также в ближне- и среднесрочной перспективе, даже несмотря на внедрение технологий на основе нейронной сети, машинный перевод не способен заменить лингвиста-переводчика при выполнении оценочных задач в работе с текстом переводимых материалов.

Лингвист-переводчик посредством прагмалингвистического и структурного анализа текста непосредственно при осуществлении перевода или на этапе редактирования (постредактирования) способен:

- Вскрывать преднамеренные и непреднамеренные искажения цитат российского высшего политического и военного руководства, представителей органов государственного управления.
- Выявлять имплицитные лексические средства и грамматические конструкции, позволяющие судить о попытке автора снять с себя ответственность за содержание высказывания. Делать заключение о речевой интенции адресанта и прагматических задачах текста в случае, когда текст имеет явную негативную или, наоборот, излишне позитивную тональность.
- Определять открыто или завуалированно используемые в тексте приемы и формы речевой агрессии и другие вербальные средства речевого воздействия на реципиента.
- Устанавливать проявляющуюся на уровне текста направленность изменений в оценке деятельности органов государственного управления Российской Федерации и проводимых ими мероприятий.

Результаты такого анализа могут применяться:

- Для составления справки, сопровождающей итоговый документ мониторинга, или служебной записки к нему, содержащих прецизионные данные о количестве освещаемых в итоговом документе мониторинга материалов, их распределении по видам СМИ или количестве комментариев к ним. Такие информационно-справочные документы могут дополняться информацией о тенденциях освещения темы в зарубежных СМИ, изменении направленности проблемных текстов за выбранный период с позитивной на негативную и, наоборот, влиянии использованных в тексте речевых средств на тональность комментариев к нему и т. п.

- Для выполнения информационно-технологической задачи и осуществления взаимной связи между лингвистами-переводчиками, аналитиками и разработчиками специального программного обеспечения, занимающимися созданием автоматизированных информационных систем, средств и инструментов мониторинга и анализа текстовой информации новостных источников [Комаров, Рощин 2019]. Представляется целесообразным участие лингвистов и переводчиков в совершенствовании применяемых в интересах мониторинга зарубежных СМИ механизмов интеллектуального анализа текстов (text mining) и обработки текстов на естественном языке.

Заключение

Увеличение числа профессиональных переводчиков в системе мониторинга зарубежных СМИ в интересах информационного обеспечения органов государственного управления Российской Федерации должно способствовать совершенствованию данной системы и повышению ее эффективности за счет компетенций, которые могут быть привнесены специалистами лингвистического профиля. В то же время переводчики, выполняющие профессионально-должностные обязанности в данной системе, не могут ограничиться умениями и навыками, приобретенными в высших учебных заведениях. Им требуется дополнительная подготовка по ряду направлений, охватывающих широкую отрасль знаний: от теории анализа и прогнозирования до практики в построении информационно-аналитических систем и применении аппаратных средств перевода и постредактирования. При этом органы государственного управления, в чьих интересах осуществляется мониторинг, могут обеспечивать переводчикам переподготовку и повышение квалификации по данным направлениям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Губанов Д. А., Новиков Д. А., Чхартишвили А. Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства. М.: Издательство физико-математической литературы, 2010. [Gubanov, D. A., Novikov, D. A., Chkhartishvili, A. G. (2010). Sotsialnye seti: modeli informatsionnogo vliianiia, upravleniia i protivoborstva. (Social network: models

of information influence, control and warfare). Moscow: Izdatelstvo fiziko-matematicheskoi literatury (In Russ.)]

Организация информационного обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации / под ред. Р. Х. Цаликова, Н. А. Панкова, И. Е. Конашенкова. М.: Редакционно-издательский центр Министерства обороны Российской Федерации, 2018. С. 269–293. [Calikov, R. H., Pankov, N. A., Konashenkov, I. E. (eds.) (2018). Organizatsiia informatsionnogo obespecheniia Vooruzhennykh Sil Rossiiskoi Federatsii. (Information Management in the interests of the Russian Armed Forces). Pp. 269–293. (In Russ.)].

Иванов Н. В. Пять аспектов природы перевода. 2017. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pyat-aspektov-prirody-perevoda/viewer (дата обращения: 12.03.2021). [Ivanov, N. V. (2017). Five aspects of the nature of translation. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/pyat-aspektov-prirody-perevoda/viewer (accessed: 12 March 2021). (In Russ.)].

Нечаева Н. В., Светова С. Ю. Постредактирование машинного перевода как актуальное направление подготовки переводчиков в вузах. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/postredaktirovanie-mashinnogo-perevoda-kak-aktualnoe-napravlenie-podgotovki-perevodchikov-v-vuzah/viewer (дата обращения: 10.03.2021). [Nechaeva, N. V., Svetova, S. IU. (2018). Post-editing machine translation as a new activity for teaching translation at universities. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/postredaktirovanie-mashinnogo-perevoda-kak-aktualnoe-napravlenie-podgotovki-perevodchikov-v-vuzah/viewer (accessed: 10 March 2021). (In Russ.)].

Комаров В. Н., Рощин С. М. Мониторинг и системный анализ информации электронных СМИ для предприятий оборонно-промышленного комплекса России. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38532412 (дата обращения: 07.03.2021). [Komarov, V. N., Roshchin, S. M. (2019). Monitoring and system analysis of information electronic media for enterprises of the military-industrial complex of Russia. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38532412. (accessed: 7 March 2021) (In Russ.)].

УДК 81'23 **DOI 10.52070/2542-2197_2021_5_847_104**

И. В. Матыцина

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры германской и кельтской филологии
филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова
imatits@gmail.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КАНЦЕЛЯРИЗМОВ И ШТАМПОВ В ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВЫХ ТЕКСТАХ В РУССКОМ И ШВЕДСКОМ ЯЗЫКАХ

Данная статья посвящена сопоставительному анализу официально-деловых текстов в русском и шведском языках с точки зрения употребления в них клишированных форм и конструкций. Анализируемый материал демонстрирует наглядные расхождения между русским и шведским языками в количественном соотношении полных и свернутых предикаций. Исторические *традиции* функционирования языка официально-делового общения находят свое отражение в количестве устойчивых выражений и канцелярских клише в текстах данного стиля.

Ключевые слова: шведский язык; язык официально-делового общения; сопоставительный анализ, клише; канцеляризмы.

I. V. Matytsina

PhD (Philology), Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Germanic and Celtic Philology,
Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University
imatits@gmail.com

USE OF OFFICIAL JARGON AND CLICHÉ IN A FORMAL BUSINESS CONTEXT IN RUSSIAN AND SWEDISH

The article focuses on the comparative analysis of the formal business writing style in Russian and Swedish in terms of clichéd phrases, clauses and sentence structure. The material under analysis demonstrates a number of clear dissimilarities in quantitative relationships which exist between full predication and the shortened version in Russian and Swedish. The historical *traditions* that show how the language of formal business communication works are reflected in the number of set expressions and official clichés that occur in texts belonging to this style.

Key words: the Swedish language; the language of formal business communication; comparative analysis; cliché; official jargon.

CC BY

Введение

Данная статья посвящена описанию лексико-синтаксического своеобразия текстов официально-делового стиля на примере договоров о сотрудничестве между Российской Федерацией и Королевством Швеция. Из большого количества отличительных черт, характерных для текстов данного стиля, мы выбрали один аспект, который показался нам особенно интересным, а именно, использование канцелярских стилистически маркированных клише. Ни для кого не секрет, что во всех языках рассматриваемый функциональный стиль имеет свои особенности, касающиеся как формы, так и содержания текстов [Wollin 2005; Wellander 1950; Матыцина 2003]. Однако отличия русского языка от шведского в данном случае имеют особый характер, поскольку наряду с различиями в типологии отражают различные традиции функционирования языка в этой сфере.

С точки зрения *типологии* анализируемый материал демонстрирует наглядные расхождения между русским и шведским языком в том, что касается реализации предикаций, а именно – в количественном соотношении полных и свернутых предикаций в оригинале и переводе. *Традиции* функционирования языка официально-делового общения находят свое отражение в количестве устойчивых выражений и канцелярских клише в текстах данного стиля. Мы будем называть речевыми штампами (клише) слова и словосочетания, регулярно повторяющиеся в текстах официально-делового общения. Канцеляризмы, в нашем понимании, – это лексико-грамматические конструкции, которые отличают тексты данного стиля от нейтрального и общеупотребительного. Рассмотрим эти явления на примерах.

1. Использование канцеляризмов

а. Включение в структуру русской фразы отглагольных существительных

Ex. 1. ersättning ***till*** sakkunniga – расходы ***на привлечение*** экспертов

В шведском варианте договора используется субстантивное сочетание с предлогом *till*, выражающее целевые отношения и указывающее назначение (адресата) выплат (*till sakkunniga – экспертам*). В русском тексте за счет включения в словосочетание существительного

«привлечение» значение конструкции, на первый взгляд, становится более узким – инхоативным, так как определяется начальная точка процесса; однако благодаря широкой семантике этого существительного, привлечение в таком контексте предполагает, кроме собственно найма и дальнейшее использование экспертов, а, следовательно, их зарплаты и, возможно, другие расходы, связанные с экспертной деятельностью.

Очень частотным в текстах данного функционального стиля является отглагольное существительное «оказание», которое используется при переводе субстантивных словосочетаний с разными предлогами (*зд.* om, av) и является способом передачи свернутой предикации, отсутствующей в шведском оригинале.

Ex.2. … gör en framställan ***от*** bistånd – … направляет запрос об ***оказании*** помощи.

В шведском тексте мы видим субстантивное сочетание с простым непроизводным предлогом *от* (*рус.* «*о*»), выражающим делиберативные отношения – информацию о предмете запроса, его сути (*bistånd* – помощь). Нормы русского официально-делового стиля требуют включения в данную конструкцию лексически ослабленного отглагольного существительного (оказание), которое обозначает обезличенное действие и как бы конкретизирует суть запроса.

Ex. 3. ...olika former ***av*** bistånd – …формы ***оказания*** взаимной помощи.

Шведскому субстантивному сочетанию с предлогом *av*, выражающему отношения внутреннего содержания и раскрывающего значение существительного *former*, в русском языке в соответствии с требованиями норм официально-делового стиля также добавляется лексически ослабленное отглагольное существительное *оказание*, благодаря чему семантика конструкции кажется более конкретной, хотя на практике эта конкретность мнимая – что еще можно сделать с помощью, как не оказать ее (или предоставить и т. п.)?

б. Включение в структуру русской фразы широкозначных существительных (область, сфера, вопрос и т. п.)

Ex.4. ...ömsesidigt bistånd ***vid*** bekämpning av vissa fiskala brott – взаимная помощь ***в области*** борьбы с нарушениями налогового законодательства.

В шведском используется сочетание двух существительных с предлогом *vid* с условно-темпоральным значением (*зд.* = в случае, при), в русском – за счет включения в конструкцию частично десемантизированного сочетания «в области» (*вм.* непроизводного предлога ***в*** – *ср.* «помощь в борьбе с нарушениями») – несогласованное определение ***в области*** *борьбы с нарушениями налогового законодательства* приобретает ослабленную локативную семантику.

Ex 5. ...de fiskala brott ***som omfattas av*** detta avtal – … налоговые правонарушения и преступления, ***относящиеся к сфере действия*** настоящего Соглашения.

Шведскому определительному придаточному с союзом *som,* сказуемым, выраженным глаголом в пассивной форме на ***-s*** и агенсом, выраженным сочетанием абстрактного существительного *avtal* (договор) с предлогом ***av*** (= *которые охватываются этим Соглашением), в русском соответствует причастный оборот, в который включены слова «к сфере действия» с частично ослабленным лексическим значением.

При таком употреблении слова «область» и «сфера» «обладают чрезвычайно широкой и весьма неопределенной сферой референции, вследствие чего их лексическое значение лишено четко выраженных очертаний и характеризуется расплывчатостью, размытостью содержания», в результате чего «круг предметов и явлений», обозначаемых ими, «может быть практически не ограничен никакими рамками» [Панкина 2013].

в. Включение в структуру русской фразы (отглагольных) прилагательных и причастий

Ex. 6. anvisningar ***för*** tolkning och användning av materialet… – сведения, ***необходимые для*** толкования и использования этих материалов…

Вместо шведской конструкции с простым непроизводным предлогом ***för*** (*рус.* для), выражающим целевые отношения, в русском тексте используется обособленное определение, в состав которого наряду с субстантивным словосочетанием со значением цели (***для*** *толкования и использования*) включается прилагательное *необходимый*, которое, даже будучи в этом контексте частично десемантизированным,

передает отношение говорящего к содержанию высказывания и привносит в конструкцию элемент модальности.

Ex. 7. Framställningar ***enligt*** detta avtal skall göras skriftligen. – Запросы, ***сделанные*** на основании настоящего Соглашения, должны представляться в письменной форме.

Шведскому субстантивному сочетанию с предлогом *enligt* (*рус. в соответствии*, *на основании*), выражающему в широком смысле казуальные отношения – указывается, какой документ является причиной (основанием) запроса (**запросы на основании данного Соглашения*), в русском тексте соответствует причастный оборот. Предложное сочетание ***enligt*** *detta avtal* является несогласованным определением к существительному *framställningar*. Кстати, по-русски тоже можно сказать «В соответствии с данным Соглашением, запросы должны представляться в письменной форме». В этом случае запросы будут восприниматься как имманентная часть Соглашения, и новой станет только информация о том, что они должны представляться в письменной форме. Что же касается существующей ныне формулировки, то она, во-первых, сообщает о возможности представления запросов в рамках Соглашения и, во-вторых, определяет их форму (письменно). Последний вариант более точно передает смысл шведской фразы, которая в противном случае имела бы другой порядок слов:

Enligt detta avtal skall framställningar göras skriftligt.

Здесь мы имеем дело с интересным феноменом, являющимся, пожалуй, одним из самых характерных признаков русского официально-делового стиля. На первый взгляд, включение в состав русских оборотов абстрактных существительных (с предлогом или без), а также причастий и прилагательных, внешне служит уточнению отношений между компонентами словосочетания, однако в действительности это не так, поскольку эти слова, изначально имеющие широкую семантику, в составе конструкций такого типа, как правило, дополнительно подвергаются полной или частичной десемантизации [Давыдова 1987, с. 164], в результате чего сами эти обороты превращаются в канцелярские клише. Это свидетельствует о тесной связи грамматических и лексических маркеров функционального стиля. Определенные грамматические модели ассоциируются с официально-деловым стилем и тиражируются, «перекочевывая» из текста в текст.

2. Использование речевых штампов (клише)

а. Нейтральное слово в шведском – стилистически маркированное слово / словосочетание в русском

Ранее говорилось о том, что в русском и шведском языках официально-делового общения присутствует большое количество канцелярских клише. Однако доля этих слов и выражений в шведском языке значительно ниже, поскольку здесь последовательно прослеживается тенденция сближения языка документов с единой литературной книжно-письменной нормой. В целом можно сказать, что русский текст отличается от шведского большим многословием за счет преобладания специфически канцелярских оборотов, нередко состоящих из двух и более слов [Родоман 2009; Матыцина 2019, с. 49]. Анализ примеров позволил выделить следующие случаи:

- Шведскому глаголу в русском тексте соответствует глагольно-именное сочетание:

  Ex.8. …skadar (*букв*. 'вредят') – наносят ущерб

  Ex.9. strida mot suveränitet (*букв*. *'бороться с суверенитетом') – нанести ущерб суверенитету

- Шведскому существительному в русском тексте соответствует распространенное именное сочетание:

  Ex.10. ...fakta som de har inhämtat ***i tjänsten*** – факты, выявленные ими ***в ходе исполнения*** своих ***служебных обязанностей***

В шведском тексте использовано сочетание *i tjänsten* (= *букв*. 'на службе'). Ему соответствует русское словосочетание *в ходе исполнения своих служебных обязанностей*, которое включает в себя цепочку генитивов абстрактных имен существительных с относящимися к ним определениями. Абстрактные существительные, входящие в состав таких конструкций, нередко имеют ослабленную семантику (в ходе исполнения = во время и т. д.), однако за счет словообразовательной связи с глаголами являются средством выражения свернутой предикативности.

- Шведскому существительному в русском тексте соответствует глагольно-именное сочетание:

  Ex.11. upplyssningar… ska ***vara konfidentiella*** – информация … носит конфиденциальный характер

В шведском предложении употреблено составное именное сказуемое с модальным глаголом *ska vara konfidentiella* (*букв*. 'должны быть конфиденциальными'). В русском ему соответствует глагольно-именное сочетание *носит конфиденциальный характер.* Выражения со словом *характер* в значении «особенность, сущность чего-либо» очень типичны для официально-деловой речи (международный характер, характер организации и т. п.). Существительные *ход*, *характер*, встретившиеся в составе рассмотренных оборотов, являются примерами употребления широкозначных слов, подобно рассмотренным выше в п.1 б) существительным «область» и «сфера».

- Шведскому нейтральному слову в русском тексте соответствует канцеляризм

Ex.12 om … det begärda biståndet … skulle ***innebära en kränkning*** av … kommersiell hemlighet… – в случае если … запрашиваемая помощь может … ***повлечь*** нарушение законодательства о … коммерческой тайне

В шведской конструкции употреблено нейтральное слово *innebära* (*означать*), которому в русском тексте соответствует канцеляризм *повлечь*.

- Шведскому наречию в русском тексте соответствует распространенное словосочетание:

Ex.13. …den kan vägra att lämna sådant bistånd, lämna det ***delvis***... – он может отказать в помощи, либо оказать ее ***не в полном объёме***

Шведское наречие *delvis* (*частично*) передается на русский язык словосочетанием *не в полном объеме* (отрицание + предлог + Adj + Subst). Есть, однако, и прямо противоположные случаи, когда шведский вариант является стилистически маркированным, а русский – нейтральным.

б. Стилистически маркированное слово / словосочетание в шведском – нейтральное слово в русском

Ex.14. de ska ***åtnjuta*** det skydd som ges… – (информация) ***пользуется*** такой же защитой, какими пользуются…

Шведский глагол *åtnjuta* имеет синоним *få* (= *получать*), который используется в нейтральном и разговорном стиле. Глагол *åtnjuta*

имеет ярко выраженную книжную окраску. В русском тексте ему соответствует нейтральный глагол *пользоваться.*

Ex. 15. Åtgärder i säkerhetssyfte påverkas inte ***därav***. – ***При этом*** не должны быть нарушены необходимые меры предосторожности.

Сложные наречия типа *därav* являются результатом сложения наречия и предлога: *där* + *av* (*букв.* 'из этого') и являются принадлежностью книжного стиля. В разговорном стиле наречию *därav* соответствует сочетание личного местоимения с предлогом (*av det*). В русском варианте текста используется сочетание местоимения с предлогом *при этом.*

в. Клише в шведском тексте – клише в русском тексте

Гораздо чаще встречаются случаи, когда и в русском, и в шведском текстах используются маркированные слова и обороты, являющиеся принадлежностью высокого / формального / канцелярского стиля.

Ex. 16. Om den ena avtalsslutande partens behöriga myndighet tror att upplyssningar som den ***förfogar över är av intresse*** för den andra avtalsslutande partens behöriga myndighet… – Если Компетентный орган одной договаривающейся Стороны считает, что информация, которой он ***располагает***, ***представляет интерес*** для компетентного органа другой Договаривающейся Стороны…

Ex. 17. Dessa uppgifter ska … ***vara av relevans för …*** – *... информация должна ...* ***иметь значение*** (ср. нейтр. *vara relevant*)

Глагол *förfoga över* (*располагать чем-л.*) и глагольно-именные сочетания *att vara av intresse* (*представлять интерес, att vara av relevans* (*för*)) имеют нейтральные синонимы: глаголы *ha* / *få* (*иметь* / *получать*) и прилагательные *intressant* (*интересный*) и *relevant* (*релевантный*). Выбор в пользу стилистически маркированной лексики объясняется высокой степенью клишированности юридических текстов.

Приведем еще примеры стилистически окрашенных выражений, имеющих синонимы в нейтральном стиле:

Ex. 18. göra en framställan (ср. *нейтр*. ansöka, be om information) – … направлять запрос (*нейтр*. обращаться)

utan dröjsmål (ср. *нейтр.* genast, direkt, omedelbart)	незамедлительно (*нейтр*. срочно)
underrätta (ср. *нейтр.* meddela)	уведомлять (*нейтр*. оповещать, сообщать)
träda i kraft (ср. *нейтр*.börja gälla)	вступать в силу (*нейтр*. начинать действовать)
upphör att gälla (ср. *нейтр*. sluta gälla)	утратить силу (*нейтр*. перестать действовать)
i fall (ср. *нейтр*. om)	в случае (ср. *нейтр*. если)
skriftligen (ср. *нейтр.* skriftligt)	путем письменного уведомления, в письменной форме (*нейтр*. письменно)
i enlighet med (ср. *нейтр*. enligt)	в соответствии с (ср. *нейтр*. по (мнению, решению))

Наряду с конструкциями, имеющими нейтральные синонимы, в официально-деловых текстах употребляется целый ряд клишированных формулировок, свойственных именно данному стилю и имеющих специфическое содержание и функцию:

Ex. 19. på diplomatisk väg – по дипломатическим каналам.

Ex. 20. göra som om den handlade ***för egen räkning*** – как если бы он действовал ***от своего собственного имени***.

Ex. 21. dessa uppgifter ska… ***ligga inom dess behörighet*** – информация должна … ***относиться к его компетенции***.

Ex. 22. den kan vägra ***att lämna*** sådant ***bistånd*** … eller ***göra*** det ***med vissa villkor eller förbehåll*** – он может отказать в помощи … либо ***оказать*** ее ***при соблюдении определенных условий или требований***.

Ex. 23. …***får vidta åtgärder för*** att N och N skall kunna stå i direkt förbindelse med varandra – …могут ***предусмотреть установление*** прямых каналов связи между N и N.

Не совсем точное соответствие, так как шведскому клише *vidta åtgärder för – принять меры для* (*того, чтобы N и N могли находиться в непосредственной связи друг с другом*) в русском варианте

договора соответствует глагол *предусмотреть*. Можно предположить, что здесь он употреблен не в своем основном значении *учесть*, *предвидеть*, а как синоним глаголов *спланировать*, *организовать*. Это становится возможным благодаря тому, что и в шведском, и в русском высказываниях использованы слова с широким недифференцированным значением.

И, конечно, в тексте документа всегда присутствуют формульные конструкции, которые являются его обязательным компонентом. Их наличие и специфика определяются типом и жанром конкретного текста. В частности, в Соглашении такими формулами являются вступление и заключение документа:

> Konungariket Sveriges regering och Ryska Federationens regering, ***nedan kallade de avtalsslutande parterna, som beaktar att*** brott mot tullagstiftningen liksom mot skattelagstiftningen skadar ***deras respective länders*** ekonomiska intressen <...> ***har kommit överens om följande***... – Правительство Российской Федерации и Правительство Королевства Швеция, ***именуемые в дальнейшем Договаривающимися Сторонами, исходя из того, что*** нарушения таможенного и налогового законодательства ***наносят ущерб*** экономическим интересам их государств <...> ***согласились о нижеследующем***...
>
> ***Till bekräftelse härpå*** har ***undertecknade, därtill vederbörligen befullmäktigade***, undertecknat detta avtal. – ***В удостоверение чего, мы, нижеподписавшиеся, будучи должным образом уполномоченными на это***, подписали настоящее Соглашение.

Как видно из примеров, формульные фразы объединяют в себе грамматические и лексические характеристики, отличающие их от нейтрального стиля. Сложный синтаксис, цепочки определений, выраженных причастными конструкциями и придаточными предложениями, в шведском языке и наличие вставных конструкций и причастных оборотов в русском, отличают грамматику этих фраз. Что же касается лексики, то здесь в обоих языках активно употребляются клишированные выражения, которые служат «кирпичиками», облегчающими работу составителей таких текстов, и гарантирующими стандартизацию и унификацию формулировок.

Таким образом, анализ материала свидетельствует о ярко выраженной стилистической маркированности юридических текстов как в шведском, так и в русском языке. Эта маркированность находит

выражение и на грамматическом, и на лексическом уровне и проявляется в использовании большого количества специальных «канцелярских» слов даже в тех случаях, когда в языке есть нейтральный синоним для обозначения данного понятия или явления. Разница между русским и шведским текстами Соглашения является, скорее, не качественной, а количественной и заключается в том, что для шведского текста более характерна либо реализация полных предикаций (Ex. 5), либо их отсутствие и передача отношений между объектами при помощи предлогов широкой семантики (Ex. 1–4, 6, 7). Это явление напрямую связано с тенденцией к глагольной ориентированности официально-деловых текстов в шведском языке [Матыцина 2012, с. 131]. Шведские фразы отличаются от своих русских соответствий гораздо более частой экспликацией свернутого действия, которая приближает компонентный состав высказывания к его глубинной структуре [Зубанова 1996; Ермолович 2016, с. 538–539]:

> ***Выполнение*** такого запроса осуществляется ***на усмотрение*** запрашиваемого органа. – I sådant fall skall den anmodade myndigheten ***ha handlingsfrihet*** att bestämma om den ***skall bifalla*** framställningen (*букв.* «запрашиваемый орган имеет свободу действий решать, будет ли он выполнять запрос»).

Данная особенность является, в первую очередь, результатом планомерной языковой «политики доступного языка», существующей в Швеции с 80-х гг. XX в. и имеющей своей целью сближение языка официально-делового общения и общелитературной нормы [Ehrenberg-Sundin 1999; Матыцина 2020, с. 174]. Конкретным проявлением этой деятельности является последовательное сокращение числа канцелярских клише и избавление от цепочек существительных («субстантивной болезни» – substantivsjukan) [Матыцина 2019, с. 54], к которому постоянно призывает Шведский языковой совет и его эксперты [Матыцина 2003; Чекалина 2019].

Русский текст Соглашения отражает свойственную русскому языку официально-делового общения избыточность и тавтологичность в передаче содержания, которая приводит к использованию формальных и смысловых повторов [Ермолович 2016, с. 351]. Конструкции с отглагольными существительными являются «визитной карточкой» данного функционального стиля и своего рода лексико-

грамматическим клише, которое выступает в качестве маркера данного стиля. Другие – лексические – клише также широко употребительны. Эта черта языка официально-делового общения восходит к тому периоду истории возникновения русского литературного языка, когда формульность и дистанцированность от нейтрального и разговорного языка были непременным качеством текста, посвященного обсуждению общественно важных вопросов [Матыцина 2020].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бородина Д.С. Языковая ситуация и языковая политика в Швеции // Научный диалог. 2018. No 2. С. 25–37. URL: https://docplayer.ru/82051030-Yazykovaya-situaciya-i-yazykovaya-politika-v-shvecii.html (accessed 26.03.21) [Borodina, D. S. (2018). Yazykovaya situaciya i yazykovaya polotika v Shvecii. (Language situation and language policy in Sweden). Nauchnyy dialog. 2, 25–37. (In Russ.)].

Давыдова Г. Б. Функциональный анализ конструкций с широкозначными словами в современном английском языке // Вопросы системной организации речи. М.: МГУ, 1987. С. 154–171. [Davydova, G. B. (1987). Funccionalniy analiz konstukcij s shirokoznachnymy slovami v sovremennom anglijskom yazyke (Functional analysis of constructions with broad-valued words in modern English). Questions of the systemic organization of speech (pp. 154–171). Moscow: MGU. (In Russ.)].

Ермолович Д. И. Русско-английский перевод. Москва: Auditoria, 2016. [Ermolovich, D. I. (2016). Russko-angliyskiy perevod. (Russian-English translation). Moscow: Auditoria. (In Russ.)].

Зубанова И. В. Некоторые содержательные и методические вопросы учебного курса последовательного перевода // Актуальные проблемы преподавания перевода и иностранных языков в лингвистическом вузе: сб. науч. тр. МГЛУ. 1996. Вып. 42. С. 15–23. [Zubanova, I. V. (1996). Nekotorye soderzhatelnye i metodicheskiye voprosy uchebnogo kursa posledovatelnogo perevoda (Some substantive and methodological issues of the training course of consecutive translation). Actual problems of teaching translation and foreign languages in a linguistic university, 42, 15–23. (In Russ.)].

Матыцина И. В. Доступный язык (Klarspåk) – нестареющий тренд шведской языковой политики // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 5 (834). 2020. С. 170–181. [Matytsina, I. V. (2020). Klarspåk – an ageless trend in Swedish language policy. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 5 (834), 167–179. (In Russ.)].

Матыцина И. В. Роль делового языка в развитии и становлении русского литературного языка в XVI–XVIII вв. (по материалам отечественных

исследований) // Сборник научных статей к юбилею Е. Р. Сквайрс / отв. ред. Т. А. Михайлова. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 136–152. [Matytsina, I. V. (2020). Rol' delovogo yazyka v razvitii i stanovlenii russkogo literaturnogo yazyka v XVI–XVIII v.v. (po materialam otechestvennych issledovanij) (The role of the language in the development and formation of the Russian literary language in the 16th–18th centuries (based on the materials of domestic research)). Sbornik nauchnych statej k jubileyu E. R. Skvayrs (pp. 136–152). Moscow: MAKS Press. (In Russ.)].

Матыцина И. В. Шведский язык официально-делового общения в новое и новейшее время // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2020. Т. 162, кн. 5. С. 210–223. [Matytsina, I. V. (2020). Shvedskiy yazyk oficialno-delovvogo obshcheniya v novoye i novejsheye vremya. (The Swedish language of official business communication in new and modern times). Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarye Nauki, 162(5), 210–223. (In Russ.)].

Матыцина И. В. Основные закономерности перевода текстов официально-делового стиля со шведского языка на русский и с русского на шведский // Скандинавская филология: Межвуз. сб. СПб., 2012. Вып. XII. С. 130–138. [Matytsina, I. V. (2012). Osnovnye zakonomernosti perevoda tekstov oficialno-delovogo stil'a so shvedskogo yazyka na russkiy i s russkogo na shvedskiy (The main patterns of translation of texts of the official business style from Swedish into Russian and from Russian into Swedish. Skandinavskaya filologiya, XII, 130–138. St. Petersburg. (In Russ.)].

Матыцина И. В. Трансформации как средство переключения языкового кода // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2019. Т. 161, кн. 5–6. С. 47–57. (Matytsina, I. V. (2019). Transformacii kak sredstvo perekljucheniya yazykovogo koda. (Transformations as a means of switching language code).Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarye Nauki, 161(5–6), 47–57. (In Russ.)].

Матыцина И. В. Шведский язык сегодня и завтра (по материалам отчета государственной экспертной комиссии) // Скандинавская филология: Сб. ст. к 100-летию со дня рожд. М. И. Стеблин-Каменского. СПб.: Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2003. С. 150–161. [Matytsina, I. V. (2003). Shvedskiy yazyk segodn'a i zavtra (po materialam otcheta gosudarstvennoy expertnoy komissii). (The Swedish language today and tomorrow (based on the report of the state expert commission) (pp. 150–161). St. Petersburg: St. Petersburg State University. (In Russ.)].

Панкина М. Ф. Широкозначность и полисемия // Научный вестник Воронежского государственного университета. 2013. № 10. [Pankina, M. F. (2013). Significance and polysemy. Nauchnyj vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel''nogo universiteta. Serija: lingvistika

i mezhkul''turnaja kommunikacija (URL: https://cyberleninka.ru/article/n/shirokoznachnost-i-polisemiya (Accessed 26.03.21).

Родоман Н. В. Английский для магистрантов. Курс политического перевода: лексический аспект. М.: МГИМО, 2009. 312 с. [Rodoman, N. V. (2009). Anglijskiy dl'a magistrantov. Kurs politicheskogo perevoda: leksicheskiy aspekt (English for Master's students. Course of political translation: lexical aspect). Moscow: MGIMO, 2009. (In Russ.)].

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Швеция о взаимной помощи в области борьбы с нарушениями налогового законодательства (ННЗ) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. [Soglasheniye mezhdu Pravitel'stvom Rossijskoy Federacii i Pravitel'stvom Korolevstva Shveciya o vzaimnoy pomoshchi v oblasti bor'by s narusheniyami nalogovogo zakonodatel'stva (Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Kingdom of Sweden on mutual assistance in the field of combating violations of tax legislation)]. URL: http://docs.cntd.ru/document/901722918 (accessed 25.03.21).

Чекалина Е. М. Особенности языковой ситуации и языковая политика в современной Швеции // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. Москва: Изд-во Моск. ун-та. № 6. 2019. С. 9–22. (Tchekalina, E. M. (2019). Osobennosti yazykovoy situacii i yazykovaya politika v sovremennoy Shvecii (The language situation and language policy in modern Sweden). Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya, 6, 9–22. (In Russ.)].

Avtal mellan konungariket Sveriges regering och Ryska federationens regering om ömsesidigt bistånd vid bekämpning av vissa fiskala brott (AvF). URL: https://www.regeringen.se/49c84d/contentassets/67970960b59640e0a7801bbbbfc55c6f/avtal-med-ryska-federationen-om-omsesidigt-bistand-vid-bekampning-av-vissa-fiskala-brott, свободный (accessed 25.03.21).

Ehrenberg-Sundin B. Klarspråksarbetet i Sverige // Klart språk i Norden, 1999. URL: http://ojs.statsbiblioteket.dk/index.php/ksn/article/viewFile/18303/15960 (accessed 20.06.19).

Mål i mun. Förslag till handlingsprogram för svenska språket//SOU 2002:27. URL: http://regina.kb.se/sou/ (accessed 20.06.19) (Заключение правительственной экспертной комиссии по нормированию и поддержке шведского языка).

Wellander E. Kommittésvenska – en undersökning och ett försök till riktlinjer// SOU 1950:26. URL: http://regina.kb.se/sou/ (accessed 20.06.19).

Wollin L. Munklatin och riddarsvenska // Svenskan i tusen år, red. Moberg L., Westman M. Stockholm: Norstedts Akademiska forlag, 2005. S. 11–31.

УДК 811.134.3 **DOI 10.52070/2542-2197_2021_5_847_118**

В. А. Махортова, К. К. Нечаева

Махортова В. А., аспирант и преподаватель
кафедры португальского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
varvara2504@mail.ru

Нечаева К. К., кандидат филологических наук, доцент,
и. о. зав. кафедрой португальского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
nechaeva.ksk@mail.ru

РОЛЬ ЗРИТЕЛЬНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА СОФИИ ДЕ МЕЛЛО

Статья посвящена изучению зрительной модальности в поэтической картине мира (ПКМ) португальской поэтессы Софии де Мелло. Результаты исследования, проведенного с применением комплексной методики (методов количественного, семантического анализа и когнитивного моделирования), указывают на то, что зрительная модальность играет значимую роль в ПКМ автора, так как способствует репрезентации мира в единстве и многообразии, служит для ориентации лирического «Я» в пространстве и ведет к познанию действительности.

Ключевые слова: поэтическая картина мира (ПКМ); португальская литература; София де Мелло; зрительная модальность; когнитивная лингвистика.

V. A. Makhortova, K. K. Nechaeva

Makhortova V. A., PhD Student, Lecturer
of the Portuguese Language Department,
Faculty of Translation and Interpreting,
Moscow State Linguistic University
varvara2504@mail.ru

Nechaeva K. K., PhD (Philology), Associate Professor,
Acting Head of the Portuguese Language Department,
Faculty of Translation and Interpreting,
Moscow State Linguistic University
nechaeva.ksk@mail.ru

THE ROLE OF THE VISUAL MODALITY IN THE POETIC PICTURE OF THE WORLD OF SOPHIA DE MELLO

The article is devoted to the analysis of visual modality in the poetic picture of the world of the Portuguese poet Sophia de Mello. The main methods of the study are

CC BY

quantitative and semantic analysis, as well as cognitive modeling. The results of the study indicate that the visual modality plays a significant role in the author's poetic picture of the world, since it contributes to the representation of the world in unity and diversity, serves for space orientation and leads to better knowledge of reality.

Key words: poetic view of the world; Portuguese literature; Sophia de Mello; visual modality; cognitive linguistics.

Введение

София де Мелло Брейнер Андресен по праву считается классиком португальской литературы XX в. Поэзия автора привлекает читателя реалистичной образностью, лаконичностью выражения и глубиной мысли, а также сочетанием эстетической и этической сторон. Всё творчество поэтессы неразрывно связано с действительностью, причем, как пишет один из крупнейших исследователей поэзии Софии де Мелло К. Сейа, одной из констант авторского художественного метода является «восприимчивость к окружающему миру и намеренный отказ от погружения во внутренний мир» [Ceia 1996, с. 19]. Экстраспективный характер своего творчества София де Мелло неоднократно подчеркивала в интервью, эссе и метапоэтических текстах. В частности, говоря о начале творческого пути, София де Мелло вспоминает, что написала первое стихотворение «весенней ночью, необыкновенной ночью, когда дул восточный ветер, такой свежий, как в июне», а в саду «цвели красные розы» [Андресен 2019, с. 8]. Именно взаимодействие с окружающим миром, в данном случае – восприятие природы, для португальской поэтессы стало основным источником вдохновения.

По мнению португальских и бразильских литературных критиков и филологов, всю поэзию Софии де Мелло можно охарактеризовать как созерцание, видение или взгляд на мир [Sena 1959; Lourenço 1987; Bonafim Felizardo 2012; Nunes de Almeida 2014 и др.]. Разделяя это мнение, мы полагаем, что в творчестве Софии де Мелло идея созерцания получает развитие в двух аспектах. С одной стороны, созерцание предстает как собственно видение (и шире – чувственное восприятие действительности), а с другой – как познавательная деятельность[1]. *Цель* нашей статьи состоит в изучении созерцания-видения в контек-

[1] Подобная двухаспектность созерцания соответствует его философской трактовке (см., например: Философский энциклопедический словарь / ред. Губский и др. М.: Инфра-М, 2009).

сте творчества Софии де Мелло, а также в определении роли зрительной модальности в поэтической картине мира (далее – ПКМ)[1] автора. Исследование проведено на *материале* стихотворений, включенных в сборник «Obra Poética» («Собрание сочинений», 2015), и выполнено с применением комплексной методики, объединяющей количественный метод, методы контекстуального, семантического и стилистического анализа, а также метод когнитивного моделирования.

Зрительная модальность в ПКМ Софии де Мелло: общая характеристика

Для того чтобы дать общую характеристику зрительной модальности в ПКМ Софии де Мелло, обратимся к анализу лексико-семантического поля (далее – ЛСП)[2] «видение», представленного в поэзии автора. К ядру данного поля относится глагол *ver* («видеть»), используемый для обозначения способности и процесса зрения, а также имеющий ряд коннотативных значений. В поэзии автора глагол «ver» используется в 33 грамматических формах, всего в 123 контекстах. Преобладают формы простого прошедшего законченного времени (Pretérito perfeito simples, 62 контекста) и настоящего времени (Presente, 25 контекстов) изъявительного наклонения. Формы простого прошедшего законченного времени служат для выражения опыта лирического героя. Например:

Vi um jardim (*Jardim do mar*);
Vi o mar refletido no seu primeiro espelho (*Ingrina*);
Viu as ilhas azuis do mar azul (*Oriente*)[3].

[1] Индивидуально-авторскую поэтическую картину мира мы определяем как ментальное отражение и преобразование объективной действительности, преломленной через призму творческого сознания автора.

[2] Мы придерживаемся следующего определения лексико-семантического поля (ЛСП): «Совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [Кузнецов 1990, с. 380], а также, вслед за В. В. Рожковым, полагаем, что ЛСП является главной формой репрезентации когнитивных структур (см.: *Рожков В. В.* Метафорическая художественная картина мира А. и Б. Стругацких (на материале романа «Трудно быть богом»): автореф. дис. … канд. наук. Новосибирск, 2007).

[3] Здесь и далее цитаты приведены по изданию: *Andresen S. de M. B*. Obra poética. Porto: Assírio & Alvim, 2015.

Использование глагола *ver* в настоящем времени создает эффект присутствия, позволяя «расположить» наблюдаемые предметы не только перед глазами лирического героя, но и перед глазами читателя. Например:

Vejo a [*прим. авт. – cidade*] melhor porque a digo (*Lisboa*).

К ядру ЛСП «ви́дение» мы также относим существительное *olho* («глаз») и *olhar* («взгляд»), зафиксированные в 78 и 43 контекстах соответственно. Положительно автором оценивается открытый, внимательный, проницательный взгляд:

Aberto o seu olhar e posto sobre o mundo (*Pescador*);
olhos de coruja (*Vieira da Silva*).

Ему противопоставлен тусклый, блуждающий, взгляд, оцениваемый отрицательно: «Olhos vagos e ausentes» (*Navio Naufragado*). Значимо также противопоставление «olhos abertos – fechados» («открытые – закрытые глаза»). Как и открытый взгляд, открытые глаза получают положительную оценку:

«De olhos abertos, inteiramente acordada» (Minotauro).

Примечательно сравнение, а также само упоминание лодок, на носовой части которых изображены глаза:

Os olhos muito abertos como os olhos de barcos (*Landgrave ou Maria Helena Vieira da Silva*).

К этому артефакту, существующему в Португалии, София де Мелло обращается в четырех стихотворениях и в комментарии к циклу «Navegações» («Плавания»), что говорит о значимости репрезентации данного объекта в ПКМ автора. В поэзии Софии де Мелло глаза, изображенные на лодках как оберег, становятся метафорой взгляда, устремленного к новому и неизведанному. Закрытые глаза ассоциативно связаны со следующими моментами:

– контекстами сна, смерти:

  Um homem de olhos fechados procurando
  Dentro de si memória do seu nome (*Náufrago Acordado*);

– утратой иллюзий:

  E eu fecho os olhos para não te ver (*Meditação do Duque de Gandia*);

– страхом:

Onde o medo impera
As portas se fecham
Os olhos se fecham (*Cantar*).

К промежуточной зоне ЛСП «ви́дение» относится прилагательное «visível» («зримый», 16 словоупотреблений). Характерны следующие примеры, отражающие стремление лирического героя охватить весь мир единым взглядом, рассмотреть его во всей полноте:

ao mais extremo limite do visível (*Cigarras*);
o visível se vê até o fim (*Caminho da Manhã*).

В эту же зону ЛСП входит глагол *olhar* («смотреть»), также использованный в 16 контекстах. В частности:

Ao olhar sem fim o sucessivo inchar e desabar da vaga (*Foi no mar que apreendi*);
Nada me resta senão olhar de frente (*Carta aos amigos mortos*).

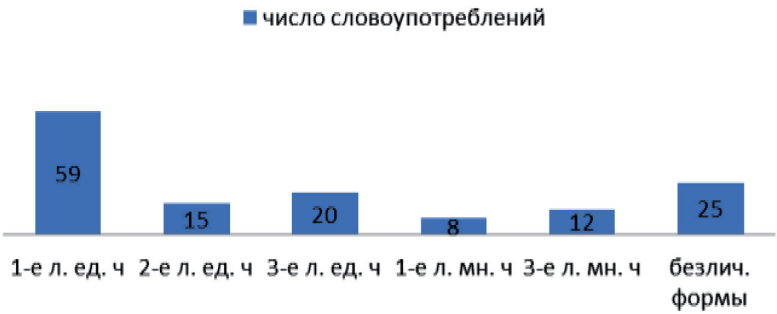
Глаголы, передающие оттенки зрительного восприятия: *contemplar* («созерцать», 4), «avistar» («замечать», 3), «mirar» («рассматривать», 1) – могут быть отнесены к периферии ЛСП «видение». Они используются реже, чем базовые глаголы *ver* и *olhar*, что, на наш взгляд, отражает свойственное Софии де Мелло стремление к простоте и «прозрачности языка» [Prado Coelho 1980, с. 20]. Обозначение самой зрительной модальности «visão» («ви́дение», 3) и прилагательное *visual* («зрительный», 3) мы также относим к периферии ЛСП в силу их низкой частотности и менее значительного ассоциативного потенциала. Дав общую характеристику зрительной модальности как элемента ПКМ Софии де Мелло, обратимся к анализу главных субъектов созерцания-видения, представленных в лирике автора.

Субъекты видения в ПКМ Софии де Мелло

В качестве основного субъекта созерцания-видения в ПКМ Софии де Мелло выступает лирическое «Я», на что указывает частотность формы первого лица единственного числа базовых глаголов зрительного восприятия «ver» и «olhar» (см. диаграмму 1).

Вместе с тем преобладание зрительной перспективы лирического «Я» не означает повышенной субъективности. Напротив, особенность

Диаграмма 1



Глаголы *ver* и *olhar* в лирике Софии де Мелло

творчества Софии де Мелло состоит в непредвзятости повествования. Свою позицию автор выражает, в частности, в пятом эссе из цикла «Искусство Поэзии»: «не бывает поэзии без тишины, без пустоты, *без отсутствия себя*[1]» [Андресен 2019, с. 259], а также в следующих строках, непосредственно связанных со зрительной модальностью:

> O meu olhar tornou-se liso como o vidro. Sirvo para que as coisas se vejam (*As Grutas*).

Иными словами, взгляд поэта становится отражением мира. Всё это позволяет нам охарактеризовать художественный метод Софии де Мелло как метод объективного «наблюдателя» по классификации Д. С. Овсяннико-Куликовского [Овсяннико-Куликовский 1989, с. 83]. В поле зрения лирического «Я», выступающего в роли наблюдателя, находятся элементы природного мира, человек, а также артефакты. Зрительное восприятие природы становится отправной точкой для постижения красоты мира: «A meticulosa beleza do real» (*A Hera*), в то время как видение пороков общества представляет собой первый шаг к их осмыслению и протесту против них. Как пишет автор, «тот, кто видит поразительное великолепие мира, естественно увидит и поразительное страдание мира» [Андресен 2019, с. 254].

Отдельного внимания при рассмотрении лирического «Я» как наблюдателя заслуживает метафора «плавать / нырять с открытыми

[1] Курсив наш. – *В. М., К. Н.*

глазами», к которой София де Мелло обращается в нескольких стихотворениях разных лет:

Abro bem os olhos no silêncio líquido e verde (*As Grutas*).
Nadei de olhos abertos (*Delphica, IV*).
Porque pertenço à raça daqueles que mergulham de olhos abertos (*Minotauro*).

Во всех контекстах данная метафора объединяет в себе прямое и переносное значение. С одной стороны, обозначает непосредственные физические действия: погружение в воду, движение в воде, наблюдение морских глубин. С другой стороны, предполагает созерцание-познание действительности (ср. «aprofundar a pesquisa», «aprofundar-se no estudo» [Caldas Aulete URL]), что позволяет рассматривать данную авторскую метафору как развитие глубинной когнитивной метафоры «понимание – это ви́дение» [Лакофф, Джонсон 2004, с. 136].

Методу объективного наблюдения соответствует также использование безличных форм и возвратного глагола *ver-se* («видеться»). Как правило, данные формы сочетаются с существительными, обозначающими природные объекты: «O mar se vê no seu primeiro espelho» (*São Francisco de Assis*); «vê-se o rio» (*Como esquecida voz*), реже – с абстрактными существительными: «ver a verdade» (*Para atravessar contigo o deserto do mundo*), «o mal não se via» (*Elsinore*). В последнем случае глаголы зрительной модальности предполагают не только непосредственное визуальное восприятие предметов, но их познание и оценку. К безличным конструкциям близки сочетания, в которых субъектом при глаголе *ver* являются глаза:

Aparição do mundo: a terra escorre
Pelos olhos que a vêem revelada (*Navegação*).

Os olhos viram verdadeiramente
O doce azul de Oriente e de safiras (*As Navegações, IV*).

Идеальный наблюдатель в поэзии Софии де Мелло – мореплаватель, чей взгляд автор описывает следующим образом:

Olho do piloto fito
No real
Atento
A rota nunca recta (*Olhos*).

Мореплаватели эпохи великих географических открытий в творчестве автора предстают как искатели истины, чья цель – познать прежде неведомый мир, раскрыть его тайны и передать другим полученные знания. Примечательно следующее стихотворение из упомянутого нами цикла «Плавания»:

VIII

Vi as águas os cabos vi as ilhas
E o longo baloiçar dos coqueirais
Vi lagunas azuis como safiras
Rápidas aves furtivos animais
Vi prodígios espantos maravilhas
Vi homens nus bailando nos areais
E ouvi o fundo som de suas falas
Que já nenhum de nós entendeu mais…

VIII

Я видел волны, мысы, ширь небес,
И острова, и пальм большие листья,
Лагуны, где разлит сапфиров блеск,
Зверей проворных, птиц пугливых, быстрых –
Все чудеса я видел из чудес.
Людей я видел, танцевавших на песке,
И слышал я гортанный их язык,
Которого никто из нас не знал[1]...

Ключевую роль в стихотворении играет лексический повтор глагола *vi* («видел»), необходимый для перечисления всего, что открылось взгляду моряка. При этом использование формы первого лица единственного числа придает стихотворению тон рассказа из первых уст. В других контекстах зрительная перспектива моряка передана от лица коллективного субъекта «мы»: «Vimos a veemência do visível» (*Navegações, V*) или от третьего лица: «Aqui viu o surgir em flor das ilhas» (*Navegações, IV*). Стремление к истине и познанию мира роднит моряка и поэта, чье предназначение, как полагает София де Мелло, состоит в том, чтобы «видеть и называть вещи своими именами»[2]. В каче-

[1] Перевод В. Махортовой.
[2] *Andresen S. de M. B. A.* A mulher e o amor. Letras e Artes. 24.01.1963.

стве наблюдателей в ПКМ автора выступают португальские поэты Ф. Пессоа, наделенные «alma visual» («зрячей душой»), Сезариу Верде, Руй Синатти, а также восточные поэты-мудрецы Саади и Хафиз Ширази. Противоположностью проницательного взгляда моряка и поэта являются поверхностный взгляд туриста: «O seu olhar fica baço / Com as estátuas – como por engano – / Às vezes se cruzam» (Turistas no museu) или чиновника от культуры: «O olhar toma nota e não vê» (Ativista cultural). Конфликт между обществом и творческой личностью, отраженный в стихотворении «Camões e tença», также передан через зрительную модальность: общество не только не прислушивается к великому португальскому поэту Л. де Камоэнсу, но и не замечает, не видит его («E aqueles que invocaste não te viram»). Еще одним субъектом ви́дения в ПКМ Софии де Мелло является природный мир. К предметам и явлениям природы, которые автор наделяет способностью зрения, относятся времена года («Primavera que Maio via passar», *Primavera*), небо («Os infinitos céus fitam o seu rosto / Absoluto e cego», *Soldado Morto*), река («Nos teus límpidos olhos de vidente / As paisagens se reflectem mais fundas», Rio), ветер («O vento olha-nos de esguelha / Quando passa», *Inverno*) и др. Всё это свидетельствует о значимости персонификации природы в ПКМ автора, в которой лирическое «Я» и мир представляют собой равноправные смыслообразующие центры.

Форма второго лица единственного числа глаголов зрительной модальности для лирики Софии де Мелло не характерна. Основное исключение составляют контексты, в которых обозначен Божественный взгляд: «Embora sempre soubesse que me vias» (*Senhor*), а также стихотворение «Caminho da Manhã», основанное на обращении к собеседнику, идущему по городу. Форма второго лица множественного числа («vós») не используется в силу своей архаичности.

Объекты ви́дения и их качества в ПКМ Софии де Мелло

В качестве главного объекта созерцания-видения Софией де Мелло избран природный мир, о чем свидетельствует не только анализ сочетаемости глаголов зрительной модальности (в 65 % контекстов объектами при глаголах видения в лирике автора являются обозначения предметов и явлений природы), но и особенности тематики авторского творчества в целом. Не отрицая значимость гражданской лирики

Софии де Мелло, мы разделяем мнение бразильской исследовательницы С. де Соузы Силвы, полагающей, что именно пейзаж преобладает в творчестве португальской поэтессы [Sousa Silva 2008]. А также считаем, что специфика художественного метода Софии де Мелло состоит в том, что природа в ее поэзии не служит для выражения чувств, как, например, в романтической лирике, но имеет собственную ценность и обладает способностью оказывать эстетическое воздействие на наблюдателя. Или, как удачно отмечает А. Бонафин Фелизардо, в поэзии Софии де Мелло «не пейзаж подчиняется лирическому «Я», но лирическое «Я» оказывается во власти пейзажа» [Bonafim Felizardo 2012, с. 78]. Подчеркнутая «визуальность» [Andresen 2015, с. 11] стихотворных пейзажей автора, призванных отразить великолепие природного мира, усиливается благодаря преобладанию конкретных существительных. Впервые эта особенность была отмечена Жоау Кабралом де Мело Нето, бразильским поэтом и другом Софии де Мелло [там же, с. 31], а в настоящее время является общепризнанной чертой поэзии автора (см., например: [Ceia 1996]; [Bonafim Felizardo 2012]). Наиболее многочисленны в произведениях португальской поэтессы репрезентации предметов и явлений, относящихся к морскому пространству (волны, побережье, морские животные и растения), а также к пространствам неба (небесные светила, ветер) и сада (цветы, деревья). Особенно частотны такие существительные, как «mar» (154 словоупотребления), «onda» (43), «praia» (60), «céu» (52), «Sol» (78), «Lua» (22), «estrela» (20), «jardim» (50), «flor» (55), что говорит о значимости соответствующих концептов в ПКМ автора.

Реалистичному изображению предметов действительности способствует обозначение признаков, присущих им от природы, к которым, в частности, относится цветовая характеристика, непосредственно связанная со зрительной модальностью. Типичны в поэзии Софии де Мелло такие сочетания, как «céu azul», «mar azul», «ondas brancas», «florestas verdes». Как справедливо утверждает португальский поэт и критик Луис Мигел Нава, в подобных контекстах прилагательные «служат не для украшения, но отражают опыт зрительного восприятия» [Nava 2004, с. 175], а также «не просто обозначают тот или иной цвет, но подчеркивают, что вещи именно такие, какие они есть» [там же]. Поэзия Софии де Мелло полихромна, в ней представлены наименования 11 из 12 обозначений цветов, которые носители

португальского языка признают основными. К таким обозначениям, согласно исследованию М. Коррейи и С. Барбоза, относятся «preto» («черный»), negro» (черный), «branco» (белый), «vermelho» (красный), «verde» (зеленый), «amarelo» (желтый), «azul» (синий и голубой), «castanho» (коричневый), «cinzento» (серый), «rosa» (розовый), «roxo» (лиловый), «laranja» (оранжевый) [Correia, Barbosa 2014]. В творчестве Софии де Мелло обозначения основных цветов распределены следующим образом: «branco» (116 словоупотреблений), «azul» (84), «verde» (52) , «negro» / «preto» (29/12), «vermelho» (27), «roxo» (9), «rosa» (9), «amarelo» (5), «castanho» (1). Цветообозначение «laranja» в поэзии автора не употребляется. Названия «negro» / «preto» указаны в паре, так как служат для обозначения одного цвета – черного [там же, с. 389], в словарях современного португальского языка они зафиксированы в качестве синонимов, см., например: [Priberam URL]). Преобладает в творчестве поэтессы белый цвет («branco»), который в европейской традиции имеет амбивалентное значение, символизируя не только чистоту и обновление, но и холодность, пустоту, чувство страха [Трессидер 1999, с. 23]. Как положительное, так и отрицательное символические значения белого цвета находят отражение в ПКМ Софии де Мелло, о чем свидетельствуют следующие примеры:

olha bem o branco, o puro branco (*Caminho da Manhã*);
brancos pavores (*Fundo do mar*);
vazio branco destas noites (*Depois da cinza morta destes dias*).

Эталонным носителем белого цвета для автора являются белёные известью стены, что соответствует общепортугальской семантике (ср. устойчивое выражение «branco como a cal», дословно: «белый как известь»). Голубой / синий цвет («azul») уступает белому по числу словоупотреблений, но в ассоциативном плане играет не менее значимую роль в ПКМ Софии де Мелло. Данный цвет выступает в качестве основного атрибута моря, представляющего собой один из ключевых концептов ПКМ автора. Для языка поэзии Софии де Мелло характерны такие сочетания, как «mar azul», «água azul», «oceano azul» и др. Кроме того, голубой / синий цвет является характеристикой небесного пространства: «céu azul». Замыкает тройку наиболее значимых цветообозначений зеленый цвет («verde»). В поэзии автора, как

и в европейской традиции в целом, зеленый – основной цвет природы, растительного мира [Трессидер 1999, с. 108], на что указывают такие примеры, как:

Jardim verde e em flor (*Jardim verde e em flor*);
O céu, um campo verde, duas árvores (*Ouve*).

А также цвет водной стихии, моря, океана:

livre e verde a água ondula (*No alto mar*),
um oceano de músculos verdes (*Descobrimento*).

Основные носители черного цвета – земля: «Pelo negro da terra e pelo branco do muro» (*Pátria*) и ночь: «panos pretos da noite» (*Tremoli*), «sob o negro da noite» (*Canção do amor primeiro*). В природном мире, отраженном в ПКМ Софии де Мелло, красный цвет связан с цветением роз:

O vermelho das rosas transbordava (*Jardim perdido*);
As rosas eram profundas e vermelhas (*Carta a Ruben A.*).

Кроме того, прилагательное *vermelho* используется автором в более абстрактных контекстах, в которых выступает не только как цветообозначение, но и служит для передачи высший степени проявления признака: «perfeição vermelha» (*Dionysos*) или состояния беспокойства, тревоги:

E o desconhecido cresce
Como uma flor vermelha (*Como uma flor vermelha*).

Серый цвет имеет в основном негативную оценку, ассоциируется с монотонным городским пейзажем и противопоставляется многообразию природных цветов:

Morrerá entre paredes cinzentas (*Marinheiro sem Mar*);
cinzento hostil dos quartos (*Navegações, XV*).

Другие цвета («roxo», «rosa», «amarelo», «castanho») менее представлены в творчестве автора.

Еще одним аспектом вербализации зрительного восприятия в поэзии Софии де Мелло является обозначение света. Как и море, свет («luz») входит в число ключевых концептов авторской ПКМ, о чем

свидетельствует частотность употребления имени концепта, а также многообразие лексических и метафорических средств его репрезентации. Для стихотворений автора типичны эксплицирующие данный концепт прилагательные *brilhante*, *luminoso*, *luzidio*, а также глаголы *brilhar*, *luzir*. Сам свет в ПКМ Софии де Мелло выполняет двойную функцию. С одной стороны, является необходимым условием для зрительного восприятия мира и ориентации в пространстве. Один из наиболее ярких примеров – стихотворение в прозе «Caminho da Manhã», в котором свет позволяет увидеть все зримое и указывает путь к центру города:

> E assim irás sempre em frente com a pesada mão do Sol pousada nos teus ombros, mas conduzida por uma luz levíssima e fresca.

С другой стороны, свет ассоциируется с истиной (ср. *порт*. luzes – знания, просвещение [Priberam URL]), представляющей собой цель поиска лирического героя. Например, в стихотворении «Labirinto»:

> Sozinha caminhei no labirinto
> Aproximei meu rosto do silêncio e treva
> Para buscar a luz dum dia limpo.

Специфика обозначения размера в стихах Софии де Мелло заключается в преобладании большого размера над малым. Эта тенденция проявляется в соотношении основных обозначений размера «grande» (59) / «pequeno» (28) («большой» / «малый»), а также в характерном для поэзии автора использовании лексических единиц со значением предельно большого размера: «enorme» («огромный»), «imenso» («безмерный»), «infinito» («бесконечный») и др. Прилагательные, обладающие данной семантикой, используются, как правило, для характеристики природных явлений или пространств и приобретают положительную оценку:

> Casa branca em frente do mar enorme (*Casa branca*);
> E o mar imenso, solitário e antigo (*Meio-dia*);
> Sob o infinito céu das tardes frias (*As cidades*).

Идея необъятного природного пространства также может быть выражена за счет сочетания частных параметров размера (предельной высоты, ширины, длины, глубины и др.):

Mar sonoro, mar sem fundo, mar sem fim (*Mar sonoro*);
O Sol no alto, fundo, enorme, aberto (*Meio-dia*).

Всё это непосредственно связано с представлениями Софии де Мелло о величии природы, которая в ПКМ автора предстает как воплощение гармонии и совершенства.

Лежащая в основе творчества поэтессы вера в то, что мир представляет собой «упорядоченное и прекрасное целое» [Sousa Silva 2008], обусловливает свойственную лирическому герою любовь к геометрии и всему конкретному: «Amor da geometria e do concreto» (*Lagos I*). В качестве наиболее предпочтительных рассматриваются простые и правильные формы природных объектов и артефактов. Среди геометрических фигур особое значение приобретают круг и квадрат. Круг передает идею целостности мира, а также соотносится с циклическим природным временем: «Círculo azul do tempo» (*Luar*), которое противопоставляется историческому времени, в поэзии Софии де Мелло определяемому как «расколотое» («dividido»). Стихотворение, призванное запечатлеть определенный момент жизни, также представляет собой «круг, очерчивающий предмет, круг, в который поймана птица сущего» [Андресен 2019, с. 254]. В отличие от круга, квадрат в большей степени связан с социальным миром. Объекты квадратной формы (площадь, окно и др.) оцениваются положительно благодаря их симметричности:

Na praça quadrada tão concisa e grega (*Lagos I*);
No quadrado aberto da janela (*O Sol o Muro o Mar*).

Но в то же время квадрат и куб могут ассоциироваться с идеей ограниченного пространства, противопоставленного бескрайнему природному простору. Например, в стихотворении «Dia do Mar», в котором замкнутому пространству комнаты-куба («quarto-cubo») противостоит открытое пространство морского побережья. Антитеза «природный мир / социальный мир» важна для всего авторского творчества. Не меньшее значение имеет вера в возможность преодолеть это противоречие. В этом смысле одним из программных может быть названо стихотворение «Forma Justa», в котором есть следующие строки:

Sei que seria possível construir a forma justa
De uma cidade humana que fosse
Fiel à perfeição do universo.

Заключение

Таким образом, визуальная модальность играет значимую роль в ПКМ Софии де Мелло. Зрительное восприятие действительности является импульсом для поэтического творчества, а также условием для репрезентации мира в единстве и многообразии. В ПКМ автора находят отражение главным образом конкретные предметы и явления окружающего мира: море, побережье, сад, дом, город и др. Созерцание-ви́дение служит для ориентации лирического героя в пространстве и представляет собой первый шаг к познанию природной и социальной действительности. Персонифицированный мир в ПКМ автора также наделен способностью к зрительному восприятию, что позволяет рассматривать лирическое «Я» и мир как равноправные смыслообразующие центры индивидуально-авторской ПКМ.

Зрительная модальность непосредственно связана с методом объективного наблюдения (по классификации Д. С. Овсяннико-Куликовского), преобладающим в творчестве Софии де Мелло. При этом ПКМ автора выстраивается на пересечении общеевропейских, национально-культурных и индивидуально-авторских смыслов. С общеевропейской традицией поэзию автора объединяют, в частности, глубинная когнитивная метафора «понимать – это видеть» и символика цвета. Включенность творчества Софии де Мелло в контекст португальской литературной и культурной традиции проявляется в преобладании морской тематики, обращении автора к теме морских плаваний и открытий. Индивидуальное начало выражено в создании авторских метафор, в том числе системных (например, *mergulhar de olhos abertos*; *tempo dividido*), которые приводят к появлению новых смыслов и ассоциаций. Взаимодействие обозначенных нами тенденций обусловливает специфику поэзии автора, а также свидетельствует о важности традиции и новаторства как взаимосвязанных составляющих поэтического творчества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Андресен С. де М. Б. Единое начало всех вещей: избранные стихотворения. М.: Центр книги Рудомино, 2019. [Andresen, S. de M. B. (2019). Edinoe nachalo vsekh veshchei: izbrannye stikhotvoreniya. (The essence of all the things). Moscow: Tsentr knigi Rudomino. (In Russ.)].

Кузнецов А. М. Поле // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 380–381.

[Kuznetsov, A. M. (1990). Pole (Field). In V. N. Jarceva (ed.), Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' (pp. 380–381). Moscow: Sovetskaja enciklopedija. (In Russ.)].

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. [Lakoff, G., Johnson, M. (2004). Metafori kotorimi mi zhiviom. (Metaphors we live by). Moscow: Editorial USSR. (In Russ.)].

Овсянико-Куликовский Д. С. Литературно-критические работы: в 2 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 1. [Ovsjaniko-Kulikovskij, D. S. (1989). Literaturno-kriticheskie raboty: T. 1. (Literary criticism works. Vol. 1). Moscow: Hudozhestvennaja literatura. (In Russ.)].

Сквозников В. Д. Метод // Литературный энциклопедический словарь / общ. ред. В. М. Кожевников, П. А. Николаев. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 218–219. [Skvoznikov, V. D. (1987). Metod (Method). In Kozhevnikov, V. M., Nicolaev, P. A. (ed.), Literaturnij enciklopedicheskij slovar' (Literary Encyclopedic dictionary) (pp. 218–219). Moscow: Sovetskaya enciklopedia. (In Russ.)].

Трессидер Д. Словарь символов. М.: ФАИР-Пресс, 1999. [Tressider, J. (1999). Slovar' simvolov (Dictionary of Symbols). Moscow: FAIR-Press. (In Russ.)].

Bonafim Felizardo A. O Lugar do Ser: espaço e lirismo em Sophia de Mello Breyner Andresen: tese de doutoramento. São Paulo, 2012.

Ceia C. Iniciação aos Mistérios da Poesia de Sophia de Mello Breyner Andresen. Lisboa: Vega, 1996.

Correia M., Barbosa S. Para o estudo da denominação da cor em português // Filologia e Linguística Portuguesa. 2014. 15(2). P. 385–406.

Lourenço E. Dialética mítica da nossa modernidade // Tempo e poesia. Lisboa: Relógio de Água, 1987. P. 183–200.

Nava L. M. As Navegações de Sophia // Ensaios Reunidos. Lisboa: Assírio & Alvim, 2004. P. 74–178.

Nunes de Almeida C. O Feito, a Gesta, o Olhar: o Oriente nas Navegações de Sophia de Mello Breyner Andresen // Elyra. 2014. № 4. P. 57–78.

Prado Coelho E. Sophia: a lírica e a lógica // Revista Colóquio. Letras. 1980. № 57. P. 20–35.

Sena J. Alguns poetas de 1958 // Colóquio-Revista de Artes e Letras. 1959. № 1. P. 53–56.

Sousa de Silva S. Sobre a paisagem em Sophia de Mello Breyner Andresen // XI Congresso Internacional da ABRALIC. 2008, Julho. URL: https://abralic.org.br/eventos/cong2008/AnaisOnline/simposios/pdf/039/SOFIA_SILVA.pdf (дата обращения: 09.03.2021).

Dicionário Caldas Aulete. URL: https://aulete.com.br (дата обращения: 11.03.2021).

Dicionário Priberam. URL: https://priberam.org (дата обращения: 11.03.2021).

УДК 811.113.4 **DOI 10.52070/2542-2197_2021_5_847_134**

Д. Б. Никуличева

доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник сектора германских языков
Института языкознания РАН; профессор кафедры скандинавских,
нидерландского и финского языков переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
nikoulitcheva@yandex.ru

НАРУШЕНИЕ СОГЛАСОВАНИЯ ВРЕМЕН В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОМ РАССМОТРЕНИИ[1]

Объектом исследования в предлагаемой статье является феномен нарушения формального «согласования времен» в современном датском языке. Теоретической основой послужили положения когнитивной лингвистики о значимости физического опыта, в частности феномена фокусирования и перспективизации в языковом конструировании мира. Предложена классификация типов нарушения формального согласования, основанная на антропоцентрированном подходе к анализу материала художественной литературы и новостных сообщений.

Ключевые слова: датский язык; согласование времен; перспективизация; сдвиг дейктического центра; художественный нарратив, новостные сообщения.

D. B. Nikulicheva

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor, Chief Researcher,
Sector of Germanic Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences;
Professor at the Department of Scandinavian, Dutch and Finnish Languages,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University
nikoulitcheva@yandex.ru

GRAMMATICAL VIOLATION OF SEQUENCE OF TENSES IN DANISH IN THE ANTHROPOCENTRIC PERSPECTIVE

The article addresses violations of the formal sequence of tenses in the modern Danish language. The theoretical foundation is grounded in the provisions of cognitive linguistics on the importance of physical experience, in particular the phenomenon of focus and perspective in the linguistic conceptualization of the world. The violations of the sequence of tenses are classified on an anthropocentric approach to the analysis of fiction and news reports.

Key words: Danish; sequence of tenses; perspectivization; deictic center shift; narrative in fiction; news reports.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00146.

CC BY

Введение

На скандинавском материале исследователи не раз отмечали, что нарушение правил согласования – явление широко распространенное, что «вопрос о норме употребления форм должен рассматриваться отдельно для разных коммуникативных планов» [Локштанова 1984, с. 80], и что выбор несогласованного времени зависит от того, что за нулевую точку отсчета берется не «тогда», а «сейчас» [Берков 1978, с. 54].

В предлагаемой статье мы хотели бы представить классификацию типов нарушения формального согласования в современном датском языке, применив когнитивный подход к анализу материала.

Теоретической основой исследования послужили положения когнитивной лингвистики о значимости физического опыта в «конструировании» мира: «Когнитологи практически дополнили семиотическую опосредованность речевой деятельности человека физиологическим измерением – опосредованностью визуального восприятия мира» [Ирисханова 2014, с. 51]. Ключевым понятием в этой связи является понятие *перспективизации*, связанное «с естественной способностью выделять объекты на фоне, отбирать наиболее важные для сознания свойства и профилировать их», а также со «взаимной координацией говорящих относительно друг друга и референтной ситуацией. Это, в свою очередь, предполагает установление связи между наблюдателем и наблюдаемым в конкретном акте коммуникации, “конструирование” объекта относительно позиции, из которой наблюдается ситуация в какой-то конкретный момент. Или иными словами, контекстуализацию референта» [там же, с. 56].

До начала исследования представляется целесообразным рассмотреть некоторые термины, которыми мы будем пользоваться для описания анализируемого языкового материала.

Как указывал Карл Бюлер, в основе указательного поля человеческого языка лежит позиция *Origo*, формируемая понятиями hier «здесь», jetst «сейчас», ich «я», задающими «*систему координат субъективной ориентации*, во власти которой находятся и будут находиться все участники общения» [Бюлер 1993, с. 95]. В полной мере эта система координат реализуется в «канонической речевой ситуации, когда есть говорящий и слушающий, которые связаны единством места и времени; имеют общее поле зрения; могут видеть друг друга и жесты друг друга» [Падучева 2008, с. 412]. В нарративной же

ситуации, будь то информационное сообщение, или художественный текст, реализуется «вторичный дейксис», ориентированный относительно субъекта повествования. Вместе с тем для любого речевого произведения, будь то устное высказывание, газетное сообщение или художественный текст может быть эксплицирована позиция «здесь и сейчас» его автора. Именно *автор*, *продуцент* речевого произведения, остается *первичным эгоцентриком* (ср. понимание «первичного» и «вторичного эгоцентрика» как слов и категорий, ориентированных либо на «полноценного говорящего», либо на «другое лицо» у Е. В. Падучевой [Падучева 2008, с. 412]).

Понятие перспективизации тесно связано с возможностью построения «множественной перспективы», что позволяет описывать отношения между главным и зависимым предложением, а также выявлять разнообразные «сдвиги дейктического центра в предложении» [Ирисханова 2014, с. 58]. Сдвиги дейктического центра происходят тогда, когда ситуация представляется автором с точки зрения лица, выступающего в качестве *референциального субъекта* – как устного речевого высказывания, так и нарративного текста.

Казалось бы, речь идет об универсальном свойстве человеческой психики, отраженном в человеческом языке, – способности становиться на место другого человека, сопереживать другому человеку и видеть ситуацию его глазами. Однако, если мы сопоставим, как происходит сдвиг дейктического центра в датском языке по сравнению с русским, то обнаружим, что грамматическая категоризация средствами датского языка задает иной стереотип создания «множественной перспективы».

1. «Согласовательная норма»: будущее в прошедшем и плюсквамперфект в нарративных текстах

Грамматическая категория «согласования времен» отражает важнейшую для германских языков ***идею грамматической объективации времени как линии***, на которой располагаются события, маркируемые специальными темпоральными формами.

Грамматическое маркирование *предшествования* прошлому событию (плюсквамперфект) мы предлагаем называть ретроспективным согласованием времен, а маркирование *следования*

после прошлого события (будущее в прошедшем – проспективным согласованием.

(1) Nu ***forstod*** han for alvor, at Margot ***havde sagt***, at hun ***ville myrde*** den, der stod bag artiklen (B.T.90). – «В этот момент он по-настоящему понял, что Марго говорила, что убьет того, кто стоял за этой статьей».

Такое нюансированное представление временно́й последовательности событий относительно друг друга создает дистанцированность повествования, свидетельствующую о том, что темпоральное пространство персонажа повествования (*плюсквамперфект – претерит – будущее в прошедшем*) не совпадает с темпоральным пространством повествователя (*претерит – презенс – футурум*).

Для того ***чтобы создать эффект множественной перспективы***, датский автор вынужден использовать специальные лексические и синтаксические *приемы приближения внутренней речи персонажа к читателю*.

Рассмотрим пример из романа Иды Йессен «Азбучная история», где, на первый взгляд, представлено классическое «согласование времен», когда ментальный предикат в претерите (***havde*** *en fornemmelse*) вводит форму будущего в прошедшем (***ville kunne*** *ødelægge*):

(2) Han ***havde*** en fornemmelse af, at han ***ville kunne*** ødelægge Susan, knuse hende, hvis han *gav* efter for den stemme, der uafladeligt *hviskede* i ham, at **nu** ***var*** det nok, **her** ***gik*** grænsen (I. Jessen). – «Он ***чувствовал***, что ***способен*** прикончить Сюзанну, раздавить ее, если ***пойдет*** на поводу у голоса, который беспрестанно нашептывал: всё, ***хватит,*** дальше некуда» (*пер. Н. Федоровой*).

Для того чтобы представить ситуацию с точки зрения персонажа, в датском тексте используются лексические показатели настоящего времени. Так, наречия ***her*** «здесь», ***nu*** «сейчас», ***i den sidste tid*** «в последнее время» в этом примере отмечают не точку Origo автора повествования, а момент внутренней речи персонажа. Этой же цели служит и нарушение порядка слов: вместо нормативного для придаточного предложения порядка *s-a-v*, здесь использован порядок слов независимого предложения – как если бы это была прямая речь:

Nu var det nok! Her gik grænsen!

Если же сравнить датский оригинал с русским переводом, то обнаружим, что лексические указания на «здесь» и «сейчас» персонажа в переводе вообще отсутствуют. Почему? – Потому что сближение точек обзора персонажа и автора (того, что в когнитологии принято называть vantage point [Langacker 2008, с.73–75]) задается здесь грамматическими средствами русского языка. Ведь формы настоящего и будущего времени предикатов зависимых предложений будут одинаковы как для выражения точки зрения продуцента текста (автора): «Он ***способен*** прикончить Сюзанну, раздавить ее <…> Все, ***хватит***, дальше некуда!» – так и для передачи точки зрения референта (персонажа): «<Я> ***способен*** прикончить Сюзанну, раздавить ее <…> Все, ***хватит***, дальше некуда!».

На основании сказанного можно сделать вывод о том, что темпоральное пространство персонажа в датском языке по умолчанию является дистанцированным от темпорального пространства продуцента (и реципиента) текста, т. е. в соответствии с картрированием мира, задаваемым датской грамматикой, «точки обзора» первичного и вторичного эгоцентрика оказываются заведомо различными, тогда как в русском языке регулярно происходит грамматическое сближение точек обзора персонажа и повествователя, что интуитивно усиливает эмпатию по отношению к персонажу.

Все дальнейшее изложение будет посвящено когнитивному объяснению феномена нарушения этого базового для датской глагольной системы правила «согласования времен».

2. Нарушения проспективной согласовательной нормы

2.1. Futurum vs. Futurum in Præterito

Для того чтобы получить представление об относительной частотности такого типа «рассогласования», когда вместо согласованного «будущего в прошедшем» используется форма несогласованного футурума, в поисковом окне Датского корпуса 2000[1] нами были заданы параметры «***sagde*** at… ***vil***». На 100 первых примеров (из 2133 употреблений) было обнаружено семь примеров, отвечающих заданному запросу. Остальные демонстрировали нормативное согласование

[1] URL: https://ordnet.dk/korpusdk/

времен – либо в претеритальном «***sagde*** *at…* ***ville***», либо в презентном плане «***har sagt*** *at…* ***vil***».

2.1.1. Sagde at ... vil + Inf в новостных сообщениях

(3) Forsvarsministeren ***sagde***, at det ***vil være*** nødvendigt at indsætte styrker fra såvel land-som sø-siden for at tvinge irakerne op af deres nedgravede stillinger. В.Т. 91 – «Министр обороны сказал, что ***будет необходимо*** применить как сухопутные, так и военно-морские силы, чтобы выбить иракцев из их укреплений».

Лишь один пример был не из новостного сообщения, а из прямой речи:

(4) «Efter synet ***sagde*** de til mig, at det ***vil komme til at koste*** omkring 50.000 kr. at bringe huset tilbage i den stand, jeg afleverede det i…» В.Т. 91 – «После осмотра они (представители технической комиссии) сказали мне, что привести дом в то состояние, в котором я его сдавала, ***будет стоить*** около 50 000 крон».

Общим для всех примеров было то, что футуральная перспектива субъекта косвенной речи совпадала с футуральной перспективной автора высказывания. То есть в датском языке употребление футурума в придаточном предложении при предикате речевой деятельности в претерите – и даже в плюсквамперфекте – возможно тогда, когда *события, прогнозируемые вторичным эгоцентриком, являются будущими – т. е. еще не реализованными – и для первичного эгоцентрика*. Тем самым их представление ситуации объективного будущего вербализируется как идентичное для первичного и вторичного эгоцентриков.

2.1.2. Особенности «нормативного» согласования (sagde at …ville + Inf) в новостных сообщениях

Интересно сопоставить приведенные выше примеры с теми примерами новостных сообщений из Корпуса, где при предикате главного предложения в форме претерита (***sagde at*** …) предикат зависимого предложения выражается сочетанием ***ville + Inf***. Формально такой предикат совпадет с типичной формой будущего в прошедшем

в нарративных текстах, см. пример (1). Отличие состоит в том, что в актуальных сообщениях прогнозируемое событие является еще не реализованным как для первичного, так и для вторичного эгоцентрика. И, тем не менее, в них зависимое предложение также оформляется формой ***ville + Inf***.

Общим для всех подобных примеров является то, что субъект косвенной речи выражает не объективное положение дел в будущем, а субъективное намерение совершить или не совершить какое-либо действие. То есть здесь всегда присутствует модальный компонент семантики предиката. Семантика датского предиката ***ville + Inf*** оказывается закономерно многозначной: это и *футуральная перспектива* субъекта косвенной речи из момента речи в прошлом (будущее в прошедшем), и ***волеизъявление*** говорящего в момент прошлой речи (претерит модального глагола *ville* «хотеть») и, что особенно важно в плане сопоставления перспективы автора и субъекта сообщения, ***эпистемическое дистанцирование*** – сигнал о том, что представление о будущем, желаемом с точки зрения вторичного эгоцентрика, не обязательно совпадет с представлением об объективном будущем с точки зрения первичного эгоцентрика:

(5) Når statsminister Schlüter i går på den konservative jubilæumskonference ***sagde***, at han ***ville kæmpe*** for at blive og kun træde tilbage, hvis et flertal i Folketinget ønskede det, var det ikke tom retorik. LbB.T.91. – «Когда вчера на юбилейной конференции премьер-министр Шлютер говорил, что собирается (***будет*** / ***хочет*** / ***хотел бы***) бороться за то, чтобы остаться, и уйдет в отставку только если этого пожелает парламентское большинство, это не было пустыми словами».

2.1.3. Har sagt at … ville + Inf в новостных сообщениях

Проявления «рассогласования» обнаруживаются и в тех случаях, когда предикат речевой деятельности главного предложения выражен формой ***перфекта***, например, ***har sagt***, а предикат зависимого предложения – формой **будущего в прошедшем *ville + Inf***.

Предикат главного предложения, выраженный формой перфекта, обозначает повторяемость высказывания и соотносит сообщение с моментом речи. Поэтому нормативным является использование в зависимом предложении футурума: **Sb_1 *har sagt* at Sb_2 *vil + Inf***.

Вместе с тем в Корпусе на 100 рассмотренных примеров нам встретилось пять новостных сообщений, в которых при предикате речевой деятельности в форме перфекта был употреблен зависимый предикат в форме ***ville + Inf***:

(6) Tidligere ***har*** Frp. ***sagt***, at man ***ville pege*** på lederen af det største borgerlige parti som ny statsminister. Med den udsigt til fremgang som samtlige meningsmålinger spår, ***vil*** Venstre blive størst, og Uffe Ellemann ***ville*** så indtil i dag ***have kunnet*** påregne støtte fra Frp. til sit evt. Statsministerkandidatur. Men jeg mener ikke længere, at det automatisk ***skal*** være lederen af det største parti, der afløser Schlüter (B.T.91). – «Ранее в Партии прогресса заявляли, что новым премьер-министром ***станет*** лидер крупнейшей буржуазной партии. Судя по опросам общественного мнения, Либеральная партия ***будет*** самой крупной, и Уффе Эллеманн до сегодняшнего дня мог ожидать поддержки своей кандидатуры со стороны Партии прогресса. Но я больше не верю, что Шлютера автоматически ***сменит*** лидер крупнейшей партии».

Использованные в тексте лексические показатели (*tidligere «*ранее»*, indtil i dag* «до сегодняшнего дня»*, ikke længere* «больше не») подтверждают, что футуральный прогноз вторичного эгоцентрика – Партии прогресса – потерял свою актуальность для автора текста, хотя прогнозируемое событие (выборы нового премьер-министра) объективно по-прежнему относятся к моменту в будущем, общему для обоих эгоцентриков. Употребление формы ***ville + Inf*** свидетельствует о том, что автор текста дистанцируется от достоверности прогноза Партии прогресса, маркируя тем самым несовпадение взглядов первичного и вторичного эгоцентрика на будущее развитие событий. То есть здесь речь идет не о темпоральном, а об эпистемическом дистанцировании.

3. Нарушение ретроспективного согласования времен

3.1. Perfektum vs. Plusquamperfektum в новостных сообщениях

Исследовательница датской глагольной системы Л. М. Локштанова объясняла согласованное или несогласованное употребление форм датского глагола жанровой спецификой текста, противопоставляя согласование форм в художественном нарративе нарушению

согласования в газетных текстах [Локштанова 1984]. Мы же предлагаем когнитивное объяснение этого феномена, позволяющее объяснить как случаи сохранения согласования в газетных текстах, так и случаи нарушения согласования в художественном нарративе.

Ведь именно для актуальных газетных сообщений характерно совпадение временной перспективы продуцента новостного сообщения и его референциального субъекта. Так в примере (7) актуальность информации о расходах на вооружение совпадает и для цитируемого политика, и для журналиста, и для тогдашней читательской аудитории, которой это сообщение было адресовано. Нарушение согласования в буквальном смысле делает их «со-временниками», помещая в общее темпоральное пространство.

(7) Gert Bastian ***sagde*** bl.a. at udgifterne til oprustningen ***har nået*** svimlende højder. – «Герт Бастиан сказал, в частности, что расходы на гонку вооружений достигли головокружительной высоты» (L.og F. 1983).

Если обобщить проанализированные в ходе исследования примеры сохранения согласования в актуальных газетных текстах с точки зрения перспективизации события продуцентом и референтом сообщения, то окажется, что – так же как и в отмеченных нами выше случаях согласования будущего в прошедшем – формальное согласование плюсквамперфекта неизменно отражает дистанцирование точек зрения *первичного* и *вторичного* эгоцентрика. Причем такое дистанцирование может быть как темпоральным, так и эпистемическим, когда автор дистанцируется от достоверности взглядов или представлений референциального субъекта. Это особенно заметно в контекстах с путативными глаголами, которые обозначают мнение, не обязательно являющееся достоверным), например *mente* в примере (8), где контекст эксплицирует различие в понимании ситуации референтом сообщения:

(8) I foråret ***mente*** amerkanerne på grundlag af satellitfotografier, at Iran ***havde samlet*** ikke mindre end en halv million mand til det store slag mod Irak. Siden ***er*** disse bedømmelser ***blevet*** påfalende mere beskedne og der *har* i stedet *været talt* om en kvart million mand (Inf.1984). – «Весной на основании спутниковых фотографий американцы полагали, что Иран собрал не менее полумиллиона человек для массированного удара по Ираку. С тех пор оценки стали значительно скромнее, и речь шла уже о четверти миллиона».

3.2. Perfektum vs. Plusquamperfektum и Præsens vs. Præteritum в художественном нарративе

В художественном нарративе о прошлых событиях замена согласованного плюсквамперфекта на несогласованный выполняет роль актуализатора прошлого опыта персонажа-повествователя:

(9) Således ***trådte*** vi ind i skoven. Det ***var*** en sløj skov, sparsomt bevokset. Jeg **har** *aldrig tidligere* **set** en skov med så stor afstand mellem træerne. Hvilke træer det ***var***, **kan** jeg ikke sige. – «Так мы вошли в лес. Это был странный лес с редкими деревьями. Никогда прежде я не видела такого расстояния между лесными деревьями, что это были за деревья, сказать не могу» (*Hesselholdt 58–59*).

Хотя наречие *tidligere*, в отличие от наречия *før*, обычно обозначает предшествование моменту в прошлом и сочетается с формой плюсквамперфекта (ср. *jeg havde aldrig tidligere* и jeg *har aldrig før*), в данном случае оно вводит форму перфекта. В результате возникает эффект двухфокусности повествования: рассказчица одновременно повествует о событиях прошлого и дает им оценку из своего настоящего.

Схожую роль экспликатора личности повествователя, если повествование ведется от первого лица, играет замена **согласованного претерита** на **несогласованный презенс**:

(10) Middagen ***var*** på ambassaden, hvor Alma ***var*** æresgæst, og lektoren ***havde glemt*** at meddele, at jeg ikke **spiser** kød (*Hesselholdt 34*). – «Прием проходил в посольстве, где Альма была почетной гостьей, а лектор забыл сообщить, что я не ем мяса».

Хотя описываемая ситуация относится к моменту прошлого, актуальность информации, вводимой придаточным дополнительным, сохраняется для повествователя на момент повествования, поэтому использование презенса вместо претерита здесь закономерно.

3.3. Præteritum vs. Plusquamperfektum в художественном нарративе

В датском художественном нарративе стандартным проявлением ретроспективного согласования времен служит использование плюсквамперфекта для обозначения более отдаленных во времени эпизодов относительно основной линии развития сюжета. В этом случае

повествование в плюсквамперфекте, создающее дистанцированную темпоральную перспективу, может охватывать значительные по объему фрагменты текста. Однако в художественном тексте в рамках одного абзаца возможен и обратный переход – от предикатов в форме плюсквамперфекта к формам претерита. Такое «рассогласование» служит языковым приемом перцептивного приближения события к автору (и тем самым к читателю), создавая эффект укрупнения плана повествования.

Наглядный пример находим у Кристины Хессельхольдт. Одна из глав ее книги «Camilla og resten af selskabet» посвящена рассказу о пребывании главной героини в Сербии. Повествование ведется от первого лица в претерите. Поездка не задалась, и героиня вспоминает события, предшествовавшие путешествию. Сдвиг в предпрошлое отдаляет временну́ю перспективу повествования, что закономерно маркируется использованием форм плюсквамперфекта. Однако в середине абзаца, в рамках того же эпизода, повествование вдруг переключается на формы претерита, что создает «кинематографический» эффект приближения плана повествования:

(11) Jeg ***havde lovet*** Edvard at lufte hans hund den eftermiddag, jeg skulle af sted. *Han* ***havde sagt***, at jeg sagtens *kunne lade den gå* uden snor, men jeg *havde nær aldrig fået fanget den igen*. Jeg ***havde jagtet*** *den gennem* hele Fælledparken og ***var endt*** på pladsen foran posthuset. Det **styrtede** ned, hunden og jeg **var** de eneste levende væsener udenfor den søndag eftermiddag, og hunden *var gået* i ly under posthusets tag, selv **sad** jeg på statuen midt på pladsen og **stirrede** afmægtigt på den, drivvåd og rasende...Hunden **så** lille og fortabt ud ved siden af søjlerne, men det **skulle** man ikke tage fejl af – så snart jeg **nærmede** mig, **sprang** den med et skævt smil ned ad trinene...Når jeg igen **indtog** min position i regnen, **gik** den i ly og så fremdeles (*Hess.37*). – «Я пообещала Эдварду выгулять его собаку в тот самый день, когда я должна была уезжать. Он уверял, что ее без проблем можно спустить с поводка, но я чуть было ее не упустила. Я гонялась за ней по всему парку и настигла на площади перед почтой. Лил дождь. В тот воскресный день мы с собакой были единственными живыми существами на улице, собака укрылась под козырьком почты, а я, насквозь промокшая и злая, присела на скульптуру посреди площади и бессильно взирала на нее. Рядом с колоннами собака казалась маленькой и потерянной, но не стоило обманываться – как только я приближалась,

она отскакивала, кривя морду в ухмылке. Когда я опять занимала позицию под дождем, она возвращалась под навес и выглядела совершенно довольной».

Замена плюсквамперфекта на претерит придает эпизоду самостоятельную ценность, будто повествователь приближает к себе происходящее и как бы рассматривает его «крупным планом» – более пристально и подробно, нежели те события, которые выражены плюсквамперфектом.

4. Рассогласование предикатов в синтаксических конструкциях

4.1. Приближение темпорального фокуса в расщепленных предложениях

(Det er X, der…; Det var X, der…)

Специальной синтаксической конструкцией, используемой в германских языках для смыслового выделения какого-либо члена предложения, служат так называемые *расщепленные предложения*. В академической датской грамматике [Hansen, Heltoft 2011, с. 1793] функция клефта (sætningskløvning) определяется как «четкое грамматическое маркирование фокуса предложения». С когнитивной же точки зрения фокус всегда связан с перцептивным приближением и укрупнением объекта [Ирисханова 2014]. Это находит отражение в темпоральной соотнесенности главного и зависимого предикатов расщепленного предложения.

Анализ примеров из грамматик и художественных текстов свидетельствует о том, что ***нормативным является совпадение временны́х форм обоих предикатов***. Вместе с тем при несовпадении темпоральных форм обоих предикатов именно предикат фокусирующей части предложения оказывается темпорально более приближенным к моменту речи. Так, презенс в главном предложении может сочетаться с перфектом в придаточном (12), а перфект в главном – с претеритом в придаточном (13):

(12) **Det er** os der ***har foreslået*** det. – «Это мы это предложили».
(13) Jeg tror nok at **det har været** dig hun ***tænkte*** på. – «Я полагаю это о тебе она постоянно думала» (примеры из: [Hansen, Heltoft 2011, с. 1790–1792]).

Точно так же, если речь идет о событии, предшествующем ситуативному моменту в прошлом – что закономерно выражается плюсквамперфектом – то фокус на каком-либо из аспектов этого предпрошлого оформляется пертеритом:

(14) **Det var** *en griseslagtning*, som damen ***havde overværet*** som fjortenårig, der ***havde gjort*** hende til vegetar. **Det var** mange år siden nu (*Jessen 7*). – «Вегетарианкой дама сделалась после того, как четырнадцатилетней девочкой стала свидетельницей ***забоя свиньи***. Это было очень давно».

То есть темпоральное рассогласование в расщепленных предложениях служит той же цели, что и сама клефтинговая конструкция – субъективному выделению говорящим какого-то из аспектов высказывания в качестве его смыслового фокуса.

4.2. Отдаление темпорального фокуса в предложениях эмотивной оценки Det var Præd vs. Det er Præd

Исследователи отмечают использование претерита в предложениях эмотивной оценки как характерную особенность датского, шведского и норвежского языков [Hansen, Heltoft 2011, с. 694]. Авторы подчеркивают, что «эмотивная оценка не относится к прошлому, а указывает на то, что она основывается на непосредственно предшествующем ей опыте». Эффект «рассогласования времен» возникает, если оценочный предикат вводит придаточное дополнительное предложение, например:

(15) Det **var** trist, det ***er*** lukket. – «Жаль, что всё закрыто».

Проанализируем семантические различия между примерами, приводимыми Э. Хансеном и Л. Хельтофтом на с. 695:

(16) Det ***er*** fint at der ***er*** penge nok. – «Хорошо, когда денег хватает».
(17) Det **var** fint at der ***er*** penge nok. – «Хорошо, что денег хватает».
(18) Det ***er*** vigtigt at der ***er*** penge nok. – «Важно, чтобы денег хватало».
(19) !Det **var** vigtigt at der ***er*** penge nok. – «Важно, что “денег хватает”».

В переводах мы стремились эксплицировать семантические различия между датскими примерами средствами русского языка. В примере (16) презенс вводит оценочную сентенцию говорящего,

основанную на абстрактном знании. В примере (17) претерит выступает как маркер *эвиденциальности*: говорящий сигнализирует адресату о том, что *оценка основана на его собственном перцептивном опыте* (talendes oplevelsestid). В примере (18) презенс вводит оценочную сентенцию, основанную на пожелании говорящего, т. е. не на его опыте, а на ментальном конструкте. Пример (19) датские авторы отмечают как сомнительный, и подчеркивают допустимость формы претерита только если «говорящий воспроизводит чью-то реплику или мнение» [там же, с. 695], т. е. также обосновывает свою оценку конкретным опытом.

Таким образом, бóльшая эмотивность претеритальной оценочной конструкции по сравнению с презентной связана с усилением субъективной составляющей – отсылке к восприятию конкретной ситуации говорящим. Вместе с тем именно отдаление темпорального фокуса создает прагматический эффект «объективации» оценки как основанной на некоем факте, свидетелем которого стал говорящий.

Заключение

Исследование датского материала показало, что употребление несогласованных форм в нарративных и новостных текстах имеет единую когнитивную природу, основанную на изменении перспективизации изложения продуцентом текста.

Если стандартная согласовательная норма, построенная на дистанцировании темпоральных пространств продуцента и референта текста по умолчанию обслуживает объективное изложение событий, то ее нарушение всегда свидетельствует об усилении субъективного фактора. Это выражается в когнитивном приближении плана повествования к позиции продуцента текста.

В новостных текстах это проявляется в сближении грамматическими средствами темпорального пространства референта и продуцента текста – как в плане идентичного восприятия актуальности событий, так и в плане идентичного прогнозирования событий.

В художественных текстах это выражается в двухфокусности изложения, когда претеритальный план повествования сопровождается презентными оценками повествователя или когда повествование об отдаленных событиях прошлого, предшествующих основной

сюжетной линии, переключается с плюсквамперфекта на претерит, создавая эффект темпорального приближения и тем самым «укрупняя» план повествования.

Нарушение нормативного согласования в некоторых синтаксических конструкциях также способствует усилению субъективного фактора говорящего. В выделительных конструкциях это происходит за счет эффекта темпорального приближения фокуса информации, а в конструкциях эмотивной оценки – за счет темпорального дистанцирования оценки, объективно связанной с моментом речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Берков В. П. Согласование времен в норвежском языке // Скандинавская филология. Scandinavica. Л.: ЛГУ, 1978. Вып. 3. С. 42–57. [Berkov, V. (1978). Soglasovanie vremen v norvezhskom yazyke. (Sequence of Tenses in Norwegian). Skandinavskaya filologiya. Scandinavica, 3, 42–57. Leningrad: LGU. (In Russ.)].

Бюлер К. Теория языка. М.: Прогресс, 1993. [Bühler, K. (1993). Teoriya yazyka. (Language theory). Moscow: Progress. (In Russ.)].

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. М.: ЯСК, 2014. [Iriskhanova, O. (2014). Igry fokusa v yazyke. (Games of focus in language). Moscow: YaSK, (In Russ.)].

Йессен И. Азбучная история / пер. Н. Федоровой. М.: Текст, 2009.

Локштанова Л. М. Система форм индикатива в датском языке // Скандинавские языки. Актуальные проблемы грамматической теории. М.: Институт языкознания, 1984. С. 59–99. [Lokshtanova, L. M. (1984). Sistema form indikativa v datskom yazyke. (System of Indicative forms in Danish). Skandinavskie yazyki. Aktual'nye problemy grammaticheskoj teorii (pp. 59–99). Moscow: Institut yazykoznaniya. (In Russ.)].

Локштанова Л. М. Датский глагол. Категориальные значения и употребление финитных форм: дис. … д-ра филол наук. М.: МГУ, 1986. [Lokshtanova, L. M. (1986). Datskij glagol. Kategorial'nye znacheniya i upotreblenie finitnyx form. (Danish verb. Category meanings of verbal forms): Senior Doctorate in Philology. (In Russ.)].

Падучева Е. В. Семантика вида и точка отсчета // Известия АН СССР. Серия литература и язык. 1986. Т. 45. № 5. С. 413–424. [Paducheva, E. V. (1986). Semantika vida i tochka otscheta. (Semantics of aspect and reference point). Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka, 45(5), 413–424. (In Russ.)].

Падучева Е. В. Режим интерпретации как контекст, снимающий неоднозначность // Труды Международной конференции «Диалог-2008». 2008.

С. 412–418. [Paducheva, E. V. (2008). Rezhim interpretacii kak kontekst, snimayushhij neodnoznachnost'. (Interpretation mode as a context for eliminating ambiguity). Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog-2008». (In Russ.)].

Hansen E., Heltoft L. Grammatik over det danske sprog. Bd. 1–3. Kbh.: Hans Reitzels Forlag, 2011. 1842 s.

Hesselgoldt Ch. Camilla og resten af selskabet. Rosinante Kbh, 2010.

Jessen I. ABC. Kbh.: Gyldendal, 2005.

Korpus DK. URL: https://ordnet.dk/korpusdk/teksteksempler (дата обращения: 16.08.20).

Langacker R. W. Cognitive Grammar. A Basic Introduction. Oxford University Press, 2008.

УДК 81.33 **DOI 10.52070/2542-2197_2021_5_847_150**

О. И. Писарик

аспирант кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики
факультета английского языка Московского государственного
лингвистического университета
ksyfrolova93@gmail.com

ПРИНЦИПЫ РАЗРАБОТКИ БАЗЫ ДАННЫХ ПОДЪЯЗЫКА ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «СТРОИТЕЛЬСТВО»

Предлагается структурная модель англо-русской базы данных подъязыка предметной области «строительство». В качестве основных методов исследования применяются анализ и моделирование. Приводятся примеры наполнения базы данных аутентичным материалом. Делается вывод о том, что лежащие в основе построения модели базы данных принципы разработки могут быть эффективно применены на практике при создании справочных и учебно-справочных ресурсов для настоящих и будущих специалистов-строителей, работающих со специальной литературой на английском и русском языках.

Ключевые слова: база данных; подъязык; предметная область «строительство»; структурная модель; креолизованные тексты; русский язык; английский язык.

O. I. Pisarik

PhD Student, Department of Applied and Experimental Linguistics,
Moscow State Linguistic University
ksyfrolova93@gmail.com

DATABASE DESIGN PRINCIPLES FOR THE «CONSTRUCTION» ENGLISH SUBLANGUAGE

The article describes a structural model of the English-Russian database for the «construction» English sublanguage. The main research methods are represented by fnalysis and modeling. The database comprises authentic material. The author concludes that the design principles underlying the described database model can be effectively applied to practice when creating reference and training resources for (future) construction specialists

Key words: database; sublanguage; subject area «construction»; structural model; creolized texts; the Russian language; the English language.

Введение

На сегодняшний день подавляющее большинство нормирующих документов в сфере строительства, которые используют международные

CC BY

компании, составлены на английском языке. В то же время в отечественной строительной отрасли в течение многих лет сложился свой развитый терминологический аппарат, который является ядром русского строительного подъязыка. Выпускнику строительного вуза необходимо владение как русской, так и английской терминологией, если он претендует на высокие позиции в строительном бизнесе. Проблема кроется, во-первых, в том, что для понимания профессиональных текстов на иностранном языке необходимо не столько полное владение этим языком на так называемом общем уровне, сколько владение профессиональным подъязыком, прежде всего – для успешной работы с иноязычными текстами проектной документации. Во-вторых, постоянное развитие технологий в строительстельной отрасли ведет к обогащению ее подъязыка, а это означает, что знания профессиональной терминологии нужно всё время актуализировать.

По нашему мнению, сегодня есть необходимость в профессиональном ресурсе, имеющем одновременно черты англо-русского глоссария и энциклопедии, который бы подходил как для обучения будущих специалистов в области строительства профессиональному подъязыку, так и для осуществления справочной помощи дипломированным строителям.

Целью настоящего исследования является создание модели базы данных подъязыка предметной области «строительство». Сообразно цели формулируются следующие задачи исследования:

- оценить степень взаимодействия вербального и невербального компонентов в строительных документах;
- разработать структурную модель базы данных подъязыка предметной области «строительство»;
- апробировать разработанную модель, используя аутентичные образцы креолизованных текстов.

Материалом, с помощью которого сформировался иллюстративный аппарат исследования, послужили пояснительные записки к строительным проектам на английском и русском языках.

Особенности подъязыка предметной области «строительство»

В результате развития научно-технического прогресса в XX в. в общенациональных языках выделяется особая подсистема, предназначение которой заключается в вербализации профессионального

знания, в том числе строительного, для его дальнейшей обработки, передачи и хранения, получившая название «подъязык» [Писарик, Горожанов 2021, с. 929–930].

Рассматривая вопрос выделения характерных черт подъязыка строительства, следует отметить высокую степень его креолизации. Согласно Е. Е. Анисимовой, креолизованные тексты – это «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой / речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык). Подобные тексты понимаются как особый лингвовизуальный феномен, состоящий их дейктических связей» [Анисимова 2003, с. 71]. Отношение вербальной и невербальной частей креолизованного текста определяет степень их влияния на понимание и успешную интерпретацию содержания текста в целом.

Анализ текстов пояснительных записок к строительным проектам на английском и русском языках показал, что без графической иллюстрации (чертежа, графика, рисунка и пр.) значение вербального комментария трудно эксплицировать. И наоборот, сама по себе графическая иллюстрация не является достаточной без вербального комментария. Таким образом, создавая базу данных подъязыка предметной области «строительство», особое внимание необходимо обратить на взаимосвязь иконических и вербальных средств.

Характер и структура базы данных

Согласно Большому энциклопедическому словарю, база данных – это «упорядоченная совокупность данных, предназначенных для хранения, накопления и обработки с помощью ЭВМ. Для создания и ведения базы данных (обновления, обеспечения доступа к ним по запросам и выдачи их пользователю) используется набор языковых и программных средств, называемых системой управления базы данных (СУБД)» [База данных 2021].

Существует множество разновидностей баз данных, среди которых в наши дни широкое распространение имеют реляционные базы данных [Дейт 2006], причем они привлекаются не только для решения задач из области информатики, но и в рамках гуманитарных прикладных исследований [Casanova 2021; Gorozhanov, Guseynova 2020; Pajas, Štěpánek 2009].

Фактически реляционная база данных представляет собой набор таблиц, которые связаны между собой отношениями («реляциями»). Каждая таблица состоит из записей (рядов), причем в одной записи (одном ряду) может находиться несколько ячеек. Ячейки одной вертикальной колонки могут содержать данные только одного типа (например, текст, целое число, дату и т. д.) [What is a Relational Database 2021]. В пределах одной записи (одного ряда) могут находиться как обязательные для заполнения, так и опциональные ячейки. Строго обязательной ячейкой является ячейка уникального идентификатора (*англ.* id) записи (ряда), которая заполняется автоматически целым числом в момент создания данной записи (данного ряда).

Для нашей базы данных выберем структуру, состоящую из трех таблиц. Каждая запись первой таблицы содержит следующие ячейки:

- уникальный идентификатор записи (тип данных: целое число);
- графическая иллюстрация явления (тип данных: файл);
- наименование явления на английском языке (тип данных: текст);
- наименование явления на русском языке (тип данных: текст);
- комментарий (опциональная ячейка, тип данных: текст).

Вторая таблица в каждой записи содержит следующие ячейки:

- уникальный идентификатор записи (тип данных: целое число);
- связанную с первой таблицей ячейку графической иллюстрации (тип данных: файл);
- определение явления на русском языке (тип данных: текст);
- русскоязычный контекстный пример употребления явления (тип данных: текст);
- комментарий (опциональная ячейка, тип данных: текст).

Каждая запись третьей таблицы содержит следующие ячейки:

- уникальный идентификатор записи (тип данных: целое число);
- связанную с первой таблицей ячейку графической иллюстрации (тип данных: файл);
- определение явления на английском языке (тип данных: текст);
- англоязычный контекстный пример употребления явления (тип данных: текст);
- комментарий (опциональная ячейка, тип данных: текст).

Связь таблиц между собой можно продемонстрировать в графическом формате (см. рис. 1):

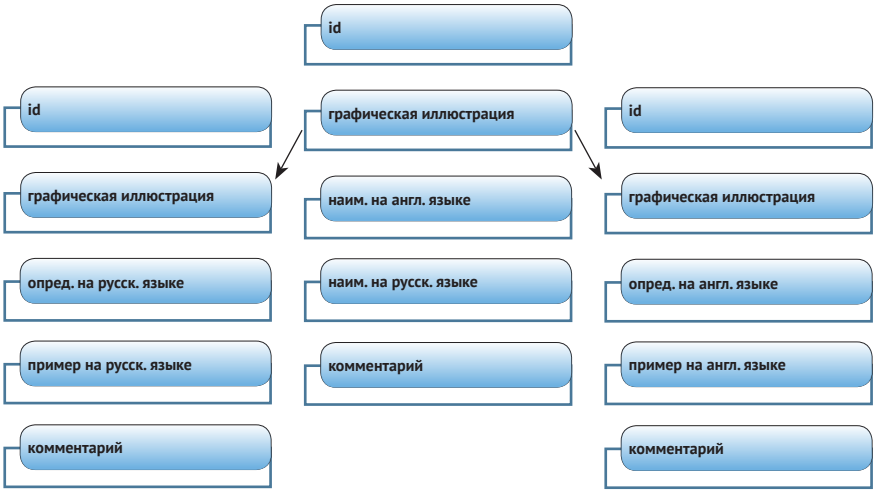


Рис. 1. Модель базы данных из трех таблиц

Такое распределение поможет избежать перегруженности графического интерфейса системы управления базой данных (СУБД), что сделает работу пользователя более удобной, особенно если оперирование СУБД будет осуществляться с мобильного устройства.

Техническая реализация приведенной выше модели может быть осуществлена любыми программными средствами, предусматривающими оперирование реляционными базами данных.

Пример наполнения базы данных аутентичным материалом

В качестве примера содержательной реализации предложенной модели приведем запись базы данных для конструкции «двухпутная прямолинейная рампа» (*англ.* straight double way ramp).

При внесении первой записи в базу данных в первой таблице будет сформирована строка с идентификатором, равным единице (id=1), ячейку «графическая иллюстрация» займет схематическое изображение рампы (см. рис. 2).

Далее последуют ячейки наименования на английском и русском языках. Ячейка комментария может быть оставлена пустой.

Запись во второй таблице также автоматически создаст идентификатор строки, равный единице (id=1), ячейка «графическая иллюстрация» соотнесется со связанной с ней ячейкой первой таблицы, поскольку других записей в ней еще нет. Ячейка «определение на русском языке» будет заполнена следующим образом: «двуполостное сооружение, предназначенное для перемещения автомобилей между уровнями в многоэтажных автостоянках». Ячейка «пример на русском языке» получит текст:

1. Требования к количеству, уклонам и ширине рамп определены СП 113.13330. Перед наклонными частями рамп следует предусматривать горизонтальные участки для возможности остановки автомобилей для организации контроля доступа и возможности разворота автомобилей, которым не разрешен въезд в гараж.
2. При размещении рамп необходимо учитывать требования СанПиН 2.2.1/2.1.1.1200-03 по расстояниям от въездов-выездов до детских площадок, ДОУ и жилых домов.
3. Рампы на стоянках автомобилей должны соответствовать следующим требованиям: продольный уклон прямолинейных рамп по оси полосы движения в закрытых неотапливаемых и открытых стоянках должен быть не более 18%, криволинейных рамп – не более 13%, продольный уклон открытых (не защищенных от атмосферных осадков) рамп – не более 10%.

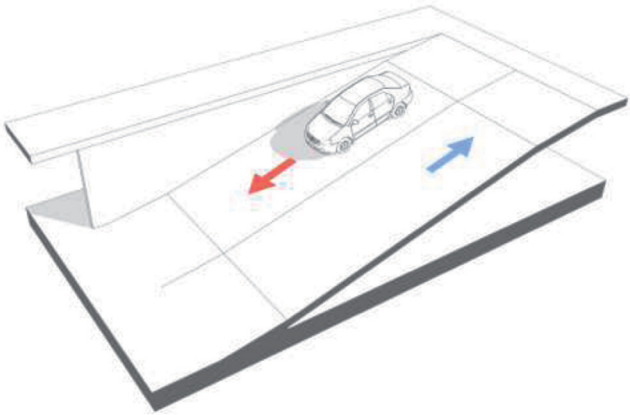


Рис. 2. Двухпутная прямолинейная рампа

При создании записи в третьей таблице после автоматической генерации идентификатора строки, равного единице (id=1), также произойдет соотнесение с ячейкой «графическая иллюстрация» первой таблицы. Ячейка «определение на английском языке» будет заполнена следующим образом: «A straight sloping double passageway formed by a ramp between different levels». Ячейка «пример на английском языке» получит текст:

1. Requirements to the quantity, slope and width of ramps defined by building regulation SP 113.13330. In front of sloping part of the ramp should be provided a horizontal platform for car check access and a place for car reverse without access.
2. Ramps arrangement should consider requirements of sanitary rules SanPiN 2.2.1/2.1.1.1200-03 to distance from the exit-entry to playgrounds, kindergartens and residential buildings.
3. Parking ramps should comply the following requirements: a) head slope of the straight ramp (enclosed and opened but covered) – not to exceed 18 %, curved ramp – 13 %, open ramps (outdoor) – 10 %.

Ячейки определений могут быть значительно расширены, информация в них не должна быть ограничена тем объёмом, который представлен в наших кратких примерах.

Создание базы данных инструментами Web 2.0

Описанная выше структурная модель профессиональной базы данных подходит, на наш взгляд, для дипломированных строителей, которые уже работают по своей специальности. На стадии обучения в вузе, в котором активно применяются системы управления обучением, например, LMS Moodle, возможно создание и совместное наполнение учебно-справочной базы данных, отвечающей требованиям парадигмы Web 2.0 [Chen 2021; Liu et al. 2021; Горожанов 2015, с. 131].

LMS Moodle имеет в своем арсенале готовый модуль базы данных, который может служить не только обучающим элементом коллективного творчества, но также и справочным инструментом [Moodle Database 2021; Горожанов 2016, с. 59]. Здесь речь также идет о реляционной базе данных, однако LMS Moodle сразу предоставляет пользователю встроенную СУБД, с помощью которой возможно настроить структуру записи. Важным ограничением является то, что

база данных может состоять только из одной таблицы, однако количество записей (рядов) эксплицитно не ограничивается. Ячейки, которые в терминологии LMS Moodle называются полями (*англ*. fields), могут содержать данные следующих типов:

- флажок (*англ*. checkbox);
- дата (*англ*. date);
- файл (*англ*. file);
- ширина / долгота (*англ*. latitude / longitude);
- выпадающее меню (*англ*. menu);
- число (*англ*. number);
- изображение (*англ*. picture);
- кнопки радио (*англ*. radio buttons);
- текстовое поле (*англ*. text input);
- текстовая область (*англ*. text area);
- URL [Building Database 2021].

Заметим, что перечисленные пункты отражают не столько различные типы данных в собственном смысле этого слова, сколько варианты визуализации текстовых, числовых и булевых данных.

Поскольку в распоряжении разработчика находится только одна таблица, необходимо сконцентрировать в ней всю необходимую информацию:

- уникальный идентификатор записи (тип данных: целое число; генерируется автоматически);
- графическая иллюстрация явления (тип данных: изображение или файл);
- наименование явления на английском языке (тип данных: текстовое поле);
- наименование явления на русском языке (тип данных: текстовое поле);
- определение явления на английском языке (тип данных: текстовая область);
- англоязычный контекстный пример употребления явления (тип данных: текстовая область);
- определение явления на русском языке (тип данных: текстовая область);
- русскоязычный контекстный пример употребления явления (тип данных: текстовая область);

- комментарий (опциональная ячейка, тип данных: текстовая область).

Встроенная СУБД позволяет осуществлять поиск по базе данных. Дополнительной удобной опцией является возможность сохранения базы данных (таблицы) в виде файла формата CSV или ODS.

Заключение

Итак, лежащие в основе построения модели базы данных принципы разработки могут быть эффективно применены на практике при создании справочных (в том числе, учебно-справочных) ресурсов для настоящих и будущих специалистов-строителей, работающих со специальной литературой на английском и русском языках.

Сообразно поставленным задачам в ходе исследования была оценена степень взаимодействия вербального и невербального компонентов в строительных документах и был сделан вывод о том, что невербальный компонент имеет равную с вербальным значимость для понимания демонстрируемого явления. Далее была разработана структурная модель реляционной базы данных подъязыка предметной области «строительство», предусматривающая наличие трех таблиц, а также упрощенная версия из одной таблицы, генерируемая инструментами Web 2.0 LMS Moodle. Обе модели схожи по содержанию, хотя и отличаются по форме. В качестве иллюстрации был предложен пример наполнения базы данных из трех таблиц аутентичным материалом на английском и русском языках.

В качестве перспектив исследования может быть названа программная реализация предложенной модели и ее апробация в профессиональной или академической среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алленов А. Н., Кунавин К. С. «Желаем жить не по плоти, а по духу»: демографическое поведение постников // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. М.: РАНХиГС, 2020. Т. 38, № 3. С. 178–206. Doi: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-3-178-206. [Allenov, A. N., Kunavin, K. S. (2020). «Zhelaem zhit ne po ploti, a po dukhu»: demograficheskoe povedenie postnikov. («Living by spirit, not by flesh»: Demographic behavior of the postniks). State, Religion and Church in Russia and Worldwide, 38(3), 178–206. (In Russ.)].

Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация. М.: Академия, 2003. ISBN: 5-7695-0961-9. [Anissimova, E. E. (2003). Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. (Text Linguistics and Cross-cultural Communication). Moscow: Academia. (In Russ.)].

База данных // Большой энциклопедический словарь онлайн. URL: http://endic.ru/enc_big/Baza-Dannyh-4723.html (дата обращения: 02.03.2021).

Горожанов А. И. Инструменты Web 1.0 и Web 2.0 в преподавании иностранного языка // Вестник Томского государственного педагогического университета. Томск: ТГПУ, 2015. № 1(154). С. 130–134. [Gorozhanov, A. I. (2015). Instrumenty Web 1.0 i Web 2.0 v prepodavanii inostrannogo yazyka. (Web 1.0 and Web 2.0 tools in foreign language acquisition process). Tomsk State Pedagogical University Bulletin, 1(154), 130–134. (In Russ.)].

Горожанов А. И. LMS Moodle как инструмент разработки курсов иностранных языков – узлов обучающей виртуальной среды // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. М.: МГЛУ, 2016. № 17(756). С. 55–64. [Gorozhanov, A. I. (2016). LMS Moodle as a tool for developing foreign language courses – virtual learning environment nodes. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences, 17(756), 55–64. (In Russ.)].

Дейт К. Дж. Введение в системы баз данных. 8-е изд. М.: Вильямс, 2006. 1328 с. ISBN 0-321-19784-4. [Date, C. J. (2006). Vvedenie v sistemy baz dannykh. (An Introduction to Database Systems). 8th ed. Moscow: Vil'ams. ISBN 0-321-19784-4. (In Russ.)].

Писарик О. И., Горожанов А. И. Доля английского профессионального подъязыка в текстах учебных материалов для студентов строительных специальностей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2021. Т. 14. Вып 3. С. 928–932. [Pisarik O. I., Gorozhanov A. I. (2021). Representation of the English-Language Professional Terminology in Educational Texts for Construction Specialities Students. Philology. Theory & Practice, 14(3), 928–932. (In Russ.)].

Building Database // Moodle Docs. URL: https://docs.moodle.org/310/en/Building_Database (дата обращения: 26.02.2021).

Casanova O. R. Filiteratura: A heurist relational database of literature in Spanish about the Philippines or published in the Philippines // Signa. 2021. Vol. 30. P. 109–138. DOI: 10.5944/SIGNA.VOL30.2021.29300.

Chen L. Investigating the impact of competition and incentive design on performance of crowdfunding projects: A case of independent movies // Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research. 2021. Vol. 16, № 4. P. 1–20. DOI: 10.3390/jtaer16040045.

Gorozhano A. I., Guseynova I. A. Programming for specific purposes in linguistics: A new challenge for the humanitarian curricula // Training, Language

and Culture. 2020. Vol. 4, № 4. P. 23–38. DOI: 10.22363/2521-442X-2020-4-4-23-38.

Liu C., Luosang R., Yao X., Su L. An integrated intelligent manufacturing model based on scheduling and reinforced learning algorithms // Computers and Industrial Engineering. 2021. Vol. 155. DOI: 10.1016/j.cie.2021.107193.

Moodle Database // Moodle Docs. URL: https://docs.moodle.org/310/en/Database_activity (дата обращения: 01.03.2021).

Pajas P., Štěpánek J. System for querying syntactically annotated corpora // Paper presented at the ACL-IJCNLP 2009 – Joint Conf. of the 47th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics and 4th Int. Joint Conf. on Natural Language Processing of the AFNLP : Proceedings of the Conf. 2009. P. 33–36. DOI:10.3115/1667872.1667881.

What is a Relational Database // Oracle Docs. URL: https://www.oracle.com/database/what-is-a-relational-database/#:~:text=A%20relational%20database%20is%20a,are%20related%20to%20one%20another.&text=The%20columns%20of%20the%20table,the%20relationships%20among%20data%20points (дата обращения: 01.03.2021).

УДК 81.33 **DOI 10.52070/2542-2197_2021_5_847_161**

А. И. Полищук, В. О. Кокликов

Полищук А. И., кандидат исторических наук,
заслуженный профессор МГЛУ, доцент кафедры восточных языков
переводческого факультета Московского государственного
лингвистического университета
polyshuk20@mail.ru

Кокликов В. О., старший преподаватель
кафедры восточных языков переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
vladimir.koklikov@yandex.ru

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ЧАСТОТНОЙ ЛЕКСИКИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНСТРУМЕНТОВ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ
(на примере текстов о коронавирусе)

В статье рассматривается проблема извлечения частотной лексики с использованием инструментов корпусной лингвистики на примере текстов о коронавирусе. Выявление частотности единиц перевода становится возможным благодаря достижениям корпусной лингвистики и результатам составления корпуса текстов. Авторы подчеркивают значимость частотного анализа наличия в актуальных текстах фразеологизмов, клишированных оборотов и выражений, а также устойчивых словосочетаний. Подчеркивается роль современных технологий, позволяющих выявить устойчивые и наиболее частотные выражения. Предлагаемый подход может быть использован для совершенствования систем машинного перевода, а также в рамках изучения лексического состава персидского языка.

Ключевые слова: персидский язык; перевод; частотность; машинный перевод; устойчивые выражения.

A. I. Polishchuk, V. O. Koklikov

Polishchuk A. I., PhD (History), Professor Emeritus,
Associate Professor, Department of Oriental Languages,
Faculty of Translation and Interpreting,
Moscow State Linguistic University
polyshuk20@mail.ru

Koklikov V. O., Senior Lecturer,
Department of Oriental Languages,
Faculty of Translation and Interpreting,
Moscow State Linguistic University
vladimir.koklikov@yandex.ru

CC BY

EXTRACTION OF FREQUENCY VOCABUARY USING CORPUS LINGUISTIC TOOLS
(on the example of coronovirus-based texts)

The article discusses the problem of extracting frequency vocabulary with the help of corpus linguistics tools based on the examples of texts on coronavirus. Revealing the frequency of translation units becomes possible thanks to the achievements of corpus linguistics and the results of the compilation of the text corpus. The authors give particular importance to the frequency analysis of the presence of phraseological units, clichéd phrases and expressions, as well as stable phrases in relevant texts. The role of modern technologies, which makes it possible to identify stable and most frequent expressions, is emphasized. The proposed approach can be used to improve machine translation systems, as well as in the study of the vocabulary of the Persian language.

Key words: the Persian language; translation; frequency; machine translation; collocations.

Введение

При изучении лексического состава языка одним из важнейших вопросов в рамках лингвистического анализа текстов является вопрос терминологического состава языка, охватывающего определенные области знания и тематики. В настоящее время для обработки текстов существует множество моделей. Одной из наиболее точных является статистические модели обработки языка, которые учитывают информацию о частотности символов и их сочетаний. Как правило, терминологическая лексика закреплена в существующих словарях, однако с появлением новых узких тематик возникает и новый пласт лексики.

Проблема отбора терминологии является актуальной и по отношению к существующим словарям, поскольку автоматическая обработка текста позволяет обновлять существующую терминологию, уводя на второй план лексику, вышедшую из употребления. Отбор лексики осуществляется обычно по уже принятым ранее стандартам, образцам и подходам. Однако несмотря на существование этих стандартов, идеальной системы всё еще не существует. Кроме того, во многих языках, и, в частности, в персидском, идет процесс создания не только новой общей лексики, но и новой терминологии. В создании новой лексики активное участие принимает, в частности, Академия персидского языка и литературы – Фархангестан, а также СМИ [Гладкова 2016]. Составители терминологических баз и лексикографы долж-

ны постоянно держать руку на пульсе, чтобы не отстать от реальной лексической ситуации, предлагаемой самой жизнью.

Возникает объективная необходимость в оперативном анализе и корректировке как базового, так и постоянно изменяющегося лексического материала. Целью данной статьи является презентация на конкретном примере возможностей использования современных технических возможностей и программ для оперативного анализа лексической базы языка, особенно в связи с появлением новых тематик и общественно значимых дискурсов. Мы выбрали тему «пандемии коронавируса» как наиболее актуальную в нынешних условиях для иллюстрации нашего подхода к анализу лексической базы языка по конкретной теме, который может быть применен и для более фундаментальных исследований.

Автоматическая обработка текста позволяет решить проблему выявления терминологии, устойчивые обороты, наиболее частотных коллокаций и единиц перевода.

Составление корпуса и выявление устойчивых выражений

Для выявления устойчивых выражений, составляющих основу лингвистического подхода, могут применяться средства корпусной лингвистики. Вклад в это направление был сделан составителями словаря частотной лексики персидского языка – Миллер и Агаджанян-Стюарт [Miller, Aghajanian-Stewart 2017]. В их работе описаны базовые принципы использования существующих инструментов для работы с корпусом персидского языка, многие из которых легли в основу дальнейших исследований. Актуальность проблемы распространения коронавирусной инфекции определила тематическое направление анализа текстов на персидском языке, опубликованных в СМИ за последний год. Для выявления устойчивых выражений в текстах, связанных с коронавирусом, был составлен корпус текстов на персидском языке на основе материалов иранского информационного агентства IRNA. На 14.03.2021 корпус содержит 693193 статей и 67645936 токена (части речи). Частотный анализ отфильтрованных текстов по теме «пандемии коронавируса», в который вошли 131795 статьи проводился в диапазоне дат с 31.05.2019 по 14.03.2021. Используя статистический метод, были посчитаны

повторяющиеся части речи, последовательности слов, так называемые N-граммы, вплоть до семи идущих подряд (n-7), а также словосочетания, содержащие союз «и» (و).

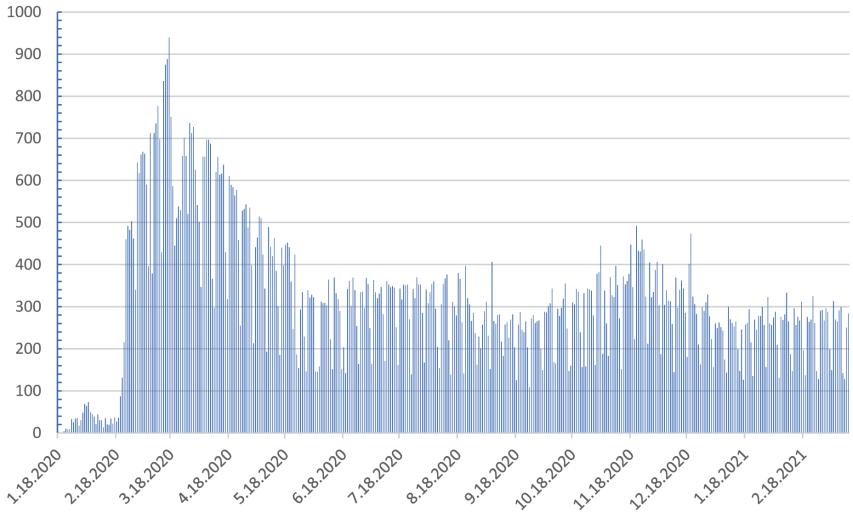


Рис. 1. Статистика по количеству тематических статей

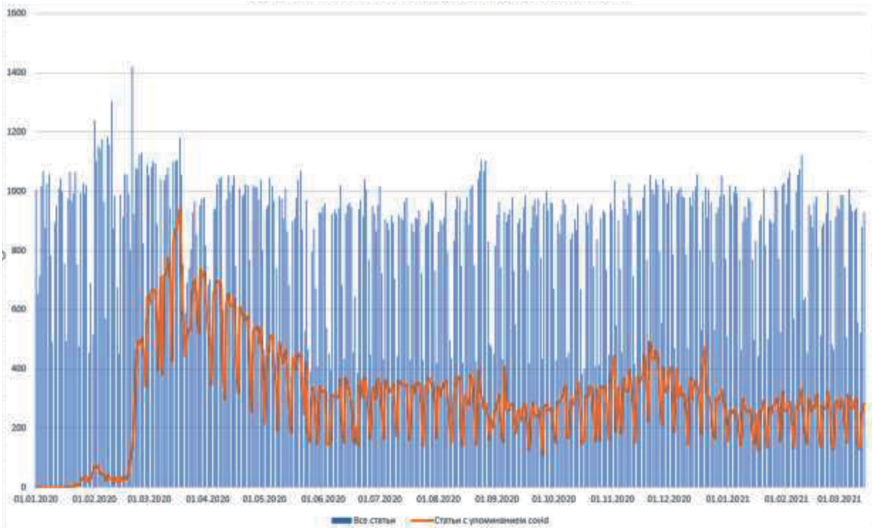


Рис. 2. Соотношение статей с упоминанием ковид к общему числу

Рис. 3

Количество статей, корпуса, содержащих слова «коронавирус», или Covid-19 [كرونا или 19-كويد] по датам (см. рис. 1).

Количество текстов про коронавирус, входящих в общий корпус текстов, составленный по всем материалам информагентства с 14.01.2020 по 14.03.2021, наглядно демонстрирует актуальность проблематики (см. рис. 2).

Доля всех статей про коронавирус от всех статей корпуса с 14.01.2020 по 14.03.2021 (см. рис. 3 и 4).

Пример использования терминологической базы

Наиболее частотные коллокации и терминологические единицы могут быть использованы для создания искусственного текста, что также является одним из вопросов обработки естественного языка. Критерием для такого текста должны стать его тематическая направленность, логическая связанность и использование наиболее частотных единиц. При этом выражение, включающее в себя шесть частей

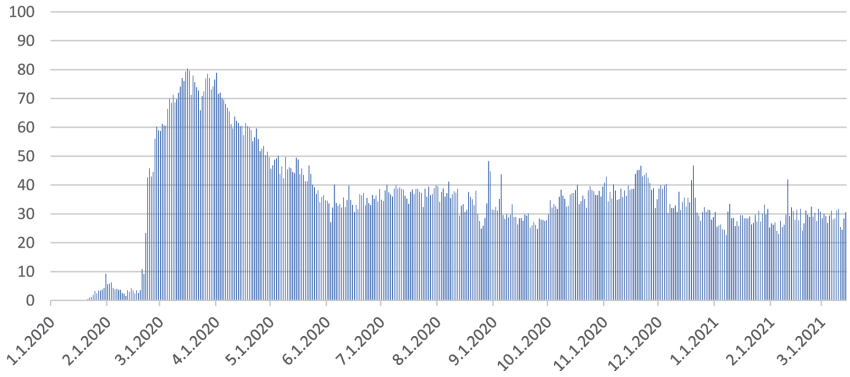


Рис. 4. Процент статей с упоминанием слова *ковид* от общего числа публикаций с течением времени

речи, может содержать в себе также более частотное выражение, состоящее из меньшего количества частей речи, что также отвечает задачам лексического подхода – продемонстрировать контекстуальность используемой лексики.

Результатом работы по составлению синтетического образца текста, отвечающим указанным условиям и целям, стал следующий текст:

به نقل از مرکز روابط عمومی و اطلاع‌رسانی وزارت بهداشت و درمان و آموزش پزشکی در گفت و گو با خبرنگار ایرنا وزیر گفت که حدود سه هزار و 200 نفر به طور قطعی به ویروس کرونا مبتلا شده و هزار و پانصد نفر بر اثر این بیماری جان خود را از دست داده‌اند. این ویروس در شهر ووهان واقع در مرکز چین شناسایی شد و تا کنون هزاران نفر به این بیماری مبتلا شده و بسیاری از مردم جان خود را از دست داده‌اند.
همچنین روز شنبه سخنگوی وزارت بهداشت و درمان و آموزش پزشکی اظهار داشت: با توجه به شیوع ویروس کرونا به منظور ارتقای سلامت جامعه و شکست ویروس کرونا ، پروتکل‌های بهداشتی را رعایت کنید. وی با اشاره به تعداد جان باختگان کرونا در کشور تاکید کرد : برای پیشگیری از شیوع ویروس کرونا، رعایت فاصله گذاری اجتماعی و استفاده از ماسک لازم است. او همچنین تصریح کرد که شستشوی دست ها با آب و صابون یکی از راه‌های مقابله با این ویروس است.
تعداد مبتلایان به ویروس کرونا در استان خوزستان بیشتر از دیگر استان‌ها است. این استان در وضعیت قرمز قرار دارد و بر اساس آخرین آمار در 24 ساعت گذشته تعداد جان باختگان کرونا در این استان افزایش یافته است. این موضوع در این استان ، ستاد ملی مقابله با کرونا را برآن داشته است تا وضعیت فوق العاده اعلام کند.
برخی از مبتلایان به کووید ۱۹ در کشور ، در بیمارستان‌ها و مراکز درمانی ، خدمات بهداشتی و درمانی دریافت می‌کنند و برخی از بیماران بهبود یافته یا از بیمارستان‌ها ترخیص شده‌اند. تعطیلی بسیاری از اداره‌ها به دلیل شیوع ویروس کرونا پیامدهای اجتماعی و اقتصادی بسیاری داشته است.

Наиболее частотными выражениями корпуса в этом тексте являются следующие словосочетания, характеризующиеся тематикой текста и количеством новостей по рубрикам:

N-gram	Частотность	Перевод	Выражение
N-7	16839	В интервью корреспонденту агентства ИРНА	در گفت و گو با خبرنگار ایرنا
N-7	1947	Количество погибших за прошедшие сутки	در 24 ساعت گذشته تعداد جان باختگان
N-7	2355	Официальный представитель Министерства здравоохранения и медицинского образования	سخنگوی وزارت بهداشت درمان و آموزش پزشکی

N-gram	Частотность	Перевод	Выражение
N-6	9467	Министерство здравоохранения и медицинского образования	وزارت بهداشت درمان و آموزش پزشکی
N-6	3260	Погибли	جان خود را از دست داده‌اند
N-6	2658	Принимая во внимание эпидемию / с учетом эпидемии	با توجه به شیوع ویروس
N-6	1071	Укрепление здоровья населения и победа над коронавирусом	ارتقای سلامت جامعه و شکست ویروس
N-5	6010	Национальный штаб по борьбе с коронавирусом	ستاد ملی مقابله با کرونا
N-5	5682	Заразились коронавирусом	به ویروس کرونا مبتلا شده
N-5	2231	Предотвращение распространения коронавирусной инфекции	پیشگیری از شیوع ویروس کرونا
N-5	3227	По причине эпидемии коронавируса	به دلیل شیوع ویروس کرونا
N-4	7366	Борьба с коронавирусом	مقابله با ویروس کرونا
N-4	4079	Заразившиеся коронавирусом	مبتلایان به ویروس کرونا
N-4	2312	Медицинская помощь	خدمات بهداشتی و درمانی
N-4	2176	Соблюдение социальной дистанции	رعایت فاصله گذاری اجتماعی
N-4	1915	В результате этого заболевания	بر اثر این بیماری
N-4	2140	По последним данным	بر اساس آخرین آمار
N-3	42879	Распространение коронавируса / эпидемия коронавируса	شیوع ویروس کرونا
N-3	26294	Борьба с коронавирусом	مقابله با کرونا
N-3	12038	Использование маски	استفاده از ماسک

N-gram	Частотность	Перевод	Выражение
N-3	8404	Соблюдение санитарных мер	رعایت پروتکل‌های بهداشتی
N-3	5961	В чрезвычайном положении	در وضعیت قرمز
N-2	47694	Распространение вируса / эпидемия	شیوع ویروس
N-2	13178	Медицинские учреждения	مراکز درمانی

Результаты подсчета частотности позволили составить искусственный текст, используя наиболее частотные выражения, относящиеся к заявленной проблематике. Кроме того, полученные данные корпуса дают возможность использовать их в рамках лексикографических исследований.

Однако для выбранной темы не менее важной является и другая сопутствующая лексика, не вошедшая в приведенный выше частотный список, но встречающаяся регулярно в некоторых аутентичных текстах, например:

ممنوعیت تجمع – запрет на скопление народа
محدودیت‌های کرونایی – ограничения в связи с коронавирусом
تمهیدات – упредительные меры
تفرجگاه‌ها – места прогулок и отдыха
دستگاه ضدعفونی – оборудование для дезинфекции
دوز واکسن – дозы вакцины
تزریق واکسن – вакцинация, прививка

Очевидно, что при выявлении частотных терминов наряду с использованием инструментов корпусной лингвистики необходимо применять и традиционные средства отбора лексики по конкретным и достаточно узко очерченным темам, чтобы совместить предлагаемый инструментальный подход к анализу большого лексического массива с анализом наиболее типичных текстов по теме, что позволит сформировать адекватную теме лексическую базу.

Заключение

Применение современных технологий анализа текстов с использованием достижений корпусной лингвистики позволяет создать

частотные словари конкретных предметных областей и может составить основу лингвистической информационной базы компьютерной системы для выявления частотности лексических единиц разного типа, используемых в персидском языке в текстах широкого тематического спектра, для их дальнейшего использования в машинном переводе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Гладкова Е. Л. Терминологические процессы в общественно-политической лексике современного персидского языка // Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. С. 40–51. [Gladkova, E. L. Terminologicheskie processy v obshestvenno-politicheskoy leksike. (Terminological processes in the socio-political vocabulary of the modern Persian language). Iran vo vtorom desyatietii XXI veka: vizovi i perspektivi (Iran in the second decade of the 21st century: challenges and prospects). Moscow: Institut vostokovedenia RAN. (In Russ.)].

Хитрик К. Н., Полищук А. И. Теория перевода. Персидский язык. Когнитивный аспект: Учебник / под ред. Дж. Дорри, С. Э. Талыбовой. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2009. [Xitrik, K. N., Polishhuk, A. I. (2009). Teoriya perevoda. Persidskij yazy`k. Kognitivny`j aspekt. (The theory of translation. The Persian language. Cognitive aspect). Textbook. Moscow: Rema. (In Russ.)].

Miller C., Aghajanian-Stewart K. A frequency dictionary of Persian: core vocabulary for learners. NY: Routledge, 2017.

УДК 81.367 **DOI 10.52070/2542-2197_2021_5_847_170**

Ю. В. Филинова

аспирант кафедры германской и кельтской филологии
филологического факультета
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
yulia.filinova@mail.ru

МЕСТО И РОЛЬ МОДАЛЬНЫХ ЧАСТИЦ В СОВРЕМЕННОМ ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

(по материалам работ шведских и российских лингвистов)

Модальные частицы – относительно новая тема исследования в шведской лингвистике. Ученые до сих пор спорят относительно того, возможно ли отграничить частицы от других модальных слов, и какими критериями руководствоваться в этом случае. В статье рассматривается современная классификация шведских фразовых обстоятельств и анализируется место и роль в ней модальных частиц.

Ключевые слова: шведский язык; устная коммуникация; модальные слова; модальные частицы.

Y. V. Filinova

PhD Student, Department of Germanic and Celtic Philology,
Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University
yulia.filinova@mail.ru

POSITION AND ROLE OF MODAL PARTICLES IN CONTEMPORARY SWEDISH

(based on the studies of Swedish and Russian linguists)

Modal particles are a relatively new field of studies in Swedish linguistics. There is still no consensus on whether it is possible to set apart modal particles from other modal words and what criteria one shall follow in this case. The article deals with the modern classification of Swedish modal particles as well as the position and role of model particles in it.

Key words: the Swedish language; oral communication; modal words; modal particles.

Введение

Данная статья посвящена изучению модальных частиц и их места в морфологической системе шведского языка. Приняв в качестве рабочего определение, данное Т. М. Николаевой, которая считает

CC BY

модальные частицы разрядом «неизменяемых служебных слов … передающих коммуникативный статус высказывания, а также выражающих отношение высказывания и / или его автора к окружающему контексту, выраженному или подразумеваемому...» [Николаева 1990, с. 579], мы переработали классификации частиц, в настоящее время существующие в шведском и датском языках, с целью их дальнейшего практического применения для анализа диалогической речи и той роли, которую частицы в ней играют. Материалом для анализа послужили произведения современных шведских авторов.

Модальные частицы – фразовые обстоятельства?

Шведский язык не может похвастаться таким разнообразием частиц, как, например, русский [Крылова 2012, с. 26] или немецкий [Heinrichs 1981], где их количество измеряется десятками. Большинство исследователей шведского языка не выделяют частицы в отдельный класс слов, а включают их в группу фразовых обстоятельств – «обстоятельств, характеризующих высказывание в целом (satsadverbial)» [Маслова-Лашанская 2005, с. 285]. Различают четыре основных типа таких обстоятельств [SAG 1999, т. 4, с. 84]:

1. ***Модальные*** (***modala satsadverbial***) выражают оценку говорящим достоверности высказывания или его отношение к высказыванию. Поскольку способность говорящего выразить свое отношение к сообщаемому играет большую роль в диалоге, модальные обстоятельства активно используются в устной речи, прежде всего в повествовательных предложениях. В основном к этой группе относятся модальные наречия (*säkert* – «наверняка», *kanske* – «может быть», *tyvärr* – «к сожалению» и др.) и частицы (ju – ведь, väl – же, nog – наверное и др.), но также и некоторое количество модальных словосочетаний (*utan tvivel* – «без сомнения», *bannemej* – «черт возьми» и др.).

> Vi fick inte riktigt dom leveranser vi hade räknat med. Men sånt händer ***ju tyvärr*** nu för tiden [Carl-Henning Wijkmark. Den moderna döden]. – «Доставка, на которую мы так рассчитывали, не поступила. Впрочем, такое ***ведь***, ***к сожалению***, случается в наше время»[1].

[1] Здесь и далее перевод авт. – *Ю. Ф.*

2. ***Связующие*** (***konjunktionella satsadverbial***) указывают на наличие логической связи между содержанием конкретного высказывания и контекстом. К этой группе относятся, в основном, наречия (*således* – «таким образом», *likaså* – «также», *emellertid* – «тем не менее», *nämligen* – «собственно»):

> Dennes namn var Möller. Min far var således Möllers efterträdare (*Magnus Florin. Syskonen*). – «Его звали Мёллер. Мой отец был, ***таким образом***, преемником Мёллера».

3. ***Выделительные*** (***fokuserande satsadverbial***) подчеркивают тот или иной член предложения. Наиболее распространенные слова этой группы: *särskilt* – «особенно», *åtminstone* – «по крайней мере», *exempelvis* – «например», *bara* – «только»:

> Till frukost har hon ***bara*** ätit en vit brödbit... (*Inger Edelfeldt. Snälla, snälla Jenny*) – «На завтрак она съела ***только*** кусок белого хлеба…»

4. ***Отрицательные*** (***negerande satsadverbial***) вносят в предложение отрицание и обычно занимают постпозицию по отношению к другим фразовым обстоятельствам:

> Det kanske var åtta minuter sen. Jag har ***tyvärr inte*** tagit tiden. [Karin Alvstegen. Svek] – Возможно, это случилось восемь минут назад, я, ***к сожалению***, ***не*** засек время.

Модальные обстоятельства, в свою очередь, тоже делятся на группы по семантическому признаку [SAG 1999, т. 4, с. 103–113] и могут выражать следующие значения:

1. Достоверность (sannolikhet)

Семантика слов этой группы ограничивает их использование в вопросительных или восклицательных предложениях:

*Regnar det ***nog***?[1] [SAG 4:103]
****Конечно***, идет дождь?
*Gå ***antagligen*** på bio med mig! [там же]
*Сходи со мной, ***вероятно***, в кино!

[1] Звездочкой (*) отмечены конструкции, противоречащие нормам языка.

Авторы Шведской академической грамматики [SAG 1999, т. 4, с. 102–103, 105] выделяют среди модальных обстоятельств этой группы две подгруппы: к первой относятся слова, выражающие разную степень уверенности говорящего в достоверности высказывания (например, *antagligen* «наверное»), а ко второй – слова, которые говорящий вводит, когда хочет продемонстрировать собеседнику свою уверенность в достоверности высказывания (например, uppenbarligen «очевидно»). Но так как граница между высокой степенью уверенности (первая группа) и полной уверенностью (вторая группа) очень расплывчата (ср., например, *garanterat* «гарантированно» и *definitivt* «определенно»), нам представляется более целесообразным использовать в качестве критерия для выделения подгрупп степень уверенности говорящего и, таким образом, разделить обстоятельства этой группы на те, которые обозначают:

- Низкую степень уверенности:

  eventuellt, händelsevis, kanhända, kantänka, kanske, måhända, månne, månntro, möjligen, möjligtvis, till äventyrs;

- Среднюю степень уверенности:

  antagligen, förmodligen, gissningsvis, sannolikt, troligen, troligtvis, näppeligen, svårligen, knappast;

- Высокую степень уверенности:

  bergis (*разг.*), bergsäkert (*разг.*), bombsäkert (*разг.*), garanterat, säkerligen, säkert, omöjligen, absolut, bestämt, definitivt, förvisso, helt visst, helt uppenbart; otvivelaktigt, otvivelaktligen, tvivelsutan, utan tvivel, tveklöst, utan tvekan; obestridligen, onekligen, ovedersägligen; bevisligen, påvisligen.

Модальные частицы *väl* «же» и *nog* «вероятно» также относятся к этой группе. Эти частицы в разных контекстах могут выражать среднюю и низкую степень уверенности:

> Hej då Karin... vi håller ***väl*** kontakten? (*Lars Norén. Tyst musik*) – «Пока, Карин ... мы ***же*** будем на связи?».

Также к этой группе относится модальная частица ***ju***, которая выражает высокую степень уверенности говорящего в достоверности высказывания:

Vi har bara varit gifta med samma man... ja, du är ***ju*** fortfarande gift med honom (*Lars Norén. Tyst musik*). – «Мы просто были замужем за одним мужчиной. Ну да, ты ***ведь*** и сейчас за ним замужем».

Однако следует отметить, что это далеко не единственное значение частицы *ju*. Она также может употребляться, когда говорящий хочет подчеркнуть, что достоверность высказывания – резонный, естественный или необходимый вывод из сложившегося положения вещей:

Det var därför vi ville ha borgerlig begravning. Vi tror ***ju*** inte (*Lars Norén. Tyst musik*). – Вот почему мы хотели, чтобы была гражданская панихида. Мы ***ведь*** неверующие.

Другими обстоятельствами, обозначающими естественный или необходимый вывод из сложившегося положения вещей, являются следующие наречия и словосочетания с модальным значением:

av allt att döma, rimligen, rimligtvis, otvetydigt, tydligen, tydligtvis, alldeles uppenbart, uppenbarligen, förstås, givetvis, naturligtvis, ofelbarligen, självfallet, självklart, så klart, visst [SAG 1999, т. 4, с. 106].

2. Усиление (förstärkning)

Говорящий делает акцент на прагматической функции высказывания, дополнительно подчеркивая свое утверждение, обещание, угрозу, вопрос, просьбу и т. п. В этой группе можно выделить стилистически нейтральные лексемы: модальные слова *faktiskt*, *sannerligen*, *verkligen*, *minsann* и частицу *då* (*же*), а также целый ряд слов и словосочетаний, относящихся к сниженной и ненормативной лексике:

bannemej, fanimej, jävlar i mig, verkligen, vid gud, för fan / sjutton / satan / helvete / djäveln / allt i världen / guds skull [там же]:

Vi lever ju ***för sjutton*** inte i något primitivt jägarsamhälle! (*Marie Hermanson. Mannen under trappan*) – Мы ведь, ***черт возьми***, живем не среди первобытных охотников!

Jag hulkade förtvivlat: «Varför tog du honom ***då***?» (*Fredrik Backman. Ditt livs affär*) – «Я горестно всхлипнул: – Зачем ***же*** ты тогда его забрала?»

3. Отсылка (hänvisning)

Говорящий подстраховывается, ссылаясь на некий источник информации или обстоятельства, которые необходимо принять во

внимание, чтобы высказывание было расценено как достоверное. Здесь выделяют несколько подгрупп:

3.1. Говорящий ссылается на кого-то или что-то в качестве источника своего утверждения:

> ***Enligt*** henne är det bara kurderna som strävar efter de värdena[1]. – «***По ее словам***, только для курдов эти ценности имеют значение».

3.2. Говорящий ссылается на определенную точку зрения или особый способ рассмотрения, которые нужно принять, чтобы высказывание могло считаться достоверным:

> definitionsmässigt, egentligen, erfarenhetsmässigt, i vilket fall som helst, i praktiken, i princip, i och för sig, i realiteten, i verkligheten, i bokstavlig mening, i grund och botten, i själva verket, på sätt och vis, rent allmänt / mänskligt, under alla förhållanden / omständigheter rätt förstått; noga räknat, högt / lågt räknat; djupast sett, formellt sett, i stort sett, normalt sett, relativt sett; praktiskt taget, på det hela taget, strängt taget, över huvud taget; rätt tolkat [SAG 1999, т. 4, с. 109]:

> ***I själva verket*** hade de inte längre funnits kvar i huset vid den tiden (*Marie Hermanson. Mannen under trappan*). – «***На самом же деле*** их в это время уже не было в доме».

В Шведской академической грамматике [SAG 1999, т. 4, с. 108] выделяются еще две группы модальных обстоятельств со значением отсылки. Эти обстоятельства употребляются тогда, когда:

а) говорящий не может гарантировать достоверность высказывания по причине ограниченности своих перцептивных и ментальных способностей

> efter vad det verkar, efter vad jag kan förstå, efter vad jag vet; enligt min mening, enligt vad jag vet, mig veterligt; om jag har fattat saken rätt, om jag inte missminner mig / minns fel; så vitt jag / man / vi vet, så vitt jag förstår; vad jag kan förstå, vad jag vet, vad jag förstår; som bekant; som vi vet, som (vi) väl alla vet, såsom utan vidare inses.
>
> ***Så vitt jag förstår*** har hon inte nämnt dig till en enda människa under alla år (*Majgull Axelsson. Aprilhäxan*). – «***Насколько я понимаю***, за все эти годы она не рассказала о тебе ни одному человеку».

[1] URL: https://inosmi.ru/politic/20160421/236222656.html.

б) говорящий сообщает, по какой именно причине он говорит то, что говорит:

Förut hette det Saint någonting – om jag tänker på rätt hus [SAG 1999, т. 4, с. 113]. – «Раньше он [этот дом] назывался “Святой что-то” – если это тот дом, о котором я думаю».

Но поскольку здесь мы имеем дело с субъектно-предикатными структурами, нам представляется, что это особый случай, который выходит за рамки данной классификации и требует отдельного рассмотрения.

4. Оценка (evaluering)

Говорящий дает оценку тому, о чем сообщается в высказывании. Здесь выделяются несколько возможных случаев употребления модальных обстоятельств.

4.1. Говорящий прямо выражает положительную или отрицательную оценку содержания высказывания:

Tyvärr pekar allt nu i samma riktning[1]. – «К сожалению, сейчас все указывает в том же направлении».

4.2. Говорящий соотносит высказывание со своими ожиданиями или же передает свое впечатление от сказанного. В данном случае для выражения оценки нередко используется сочетание прилагательного или причастия I + частица *nog*:

Konstigt nog är det först nu jag ser henne (*Caroline Eriksson. De försvunna*). – «Как ни странно, я заметила ее только теперь».

В эту группу входят следующие слова:

beklagligtvis, dessbättre, dessvärre, med rätta, olyckligtvis [SAG 1999, т. 4, с. 109].

Эти модальные обстоятельства обычно используются в ответах не самостоятельно, а в сочетании со словами *ja* (*да*), *jo* (*да нет*) или *nej* (*нет*).

Vet ni när hon kommer? ***Nej, tyvärr*** (*Marie Hermanson. Hembiträdet*). – «Вы знаете, когда она придет? – ***К сожалению***, ***нет***».

[1] URL: https://inosmi.ru/politic/20180428/242109806.html.

К этой группе модальных обстоятельств примыкает еще одна группа словосочетаний, при помощи которых говорящий характеризует собственный речевой акт с точки зрения его содержания и формы:

i förbigående sagt, i förtroende sagt, inom parentes sagt, kort sagt, med förlov sagt, minst sagt, rent ut sagt, rättare sagt, som sagt, uppriktigt sagt; som man säger, så att säga; bildligt talat, bokstavligt talat, ärligt talat, enkelt uttryckt, fritt översatt; med andra ord, utan överdrift [SAG 1999, т. 4, с. 112].

Men ***uppriktigt sagt*** tror jag att hon är för gammal (*Marie Hermanson. Hembiträdet*). – «Но, ***откровенно говоря***, мне кажется, что она слишком старая».

Эти модальные обстоятельства обычно не могут самостоятельно употребляться в качестве ответа на вопрос:

Har han några pengar? – ****Ärligt talat*** [там же]. –
«У него есть деньги?» – *«***Честно говоря**».

Однако они могут комбинироваться с модальными обстоятельствами других групп, например модальными частицами, которые в этом случае характеризуют степень достоверности высказывания:

Hon hade ***ju***, ***som sagt***, själv någonting att syssla med (*Inger Edelfeldt. Betraktandet av hundar*). – «***Ведь*** ей, ***как уже говорилось***, тоже было чем заняться».

Проблема именования и выделения шведских модальных частиц

Как было сказано выше, в шведском языке не принято выделять модальные частицы в отдельный класс. Современные исследователи называют их дискурсивными частицами (diskurspartiklar), дискурсивными маркерами (diskursmarkörer), обстоятельствами речевого акта (talaktsadverbial) или модальными частицами (modalpartiklar), исходя из тех функций, которые частицы могут выполнять. Такое разнообразие терминов свидетельствует «не только о множественности подходов исследователей, но и о полифункциональности и семантической «размытости» частиц» [Eriksson 1988].

Интерес шведских лингвистов к изучению частиц совпал с началом изучения особенностей разговорной речи. В 1963 г. прошла первая

конференция, посвященная вопросам структуры и функционирования «живого» шведского языка «Svenskans beskrivning» («Описание шведского языка»), на которой Ёста Хольм [Holm 1964] выступил с докладом, посвященным синтаксису разговорной речи. Окрестив модальные частицы *ju* и *väl* легкими обстоятельствами (lätta adverbial), он указал на необходимость выработки критериев для их отграничения от других модальных обстоятельств. Это стало поворотным моментом в изучении частиц. В 1977 г. Карин Аймер [Aijmer 1977] продолжила исследование лексем *ju* и *väl* и назвала их модальными частицами (modala partiklar). Аймер провела параллель между ними и обычными обстоятельствами (vanliga adverbial), руководствуясь тем, что частицы «занимают безударную позицию и больше привязаны к определенному месту в предложении (постпозиции по отношению к предикату в главном предложении) [там же]. Она же высказала мнение о непереводимости этих лексем и трудностях, которые возникают при их усвоении иностранными учащимися.

Помимо К. Аймер, так называемый просодический критерий выделения модальных частиц встречается у С. С. Масловой-Лашанской, которая, кроме того, подчеркивает, что частицы – это слова, «значения которых вне контекста трудноопределимы» [Маслова-Лашанская 2005, с. 286]. Авторы Шведской академической грамматики также определяют частицу как «безударное модальное обстоятельство, наиболее применимое в устной речи» (obetonat satsadverbial som särskilt används i talad kommunikation [SAG 1999, т. 1, с. 207]). Таким образом, по мнению большинства исследователей, безударная позиция модальных частиц является прототипической.

Просодический критерий не является единственным. Для выделения модальных частиц можно также использовать некоторые критерии, предложенные Э. Б. Крыловой [Крылова 2012, с. 38–40] для датского языка (несмотря на различия в количестве и способах использования конкретных частиц в шведском и датском языках, общие механизмы их функционирования вполне могут быть сопоставимы):

- ***Морфологический***: частицы морфологически неразложимы, т. е. одноморфемны (*ju*, *väl*, *nog*, *då*), тогда как другие модальные обстоятельства представляют собой, в частности, аффиксальные образования (*verkli-gen*, *antagli-gen*, *naturligt-vis*, *troligt-vis*):

- ***Синтаксический***:
  а. Частицы не могут выступать в качестве ответных реплик, тогда как другие модальные обстоятельства могут[1]:

  Kan han köra bil? – ***Naturligtvis***. – «Он умеет водить машину?» – «***Конечно***».
  Kan han köra bil? – ****Ju***.

  б. Частицы могут употребляться в сочетании с другими эпистемическими операторами, тогда как модальные наречия и словосочетания не могут «подкреплять» друг друга:

  Hjärtinfarkt – det är ***ju verkligen*** något konkret [Marie Hermanson. Hembiträdet]. – «Инфаркт – это ***ведь действительно*** что-то конкретное».

- ***Семантический***: в отличие от других модальных обстоятельств, частицы не имеют собственного лексического значения (инварианта), их семантику можно определить как прагматическую[2]:

  Du vet ***väl*** att han ska komma. – «Ты, ***наверное***, знаешь, что он придет».
  Du vet ***väl*** att han ska komma? – «Ты ***же*** знаешь, что он придет?»

Тем не менее некоторые лингвисты, в частности Т. М. Николаева и К. Аймер, считают, что частицы имеют собственное лексическое значение и реализуют свою прагматическую функцию в результате взаимодействия этого значения с конкретной коммуникативной ситуацией. Кроме того, исследователи видят непосредственную связь между лексическим значением частицы и количеством прагматических функций, которые она может выполнять: чем это значение неопределеннее, тем больше прагматических функций свойственно частице [Aijmer 1977].

Заключение

Таким образом, несмотря на отсутствие унифицированной терминологии и различия в подходах исследователей, представляется

[1] Примеры авт. – *Ю. Ф.*
[2] Примеры авт. – *Ю. Ф.*

возможным выделение в шведском языке на основе рассмотренных выше критериев группы модальных частиц *ju*, *väl*, *nog* и *då*. Первые три частицы (*ju*, *väl*, *nog*) при этом относятся к группе слов, выражающих ту или иную степень уверенности говорящего в достоверности высказывания, последняя частица (*då*) передает значение усиления. Однако анализ материала свидетельствует о том, что это лишь самые общие, прототипические, значения, которые по-разному реализуются в зависимости от контекста и намерения говорящего. В связи с этим наиболее продуктивным методом описания семантики и функций модальных частиц представляется метод пословного описания: «Достаточно полная и ясная картина функционирования частиц может быть представлена только на основе пословного их описания, исследования каждого слова – но обязательно с учетом его парадигматических связей с другими, функционально подобными, словами» [Стародумова 1974, с. 3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Крылова Э. Б. Система и функции модальных частиц в датском языке: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012. [Krylova, E. B. (2012). Sistema i funktsii modal'nykh chastits v datskom iazyke (The system and functions of modal particles in Danish): Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)].

Маслова-Лашанская С. С., Толстая Н. Н. Учебник шведского языка. СПб.: Литера, 2005. [Maslova-Lashanskaya, S. S., Tolstaya, N. N. (2005). Uchebnik shvedskogo jazyka (Textbook of Swedish). St. Petersburg: Litera. (In Russ.)].

Николаева Т. М. Текст. Лингвистика текста. Теория текста // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 579. [Nikolajeva, T. M. (1990). Tekst. Lingvistika teksta. Teorija teksta (Text. Text linguistics. Text theory). In V. N. Jarceva (ed.), *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'*. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija. P. 579. (In Russ.)]

Стародумова Е. А. Акцентирующие частицы в современном русском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1974. [Starodumova, E. A. (1974). Aktsentirujushchie chastitsy v sovremennom russkom literaturnom jazyke (Accentuating Particles in the Modern Russian Literary Language): PhD in Philology. Leningrad. (In Russ.)].

Aijmer K. Partiklarna ju och väl. Nysvenska studier 57. Uppsala, 1977.

Eriksson M. Ju, väl, då, va, alltså – en undersökning av talaktsadverbial i stockholmskt talspråk // Studier i stockholmsspråk 1. Stockholm: Stockholms universitet, 1988.

Heinrichs W. Die Modalpartikeln im Deutschen und Schvedischen. Tübingen. Niemeyer, 1981.

Holm G. Talspråkssyntax. Förhandlingar vid Sammankomst för att dryfta frågor rörande svenskans beskrivning. Stockholm, 1964.

Teleman U., Hellberg S., Andersson E. Svenska Akademiens grammatik (SAG, Swedish Academy grammar). Stockholm: Norstedts, 1999. Vol. 1, 4.

УДК 811.13, 81. 44 **DOI 10.52070/2542-2197_2021_5_847_182**

G. V. Ovtchinnikova, A. S. Ovchinnikova

Ovtchinnikova G. V., Université d'Etat pour la région de Moscou
galinaovcthinnikova@yandex.ru

Ovchinnikova A. S., Académie Internationale de Police
asovchin@gmail.com

L'ANALYSE COMPARATIVE DES HÔTELONYMES EN FRANÇAIS, EN ESPAGNOL ET EN ITALIEN

Pour la première fois on propose le terme de l'hôtelonyme pour les noms propres qui désignent les hôtels, les gîtes, les auberges dans les langues romanes.On prévoit l'analyse contrastive des hôtelonymes français, italiens et espagnols. La diversité des noms d'hôtel, utilisés par les linguistes, ainsi que parfois la confusion de certains termes, exigent leur précision dans les systèmes socio-culturels et pragmatiques des langues romanes. L'approche pragmatique permet de faire la classification des pragmatonymes dans les trois langues en question. L'analyse étymologique met en relief le code culturel des hôtelonymes français, italiens et espagnols. L'analyse dérivationnelle nous fait voir la structure des noms propres dans l'hôtellerie des pays des langues romanes. L'analyse componentielle sert de base pour dégager les sèmes noyaux, les sèmes différentiels et les sèmes potentiels qui nous montrent le décalage sémantique entre le nom commun et le nom propre lors de la transonymisation.

Mots clés: pragmatonyme; oïkonyme; hôtelonyme; transonymisation.

G. V. Ovtchinnikova, A. S. Ovtchinnikova

Ovchinnikova G. V., Doctor of Philology,
Professor of the Department of Romance Philology,
Moscow State Regional University; Head of the Department of Linguistics,
Human and Natural Sciences, International Police Academy (Tula)
galinaovcthinnikova@yandex.ru

Ovchinnikova A. S., Senior Lecturer, Department of Linguistics,
Human and Natural Sciences, International Police Academy (Tula)
asovchin@gmail.com

COMPARATIVE ANALYSIS OF FRENCH, ITALIAN AND SPANISH HOTELONYMS

For the first time, the term otelonym is proposed for the nomination of hotel business terms based on the material of romance languages and a comparative analysis of nomens in French, Italian and Spanish is carried out. The pragmatic approach makes it possible to classify pragmatonyms in the three languages under consideration.

CC BY

Etymological analysis helps to identify the etymons of both derived and non-derived lexemes-hotel names. Word-formation analysis provides a picture of the implementation of patterns inherent in the word-formation systems of French, Italian, and Spanish. Seminal analysis is the basis for updating nuclear, differential, and potential semes. The results of the research will fill a gap in both theoretical and practical research in the field of onomastics on the example of Romance languages.

Key words: pragmatism; oikonym; otilonium; transnistia.

Introduction

L'étude des termes évoque le dernier temps un grand intérêt des linguistes [Bondarchuk 2014]. L'analyse des pragmatonymes contrastive et typologique a une base solide, élaborée dans les laboratoires de recherches différents Alvaro, Rocchetti, Begioni, Lois Louis, Bracquenier, Christine Sandrine.

Les uns se concentrent sur les aspects diachroniques (Alberto Manco), d'autres s'intéressent aux approches synchroniques (Sophia Saffi, Stépane Pagès, Galina Ovchinnikova).

L'onomastique est une branche linguistique assez récente dont les recherches sont issues de la tradition dauzatienne en 1938. Depuis le Premier Congrès des onomasticiens, initié par Albet Dauzat les débats autour de la défintion des termes de l'anthroponymie et de la toponymie restent toujours très aigüs. La naissance de nouveaux termes éblouit tous les chercheurs: ethnonymes (noms des pays) hydronymes (noms des fleuves, lacs, étangs), oronymes (noms des montagnes, collines), chrématonymes (noms de marques, de produits), praxonymes (noms des fêtes), oïkonymes (noms des lieux habités), urbonymes (noms de monuments, d'églises, de gares), odonymes (noms des rues, des voies de communication), platéonymes (noms des places), endonymes (noms des lieux frontaliers), actonymes (noms des évènements historiques), des hagionymes (noms des lieux religieux), hemeronymes (noms des médias de masse),gérotonymes (noms de festivals, concours, concerts), poreyonymes (noms des véhicules) etc.

1. L'analyse sémique des hôtelonymes

Les onomasticiens énumèrent comme les branches principales de l'onomastique: l'anthroponymie, la toponymie et la chrématonymie

L'analyse sémique des noms propres permet de dégager le sémème qui est composé de sèmes noyaux, de sèmes différentiels et de sèmes potentiels [Manco 2013]. Les sèmes se réalisent dans le contexte par le jeu de l'activation des sèmes ce qui explique la diversité des termes de l'appareil notionnel de l'onomastique.

Par exemple, l'analyse sémique des noms propres «*Moscou*» et «*Toula*» permet de les caractériser comme toponymes, en premier lieu. A la différence des noms de pays ces noms propres sont oïkonymes, car on est en présence de l'actualisation de leur sème noyau «ville». Les deux nomps propres réalisent les sèmes différentiels « chef-lieu de la région», la ville de Moscou a le sème différentiel supplémentaire qui est «capitale». Ces noms propres ont aussi les sèmes potentiels qui peuvent se réaliser dans les contextes différents. Le sème potentiel peut former la structure sémantique des hydronymes: la Moscova (Moscou-rivière), la Toulitsa (Toula-rivière). Un autre sème potentiel participe à la formaton de la structure sémantique des urbonymes: la gare de Moscou, la gare de Toula. Dans le domaine de la pâtisserie on constate la réalisation du sème potentiel chrématonymique de ces noms propres: un gâteau «Moscou», un pain d'épices «Toula». A Toula il y a deux hôtels qui portent les noms «Moscou» et «Toula». Nous proposons de nommer ce type de noms propres «hôtelonyme».

Certains linguistes confondent les notions «pragmatonyme» et « chrématonyme », en mettant le signe d'égalité entre leurs défintions [Grigoriéva 2007, pp. 454–459]. Ils nomment «pragmatonymes» toutes les marques commerciales verbales.

Afin d'essayer de trouver la cause de cette confusion nous proposons de faire attention aux différentes approches au corpus factitif. En premier lieu, il faut distinguer les notions de la langue et du langage [Pagès 2019]. Si l'on étudie le nom propre dans le volet de la langue, le nom propre pourra être considéré comme asémantique, autrement dit, c'est un signifiant avec un signifié vide. Et ce n'est pas par hasard que l'auteur du Petit Robert Alain Rey a remarqué que l'absence des noms propres dans les dictionnaires c' est une question souvent évoquée par les linguistes. Par conséquent, au moment, où le nom propre passe de la langue au langage ce référent lui passe son lot de sèmes. Dans cette situation on parle de l'approche socio-pragmatique qui permet de nommer les noms propres « les pragmatonymes » et faire leur classfication d'après leurs fonctions dans le discours.

2. L'analyse socio-culturelle des hôtelonymes

L'analyse socio-culturelle est indispensable pour comprendre la référence et le sens pragmatique des noms propres [Kuzmenko 2018]. Elle nous met dans le contexte pragmatique qui est une sorte de liaison entre le langage et la société. Le nom commun peut passer facilement dans la catégorie du nom propre. Par exemple, les noms d'hôtel «*Flore*» (fr.), «*Flora* » (it.) , « *Flor* » (esp.) sont devenus les noms propres. Du point de vue pragmatique ce nom propre est pragmatonyme qui est hyperonyme par rapport à ses hyponymes suivants: un ethnonyme et un urbonyme selon les sèmes de localisation dans les pays et les villes, un oïkonyme comme un lieu habité, un ergonyme actualise le sème de l'organisation (réseau touristique), un floronyme selon le label de l'hôtel.

Comme l'objet d'étude des noms d'hôtel dans les langues romanes dans l'aspect d'usage des noms propres dans les cultures, nous prenons en considération comme terme de base: hôtelonyme (hôtel+.ὄνομα) qui entre à son tour dans la classe des pragmatonymes et oïkonymes.

L'étude des hôtelonymes et de leur caractéristique pragmatique permet de comprendre la spécificité des noms propres dans les cultures italiennes, espagnoles et françaises [Lecuit 2012]. Il est à noter que les hôtels sont devenus une partie intégrante de l'espace tourismo-linguistique de la ville moderne. L'«explosion honymique» des années 1990 a touché non seulement les établissements commerciaux, mais aussi les établissements de service urbain: salons de beauté, salons de coiffure, hôtels, restaurants, etc. La fonction principale de l'hôtel est d'attirer les clients, il s'en suit que l'hôtelonyme est sous l'influence de plusieurs facteurs extralinguistiques: il doit attirer l'attention du public, être facile à retenir, susciter des associations positives, être compris par le grand public, refléter les codes culturels et les priorités sociales inhérentes à la vie moderne ou de l'époque.

3. La formation des noms propres dans le domaine de l'hôtellerie

L' une des méthodes les plus efficaces et les plus pratiques d'analyse de la formation des noms propres dans le domaine de l'hôtellerie c'est l'analyse dérivationnelle, l'analyse morphémique et l'analyse étymologique.

Tous les hôtelonymes des langues comparées sont classés comme dérivés et non-dérivés. Les dérivés et les mots construits sont les plus fréquents dans les langues romaines. La suffixation domine la préfixation et la dérivation parasynthétique dans toutes les trois langues [Rocchetti, Begioni, Bracquenier 2013; Ovchinnikova 2015]:

Villa Grazianelle, Rivetto, Pogerino (*it.*)
Castillo de Buen Amor (*esp*.)
La Bergerie, Hôtel des Aiglons, le Feuillage (*fr*.)

Le mécanisme de la formation des mots est présenté par l'abbréviation, les mots-téléscopes, la conversion et par les mots-composés sans oublier les composites tronqués.

Les moyens de la formation des mots sont typiques pour le français, l'italien et l'espagnol, les méthodes de production de mots les plus fréquentes sont la conversion et l'abréviation. Le succès de l'acronyme, des composites tronqués et du télescopage est directement lié à l'action de la loi d'économie linguistique. Le nom anglais de l'hôtel «B&B HOTEL», où B&B est l'abréviation de *bed and breakfast*, qui désigne un mini-hôtel avec hébergement et petit-déjeuner inclus. L'utilisation d'acronymes n'est pas courante. L'acronyme signifie un type distinct d'acronymes, qui est formé en fusionnant les sons initiaux d'un syntagme lexicalisé et la prononciation liée. L'hôtelonyme français: «Régent petite France & Spa», où les sigles *SPA* c'est un acronyme formé à partir de l'expression latine «*Sanus per Aquam»*, qui se traduit littéralement par *«la santé par l'eau*». On croit que SPA remonte au nom de la ville belge de SPA, célèbre pour ses sources thermales. Lorsque Pierre le Grand a été en visite de cet endroit, on lui a offert une découverte des bains dans les thermes. Le mot tronqué du mot russe SPAssibo (Merci) a donné le nom à cette ville et a aidé à l'exonymisation de cet emprunt russe dans de nombreuses langues européennes.

L'un des moyens les plus actifs de production de noms propres néologiques est considéré comme le télescopage ou les mots-valises, les mots centaures, qui ont atteint leur apogée au XXIe siècle. Les composites tronqués sont aussi souvent trouvés en français: le nom français de l'hôtel *le Floralp* est le processus de l'amalgame *flor* (de flora; Flora) + *alp (*d' Alpes; Alpes).

Le corpus du matériel contient un exemple intéressant de l'hôtelonyme espagnol onomatopéïque*: l'hôtel Miaou.*

4. La classification sémantique des hôtelonymes

La classification sémantique des hôtelonymes nous a permis d'identifier les principales classes de pragmatismes:

a) noms géographiques: *Ohla Barcelona (esp.), Hôtel Como(it:) du nom du célèbre lac italien.*
b) noms, associés aux noms propres: *Hotel Fernando III (esp.), Hôtel Le Mozart (fr.), Luisa Hotel* (*it.*).
c) noms, directement liés à l'hôtellerie, c'est-à-dire, contenant certains éléments indiquant ce domaine: *Hôtel Le Tourisme (fr.) Hotel Buone Vacanze (it.), Hotel Lara turismo* (*esp.*);
d) noms, associés aux saisons: *hôtel Primavera (esp.), hôtel Printemps (fr.), albergo Quattro stagioni (it.);*
e) noms, associés aux zoonymes: *hôtel L'Ours Blanc(fr.), hôtel El caballo blanco (espagnol), hôtel Elefante bianco (it..).*
f) noms, associés aux planètes et astres: *hôtel El Mercure (esp.), hôtel La Vénus Noire (fr.),), La Stella d'Oro (it.).*
g) noms, associés aux fleurs: *Hôtel des Roses (fr.), Hotel Rosas Spanien (esp.), Hotel Hibiscus (it..).*
h) numériques: *Le 2 Asthôtel, Fiat 3, Le 123 Sébastopol*

L' analyse statistique de la classification des hôtelonymes présente le pourcentage suivant, conformément aux langues comparées:

a) éponymes: 27% (fr), 35% (esp.), 33% (it.)
b) noms toponymiques: 23% (fr.),, 18% (esp.), 22% (it.).
c) noms touristiques: 5% (fr.), 20% (esp.), 22% (it.).
d) saisons: 5% (fr.), 5%), 5% (espagnol), 7% (it.).
e) zoonymes: 16% (fr.), 17%), 10% (esp.), 14% (it.).
f) astronymes: 4% (fr.10%), 3% (esp.), 5% (it.).
g) floronymes: 10% (fr.), 5%), 9% (esp.), 12% (it.).

5. L'analyse étymologique et l'analyse interculturelle des hôtélonymes comparés

Cependant, l'analyse étymologique et l'analyse interculturelle des hôtelonymes évoquent un grand intérêt.

Les noms d'hôtel montrent très souvent une tendance à la création éponymique. À Paris, l'Hôtel Napoléon, conçu par le grand architecte Henri Porto en 1923 et commandé par la grande société Martinez, tire son

nom de la proximité de cet hôtel de l'Arc de Triomphe qui a été érigé pour rendre honneur aux victoires de Napoléon Bonaparte.

L'hôtel Crillon doit son nom à un certain Louis Breton-Mu de Balb de Chieri. La famille d'origine italienne de CA Chieri s' est installée en 1456 dans une actuelle commune de Crillon, puis ce mot Crillon, voyageant en France, en particulier en Provence et en Picardie, est arrivé à la capitale et s'est fixé dans le nom de l'hôtel qui est devenu un des hôtels, les plus célèbres de Paris.

Une approche similaire est observée dans le nom de l'hôtel Mariott International qui remonte aux noms de la société familiale des époux Joena Willard et Alice Marriott. Leur siège social est situé dans le Maine, à Bethesda. Le réseau de ces hôtels est présent aussi bien en Angleterre qu'en Espagne.

Habituellement, dans le champ lexico-sémantique des urbanismes, on trouve d'abord un hôtel, puis un restaurant, un café ou un bar portant le même nom.

Le nom de l'hôtel Barrière le Fouquet's à Paris constitue une exception rare à cette tradition culturelle française.

En 1899 Louis Fouquet, marchand de rafraîchissements, a acheté une modeste auberge de cocher à Paris, et son emplacement au centre-ville a fait rapidement de ce restaurant un lieu de rencontre pour la société laïque. A partir de l'an 1903 à l'an 1990, c'était le célèbre bar branché des Champs-Élysées. Ces dernières années, Lucien Barrière, chef du Groupe de l'hôtellerie, a pris la direction de l'hôtel, et il a racheté le quartier du Triangle d'or (angle de l'Avenue Georges V et des Champs-Élysées).

Ainsi, en 2006 l'hôtel Barrière le Fouquet's a rejoint le restaurant le Fouquet's, il est difficile de considérer ce nom comme un mot composé, car il n'a pas de trait d'union, et nous proposons de le classer dans la catégorie des syntagmes lexicalisés.

Les analyses étymologique, culturelle et linguistique du nom de l'hôtel la Belle Juliette qui porte le nom de Juliette Récamier, est particulièrement intéressante. Le nom de Juliette Récamier est devenu un symbole de goût exquis. En tant qu' une hôtesse du célèbre salon littéraire et artistique, elle accueillait un célèbre poète, écrivain, diplomate René de Chateaubriand, un fameux écrivain et critique Augustin Saint-Beuve, un éminent écrivain Germain de Staël, le prince Auguste et de nombreuses autres personnalités de l'époque. Le décor et la décoration de l'hôtel permettent aux visiteurs

de découvrir la vie non seulement de Juliette Récamier elle-même, mais de ses amis , visiteurs du Salon.

L'étude est portée sur les noms lexico-sémantiques de l'hôtellerie en français, en espagnol et en italien, non seulement du point de vue de la structure et de la famille des noms d'hôtel dérivés, mais aussi sur le plan pragmatique et culturel.

En fonction des facteurs intralinguistiques et extralinguistiques, on distingue les moyens les plus productifs d'expression et de formation des noms d'hôtel. Le plus fréquent dans les trois langues juxtaposées est la méthode de formation et de dérivation des mots.

Les moyens affixaux de la formation des mots sont typiques pour le français et l'espagnol, et dans une moindre mesure, ils sont présentés dans la langue italienne: Aldea Ecoturismo Hotel (gérant), Hôtel Le Feuillage (*fr.*). En français, les méthodes de formation de mot les plus fréquentes sont aussi la conversion et l'abréviation [Saffi 2010]. Le succès de l'acronyme, des composites tronqués et du télescopage est directement lié à l'action de la loi de l'économie linguistique. Les emprunts à l'anglais sont fréquents dans les langues romanes: le nom d'l'hôtel «B&B HOTEL», où B&B est l'abréviation de bed and breakfast, désigne un mini-hôtel avec hébergement et petit-déjeuner inclus. L'utilisation d'acronymes est moins courante. L'acronyme est formé par la fusion des sons initiaux de la phrase et se prononce d'une façon liée. Par exemple, le nom français: «Régent petite France & Spa», où SPA est un acronyme, formé à partir de l'expression latine «Sanus per Aquam», qui se traduit littéralement par «la santé à l'aide de l'eau». On croit que SPA remonte au nom de la ville belge de SPA, célèbre pour ses sources thermales. Lorsque Pierre le Grand a visité cet endroit, on lui a proposé de visiter les thermes. Le mot tronqué «Spa-ssibo» (Merci) a donné son nom à cette ville et a répandu l'emprunt-nomen dans de nombreuses langues européennes.

L'un des moyens les plus actifs de production de mots est considéré comme le télescopage qui a atteint son apogée au XXIe siècle. Les composites tronqués sont aussi souvent trouvés en français: le nom français de l'hôtel « le Floralp » est le processus de l'union du flor (de *flora*) + alp (de *Alpes*).

On a l'unique exemple du dérivé onomatopéïque que nous avons rencontré dans le corpus de l'hôtellerie espagnole: le nom de l'Hotel Miaou.

Conclusion

Au cours de notre travail plusieurs questions ont été soulevées. Certaines parmi elles font l'objet de grands débats, car il existe des sujets particulièrement sensibles au sein de la précision de l'appareil notionnel des pragmatonymes. Nous avons présenté les problèmes qui nous semblent fondamentaux non seulement dans la classification sémique des hôtelonymes, mais aussi dans notre analyse de la néolgie des noms propres. En parlant de l'exonymisation, nous avons intérêt d'introduire certaines théories et concepts dans la discussion sur les points clés de la normalisation de l'appareil notionnel des hôtelonymes. Notre futur projet de la publication lexicographique des hôtelonymes dans des trois langues donnera un riche matériel illustratif.

BIBLIOGRAPHIE

Бондарчук Г. Г. Некоторые вопросы теоретического изучения и преподавания современной терминологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 1 (687). С. 21–33. [Bondarchuk, G. G. (2014). Some problems of theoretical studies and teaching of modern terminology. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Linguistics, 1(687), 21–32. (In Russ.)].

Grigoriéva O. Mesto pragmatonimov v onomastitcheskom prostranstvé // Matériali Vtoroy mejdounarodnoy naoutchnoï konférentsii. 2007. T. 1. Pp. 454–459.

Kuzmenko A. Rol' pragmatonimov v formirovanii yazykovoy kartiny mira v komp'yuternykh igrakh (na materiale komp'yuternykh igr serii Fallout) [The role of pragmatonyms in the formation of the linguistic worldview in computer games (based on the Falloutvideo game series)]. Gumanitarno-pedagogicheskoye obrazovaniye. № 4. Pp. 69–75.

Lecuit E. Les tribulations d'un nom propre en traduction. Étude contrastive du nom propre et de sa traduction à partir d'un corpus aligné de dix langues européennes: thèse de doctorat de linguistique. Université François-Rabelais de Tours, 2012.

Manco A. Toponomastica e linguistica:nella storia,nella teoria/a cura di Alberto Manco. Quaderni di AIΩN-Linguistica. Nuovaserie, 1. Napoli: Università degli studi di Napoli L'Orientale, Dipartimento di studi letterari, linguistici e comparati, 2013.

Ovchinnikova G. Sémantitcheskie ossobennosti du lexème « coiffe » en français, Goumanitarnyé védomosti TGPU Léon Tolstoï № 2. 2015. Pp.102–108.

Pagès St. Le signe: produit de quoi ? De la monstrueuse complexité du signe linguistique, Signifiances (Signifying), Université Clermont Auvergne, 2019,

Le symbole est-il diabolique ? Duplicité(s) du signe en question. Vol. 2 (N°1), Pp. 95–110.

Rocchetti A. Le préfixe re- /re-/ri- en français et en italien : étude de psychosystématique comparée // Studia philologia. 2010. № 4.

Rocchetti A., Begioni Lois L., Bracquenier Ch. La déflexivité dans les langues d'Europe. 2019.

Saffi S. La personne et son espace en italien. Limoges: Lambert-Lucas, DL 2010.

УДК 82.92 DOI 10.52070/2542-2197_2021_5_847_192

Я. О. Козлова

соискатель кафедры истории и теории литературы
Новосибирского государственного университета
aworknsk@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА ПАСХАЛЬНОГО РАССКАЗА В ПРОЗЕ А. П. ЧЕХОВА

Исследуются пасхальные рассказы А. П. Чехова 1883–1890-х гг. Ранняя пасхальная словесность Чехова представлена «мелочишками», в которых превалирует анекдотическое начало и социально-сатирическая тематика. «Переломные» рассказы писателя тяготеют к притче, отмечены морализаторством и дидактизмом. В зрелых пасхальных рассказах Чехова актуализируются проблемы поиска истины и одиночества людей. В заключении статьи резюмируются общие наблюдения относительно поэтики пасхальных текстов А. П. Чехова.

Ключевые слова: А. П. Чехов; календарная проза; пасхальный рассказ; пасхальные сюжеты; пасхальная мотивика.

Y. O. Kozlova

External PhD Student (Philology),
Department of History and Theory of Literature,
Novosibirsk State University
aworknsk@yandex.ru

EVOLUTION OF THE GENRE OF EASTER SHORT STORY IN A. P. CHEKHOV'S PROSE

This paper studies Easter short stories by A. P. Chekhov written in 1883–1890s. Chekhov's early Easter literature is represented by «trifles» with prevailing anecdotalism and socio-satiric theme. «Momentous» stories of the writer tend towards a proverb; besides, one can point out moralizing and didacticism. The poetic style of Chekhov's mature Easter stories is expressed through spiritual and moral issues. Questions of searching for truth, dissociation and loneliness of people are actualized. The conclusion of the article gives general review of A. P. Chekhov's Easter stories literary characteristics.

Key words: A. P. Chekhov; calendar prose; Easter short story; Easter plot; Easter motifs.

CC BY

Введение

Пасхальный текст берет свое начало в древнерусской литературе («Слово о Законе и Благодати» Иллариона) и литургической (псалмы, кондаки, каноны) поэзии и драме [Есаулов 2004, с. 7–8; Топоров 1995, с. 359]. И. А. Есаулов справедливо указывает на пасхальную доминанту в русской литературе, утвердившуюся на фоне православной культуры еще в XII в.: «Русская словесность … имеет соборную доминанту, являющуюся выражением пасхального архетипа» [Есаулов 2004, с. 115]. Однако расцвет и одновременное оформление жанра литературного пасхального рассказа приходится на последнюю треть XIX в. [Душечкина 1995; Калениченко 2000; Николаева 2004 и др.].

Среди отличительных особенностей жанра можно выделить приуроченность к пасхальному циклу (от Прощеного воскресенья до Троицы), наличие дидактизма, особый хронотоп – в текстах присутствуют два мира: земной и горний – последнего герой должен достичь в результате нравственного, часто сопряженного с духовными и физическими страданиями, перерождения. Пасхальное «чудо» призвано наставить героя на путь истинный, способствовать его духовному прозрению. Типичные пасхальные мотивы и сюжеты (евангельские мотивы, мотив жизненного самоопределения, мотив раскаяния и прощения, душевного обновления), пасхальная атрибутика и символика (кулич, пасха, свечи, верба; белый, лазурный, красный, золотой цвета и др.) образуют устойчивый мотивный комплекс жанра.

Чрезмерное распространение в массовой печати конца XIX в. пасхальных пародий, фельетонов и других сатирических и юмористических текстов свидетельствует о кризисе жанра, качественно обновить который удается писателям «золотого века» литературы, в том числе и А. П. Чехову.

Цель работы заключается в исследовании эволюции жанра пасхального рассказа в прозе А. П. Чехова (1883–1890-е гг.).

Методологической базой работы послужили фундаментальные труды ведущих чеховедов [Катаев 1979; Тюпа 1989; Линков 1982; Цилевич 1975 и др.], а также современные изыскания в области поэтики писателя [Калениченко 2002; Кубасов 1998; Собенников 1997; Фрайзе 2012]. Основополагающими работами по календарной словесности стали работы Е. В. Душечкиной и С. Ю. Николаевой [Душечкина 1995; Николаева 2004].

Ранняя пасхальная проза А. П. Чехова

А. П. Чехов впервые обращается к жанрам пасхальной словесности в начале своей литературной деятельности, являясь сотрудником различных юмористических журналов («Стрекоза», «Зритель», «Осколки» и т. д.). Чтобы отвечать требованиям этих изданий, писатель начинает освоение пасхальных жанров с пародий и юмористических зарисовок, предметом которых становятся бытовые ситуации.

Календарная приуроченность, *наличие характерной для пасхального цикла атрибутики* и *сюжет «о визитёрах»* прослеживаются в ранних анекдотических текстах Чехова: «Лист (кое-что пасхальное)», «Закуска (приятное воспоминание)» (оба – 1883 г.), «Тайна» (1886). В первых двух сценках обыгрываются типичные «пасхальные» ситуации: подписание праздничного листа и разговение. В пасхальном рассказе «Тайна» к насмешке над изживающей себя традицией наносить визиты значимым лицам добавляется высмеивание увлечения спиритизмом, которое Чехов на заре литературной деятельности (как и всего таинственного, мистического и эзотерического) категорически не поддерживал.

Юмореска «Прощение» (1884) тематически примыкает к группе текстов, в которых повествуется о *курьезных случаях, произошедших с героями в течение пасхального цикла*. В ней пародируется чин прощения, совершаемый в храмах накануне Великого поста. Самый долгий и самый важный для христиан пост в году предваряется Прощеным воскресеньем – днем, когда все верующие должны попросить друг у друга прощения, чтобы приступить к посту с чистой совестью, повинившись в своих грехах, и сосредоточиться на духовной жизни. В юмореске же торжественным образом прощается свинья – «за то, что она … содержит в себе трихины»; взятка – «за то, что ее берут чиновники»; литераторы – «за то, что они еще и до сих пор существуют» и проч. [Чехов 1983, т. 2, с. 347].

В пасхальном рассказе «Накануне поста» (1887) действие также приурочено к Прощеному воскресенью. Однако в этом произведении герои вовсе не стремятся к духовному просветлению: они только и думают о том, как бы побольше съесть, чтобы со спокойной совестью преступить рубеж Великого поста. Писатель высмеивает обычай наедаться впрок, «заговляться» перед главным многодневным духовным и физическим испытанием в православном годовом цикле.

Персонажи комичны и едят вовсе не потому, что проголодались, а потому, что «есть всё-таки нужно» [Чехов 1983, т. 6, с. 86].

В рассказах «Вор» (1883) и «Мелюзга» (1885) А. П. Чехов пародирует ставший «классическим» к последней трети XIX в. *мотив духовного очищения и перерождения человека во время Святой недели и в пасхальную ночь в частности*. В персонажах этих рассказов глубоко укоренился «ветхий человек», не гнушающийся преступить божественные заповеди, – поэтому им не суждено обрести душевный покой и стать полноценными личностями.

Персонаж первого рассказа, ссыльный Федор Степанович, отбывающий в Сибири наказание за воровство, в Великий праздник не стремится к духовному преображению. Он завидует своему товарищу по несчастью – вору Барабаеву, чувствует злость и обиду. Его душевная смута коррелирует с мотивом природного нестроения, непогоды, который повторяется в произведениях писателя (например, в рассказе «Студент» (1894)): «Скверно! А *там* теперь, небось...» (курсив авт. – *Я. О.*) [Чехов 1983, т. 2, с. 108]. «*Там*», т. е. в другом, «нормальном» мире, все лучше: вместо луж – «молодая зелень», ветер не бьет наотмашь, а «несет дыхание весны», вместо «грязного забора – зеленый палисадник и его домик с тремя окнами» [там же]. В *здешнем* же мире жить по-старому невозможно, так как в нем, по мнению персонажа, живут не люди, а «звери» [там же, с. 110]. Однако Федор Степанович не замечает, что и сам опошлился и превратился в эгоистичного, мелочного и жестокого человека – такого же «зверя», который способен погубить живую тварь: в пасхальную ночь герой убивает принадлежащую хозяину птицу.

В пасхальном рассказе «Мелюзга» чиновник Невыразимов в Святой праздник, подобно Федору Степановичу, страдает и тоскует: он необразован и беден, поэтому не может продвинуться по карьерной лестнице. Мрачное настроение Невыразимова не могут исправить ни благовест церковных колоколов, ни ликование торопящейся к заутрене праздничной толпы. В Великий праздник чиновничьи думы полны мыслей о способах наживы и обретения власти. В желании самоутвердиться Невыразимов умерщвляет таракана (ср. этот эпизод с убийством птицы Федором Степановичем) и сжигает насекомое в керосиновой лампе. Убийство живого существа символично: по мнению М. Фрайзе, в каком-то смысле таракан повторяет земной путь

Спасителя [Фрайзе 2012, с. 30]. Смерть насекомого хотя бы на короткий миг дает надежду Невыразимову на счастливое будущее (типичный пасхальный мотив упования на спасение). Однако этот миг недолог: лампа, в которой почти закончился керосин, через мгновение снова начинает «коптить и вонять гарью» [Чехов 1983, т. 5, с. 209].

Таким образом, на заре своей литературной деятельности Чехов прибегает к пародии, высмеивает погрязших в суетности и мелочности жизни персонажей, для которых уже невозможно духовное перерождение. Однако, начиная с рассказа «Святою ночью» (1886), писатель обращается к «классическому» пасхальному тексту, наполняя его «душеспасительным» содержанием, которым характеризуется его зрелая пасхальная словесность [Калениченко 2000; Собенников 1997; Фрайзе 2012 и др.]. Жанровые черты пасхальной словесности в зрелом творчестве Чехова рассмотрены далее на материале его менее известных календарных рассказов.

Пасхальные рассказы А. П. Чехова «переломного» 1887 года

Среди пасхальных текстов писателя одними из наиболее узнаваемых являются следующие три рассказа: «Казак», «Письмо», «На страстной неделе» (все – 1887). Они написаны в период творческого перелома и трансформации художественного метода Чехова (1886–1887) и стоят несколько особняком от прочих пасхальных рассказов писателя в связи с явным увлечением им идеями Л. Н. Толстого в эти годы [Бердников 1997; Линков 1982; Собенников 1997; Фрайзе 2012 и др.].

Переживая в 1887 г. мировоззренческий кризис, Чехов обратился к *аксиологическим доминантам учения Толстого, воплощавшимся в стремлении делать добро, быть справедливым и милосердным*. Однако настоящим «толстовцем» молодой литератор не стал. Ему были чужды идеи непротивления злу насилием, аскетизм и неприятие Толстым технического и научного прогресса.

Тем не менее пасхальный рассказ «Казак» отличается не характерным для Чехова в последующие годы *снижением объективности*. Поддавшись настроениям Толстого, писатель вкладывает в уста своего героя Торчакова объяснение ключевой идеи произведения, что максимально сближает жанровую интенцию рассказа с притчей: «Я все

думаю: а что, если это *Бог нас испытать хотел* (курсив наш. – *Я. О.*) и ангела или святого какого в виде казака нам навстречу послал? Ведь бывает это. Нехорошо, Лизавета, обидели мы человека!» [Чехов 1983, т. 6, с. 167) (о жанре притчи в качестве повествовательной модели см.: [Тюпа 2014]). Нетипичный для своей художественной манеры дидактизм в рассказе отмечал и сам писатель в письме брату, сообщая, что «“Казак” уж чересчур толстовистый» (см. коммент.: [там же, с. 658]).

Евангельскими реминисценциями и символикой христианского календаря проникнут следующий опубликованный в пасхальном номере «Нового времени» (18 апреля 1887 г.) рассказ Чехова – «Письмо». В нем писатель обращается *к сюжету прощения и спасения заблудших душ* – отца Анастасия и Петра, сына дьякона Любимова. Первый – опустившийся, жалкий, спившийся человек, которого отстранили от места и запретили проводить службы, второй – грешник, не соблюдающий пост, живущий во грехе с женщиной и не верящий в Бога. Антагонистом этих пропащих людей является строгий отец Федор Орлов, очень умный, образованный и уважаемый человек. Он помогает составить морализаторское письмо Петру, поражающее дьякона и отца Анастасия глубиной и точностью формулировок, за которыми скрывается порицание и недовольство тем, как Петр распоряжается своей жизнью. Однако отец Анастасий уговаривает дьякона простить неразумного сына: «Да и то рассуди, не праведников прощать надо, а грешников» [Чехов 1983, т. 6, с. 162]. В его словах угадывается эпиграф к роману «Воскресение» Л. Н. Толстого, взятый из Евангелия от Матфея: «Тогда Петр приступил к Нему и сказал: Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз? Иисус говорит ему: не говорю тебе: до семи раз, но до семижды семидесяти раз» (Мф 18:21–22). О великой силе любви и милосердия Л. Н. Толстой не раз писал в публицистический работах – мыслитель был уверен, что Бог есть любовь. Поэтому Чехов в период увлечения «толстовством» отчасти транслировал религиозные идеи в толстовской «огласовке» в своих произведениях.

Выбор имен в рассказе неслучаен: Анастасий с *греч.* – «воскресший», это единственный персонаж рассказа, который, несмотря на свои душевные переживания и жизненные неурядицы, остался великодушным и милосердным. Отец Федор оказывается злопамятным и резким, суровым человеком. Он забывает о душевной доброте

и не жалеет Петра, а присутствие отца Анастасия тяготит его. Дьяк Любимов тоже грешен – он превозносит заслуги благочинного и готов обидеть родного сына, тем самым забывая о второй заповеди Моисея: «Не сотвори себе кумира» (Исход 20:4). Любимов не слушает советов отца Анастасия и всё же отправляет Петру письмо, однако слова отца Анастасия напоминают ему о любви к сыну (отсюда и фамилия Любимов). И в конце послания священнослужитель добавляет приписку бытового характера, сводящую строгий тон письма на нет и свидетельствующую о *восторжествовавшем прощении – главной теме пасхального рассказа.*

Произведение «На страстной неделе» отличается от первых двух рассказов, входящих в «толстовский» цикл, прежде всего *обращением писателя к способу восприятия мира ребенком.* Именно посредством детского сознания описывается пасхальная обрядность и особое духовное состояние, присущее людям в преддверии Пасхи. Окружающий мир воспринимается глазами мальчика, поэтому в произведении соседствуют настоящая и воображаемая действительность: так, отправляясь и на исповедь и глядя на разливающиеся весенние лужи и ручейки, маленький Федя задается вопросом: «Куда, куда плывут эти щепочки?» [Чехов 1983, т. 6, с. 141]. Непосредственность мироощущения ребенка подчеркнута детализацией и как бы сокровенными «мыслями вслух»: в повествование включены искренние эмоции и впечатления мальчика от увиденного на улице, дома и в церкви.

Ввиду календарной приуроченности в рассказе присутствуют христианские мотивы (мотив всепрощения, духовного перерождения, очищения от скверны), пасхальная атрибутика и обрядность (описание церковного действа исповеди и службы в Великий четверг, аналой, крест, рясы священника, запах ладана, голубая подкладка рукава священника, светло-голубое платье дамы в церкви). Вместе с пробуждением природы после исповеди оживает и душа героя. После исповеди даже злейший враг – задира и плут Митька, сын прачки, – больше не вызывает у героя ненависти и злобы.

Чехов был одним из первых русских писателей, кто расширил традиционный пасхальный рассказ посредством включения в жанровую поэтику точки зрения повествователя-ребенка, его непосредственного взгляда на окружающий мир. Искренние эмоции героя, обилие «праздничных» деталей в совокупности с описываемым весенним

пейзажем были призваны вызвать эмотивный отклик читателей, напомнить им об особом мироощущении в пасхальные дни.

Зрелая пасхальная проза А. П. Чехова: «Бабы» (1888), «Скрипка Ротшильда» (1894), «Убийство» (1895)

В зрелом творчестве писателя актуализируется тема познания истины посредством собственного опыта. Размышлениями на тему о том, как человеку жить в этом мире, демонстрацией трагической разобщенности людей, пересмотром всего жизненного пути отмечены пасхальные рассказы А. П. Чехова «Студент» (1894) и «Архиерей» (1902). Эти вершинные прозаические тексты писателя не раз становились объектами исследовательского внимания чеховедов, справедливо отмечающих в них завершение основных тем, мотивов и эстетических доминант Чехова [Тюпа 1989; Кубасов 1998; Собенников 1997 и др.]. Поэтому мы считаем целесообразным обратиться к менее изученным произведениям Чехова, в которых прослеживается эпизодическая отнесенность к пасхальному циклу: рассказам «Бабы» (1888), «Скрипка Ротшильда» (1894), «Убийство» (1895). *Проблема «раскрытия» сознания посредством сильного эмоционального потрясения* и *календарная приуроченность* позволяют нам рассматривать их в качестве целостного смыслового единства.

В рассказе «Бабы» во вставном фрагменте повествуется о совращении солдатки Машеньки неким «проезжим человеком» Матвеем Саввичем на Страстной седмице – в сакральное время, предназначенное для постижения высших смыслов бытия и отречения от повседневной суеты. Пытаясь искупить грех прелюбодеяния, персонаж-рассказчик бьет Машеньку уздечкой, читает наставления и, боясь осуждения соседей, отказывается от любви к ней. Однако самым жутким эпизодом мемората рассказчика является сцена в изоляторе с осужденной за убийство Машенькой, против которой свидетельствовал сам Матвей Саввич: «Ее, говорю, грех. Скрывать нечего, не любила мужа, с характером была…» [Чехов 1983, т. 7, с. 347]. Не имея веских доказательств, отринув сострадание и ту толику человечности, которая оставалась в его душе, он способствует ссылке Машеньки в Сибирь, осмеливается *судить* человека, распоряжаться его судьбой, что в системе нравственных координат чеховского творчества считается

наивысшим злом. А. П. Чехов считал, что свободное сознание – залог свободы нравственной, которой не обладает Матвей Саввич.

Машенька же, напротив, «освобождается» от любовной пелены и переживает трагическое потрясение вследствие предательства близкого человека и осознания скорой разлуки с сыном. Именно в заключении Машеньке удается разглядеть, какой бес таится под личиной «совестливого» и «честного» Матвея Саввича. К сожалению, истина становится доступной героине слишком поздно: на пути в Сибирь она умирает. Однако в этически-ценностном плане ее положение оказывается куда выше положения Матвея Саввича: в ее сюжетной линии воплощаются *пасхальные мотивы жертвенности и духовного возрождения через телесные и нравственные страдания.*

Ключевое событие следующего рассказа Чехова «Убийство» (1895) происходит в начале Страстной седмицы, в Великий понедельник: Яков Иванович Терехов совершает братоубийство. Календарная привязка отсылает нас к евангельскому сюжету об иссушении бесплодной смоковницы: Спаситель явил свое могущество и иссушил неплодоносное дерево. Так же Господь мог поступить и со своими врагами, но позволил распять себя за грехи человеческие. Иссохшая смоковница стала символом непоколебимой веры и силы молитвы, без которых человек духовно мертв – что и случилось с семьей Тереховых (Яковом Ивановичем, Аглаей и Дашуткой).

Предваряют жестокую расправу над Матвеем Тереховым неоднократные отсылки к демоническому, бесовскому началу. Так, о дворе Тереховых сказано, будто бы там жили «колдуны или разбойники; и всякий раз, уже проехав мимо, ямщик оглядывался и подгонял лошадей» [Чехов 1983, т. 9, с. 142]. Якову Ивановичу все время кажется, будто на нем сверху сидят бесы, а на чердаке живет злой громадный зверь, готовый всех растерзать.

Перед смертью Матвей обвиняет брата в ереси и богоотступничестве. Однако *духовное исцеление, возрождение к новой жизни убийца получает только на каторжных работах*: «…и ему казалось, что он, наконец, узнал настоящую веру, ту самую, которой так жаждал и так долго искал и не находил весь его род, начиная с бабки Авдотьи» [там же, с. 160]. Мучительные поиски правды на воле не приносят Якову душевного успокоения – герой прозревает лишь тогда, когда оказывается на каторге, – пожив с людьми разных национальностей,

испытав щемящую тоску по родине и насмотревшись на страдания других осужденных.

В рассказе «Скрипка Ротшильда» отсутствуют явные отсылки к пасхальному циклу (в тексте лишь указано, что события, разворачивающиеся в произведении, относятся к началу мая). Однако в рассказе упоминается *верба* – дерево «с громадным дуплом», «зеленая, тихая, грустная», та самая верба, под которой главный герой – столяр Яков Бронза – и его жена пели песни и были счастливы [Чехов 1983, т. 8, с. 303]. Веточки вербы – главный атрибут одного из двунадесятых Богородичных христианских праздников – Входа Господнего в Иерусалим, который отмечается в последнее воскресенье перед Пасхой.

В рассказе верба выполняет функцию воспоминания-благословения, заставляющего героев возвыситься над обыденностью и испытать глубокое душевное потрясение, задуматься над тем, как прошла их жизнь. Умирающая от тифа Марфа, жена Якова, на пороге смерти вспоминает белокурую девочку, их ребенка, которая скончалась, по-видимому, еще во младенчестве. Пока она была жива, супруги были счастливы и всё сидели под вербой на речке, жизнь была им в радость. Нахождение между жизнью и смертью позволяет Марфе переосмыслить ключевые жизненные моменты, понять, что было действительно важно. Яков же сначала не может вспомнить даже того, что у них когда-то был ребенок. Его сознание закрыто от мира суетными каждодневными заботами, стремлением к достижению материальных ценностей. Его скаредность, невнимание к супруге, постоянные крики и угрозы усиливают стремление Марфы поскорее закончить свой земной путь.

Скоропостижная кончина близкого человека заставляет героя задуматься, переосмыслить свою жизнь. Несмотря на то, что внешне Яков продолжает считать возможные «убытки» (он записал в расчетной книге цену за гроб Марфы), в его душе происходят перемены. Он осознает, что жил неправедно, начинает задаваться бытийными вопросами: «Зачем люди делают всегда именно не то, что нужно? < … > Зачем вообще люди мешают жить друг другу?» [там же, с. 304].

Яков говорит о разобщенности людей – тема одиночества, отчужденности людей присуща творчеству Чехова (см., например: «Тоска» (1886), «Ариадна», «Три года» (оба – 1895), «Дом с мезонином» (1896) и др.). Разобщенность людей является одним из проявлений зла в этической философии писателя, который в своем творчестве показывал

«людей, одиноких буквально, как извозчик Иона, и людей, одиноких среди близких. Второй вид одиночества особенно страшен, поскольку от него нельзя спастись» [Линков 1982, с. 87]. Обращаясь к внутреннему сомнению столяра Якова, автор демонстрирует, что возможно другое состояние мира, в котором есть место состраданию, милосердию, любви. Однако оно требует выхода за рамки обыденного существования личности, иного типа сознания. Но и в этом случае экзистенциальный смысл открывается человеку не полностью, а подобно вспышке молнии, только лишь на краткий миг освещает жизнь. Одной из таких «вспышек» для Якова является игра на скрипке. В рассказе музыкальный инструмент выполняет функцию сказочного волшебного предмета, который способен преобразовывать мир, наполнять его красотой и гармонией.

«Привязка» к пасхальному циклу зрелых рассказов, помещение героев в пограничные ситуации (болезнь, смерть близкого человека, осознание своей близкой кончины) позволяют А. П. Чехову проследить духовно-нравственное преображение человека. Писатель намеренно не берется растолковывать бытийный смысл, он лишь намечает возможные пути преодоления экзистенциального страха, присущего всем героям.

Вывод

Таким образом, уже в ранних пасхальных текстах А. П. Чехова обнаруживается проблемно-тематическое содержание, присущее всему творчеству писателя: отторжение от рутины, вера в справедливое устроение общества, отсутствие любого проявления закрепощенности личности, стремление преодолеть «кисляйство» в мирополагании персонажей.

В пасхальных рассказах А. П. Чехова переломного 1887 года явственно ощущается период творческой трансформации, разделяющей его раннее и зрелое творчество. Писатель обращается к устойчивому комплексу пасхальных мотивов (мотив всепрощения, жертвенности, духовного перерождения, обретения душевной гармонии и др.), в то же время дополняя его мотивами, присущими его зрелому творчеству: мотивом тоски, одиночества, разобщенности людей; мотивом утверждения нравственного закона в душе человека.

Зрелые пасхальные тексты писателя отличаются глубоким психологизмом и лиризмом, разработкой новых мотивов и сюжетов, обращением к экзистенциальным вопросам человеческого бытия и особой анекдотически-притчевой составляющей. Отказ от религиозной догматики и нравоучений, навязчивой проповеди и какого бы то ни было морализаторства свидетельствует об отсутствии у А. П. Чехова «готового» решения проблемы личностного самоопределения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бердников Г. П. А. П. Чехов. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. [Berdnikov, G. P. (1997). A. P. Chekhov (A. P. Chekhov). Rostov-na-Donu: Feniks Publ. (In Russ.)].

Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб.: СПбГУ, 1995. [Dushechkina, E. V. (1995). Russkiy svyatochnyy rasskaz: stanovleniye zhanra (Russian Christmas Story: Formation of the Genre). St. Petersburg: St. Petersburg State University. (In Russ.)].

Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М.: Круг, 2004. [Esaulov, I. A. (2004). Paskhal'nost' russkoj slovesnosti (Easter Features of Russian Literature). Moscow: Krug. (In Russ.)].

Калениченко О. Н. Судьбы малых жанров в русской литературе конца XIX – начала XX века: святочный и пасхальный рассказы, модернистская новелла: дис…. канд. филол. наук. Волгоград, 2000. [Kalenichenko, O. N. (2000). Sud'by malyh zhanrov v russkoj literature konca XIX – nachala XX veka: svyatochnyj i paskhal'nyj rasskazy, modernistskaya novella (Small Genres in Russian Literature of the End of the 20th – beginning of the 20th Century: Christmas and Easter Stories and Modernist Novel): PhD in Philology. Volgograd. (In Russ.)].

Катаев В. Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М.: Изд-во МГУ, 1979. [Katayev, V. B. (1979). Proza Chekhova: problemy interpretatsii (Chekhov's Prose: The Issues of Interpretation). Moscow: Moscow State University. (In Russ.)].

Кубасов А. В. Проза А. П. Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург: Екатерин. гос. пед. ун-т, 1998. [Kubasov, A. V. (1998). Proza A. P. Chekhova: iskusstvo stilizacii (A. P. Chekhov's Prose: The Art of Pastiche). Ekaterinburg: Ekaterin. gos. ped. un-t. (In Russ.)].

Линков В. Я. Художественный мир прозы А. П. Чехова. М.: Изд-во МГУ, 1982. [Linkov, V. Ya. (1982). Khudozhestvennyy mir prozy A. P. Chekhova (The Artistic World of A. P. Chekhov's Prose). Moscow: Moscow State University. (In Russ.)].

Николаева С. Ю. Пасхальный текст в русской литературе XIX в. М.: Литера, 2004. [Nikolayeva, S. Yu. (2004). Paskhalnyy tekst v russkoy literature XIX v. (Easter Text in Russian Literature of the 20th c.). Moscow: Litera. (In Russ.)].

Собенников А. С. Между «есть Бог» и «нет Бога»: о религиозно-философских традициях в творчестве А. П. Чехова. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1997. [Sobennikov, A. S. (1997). Mezhdu «est Bog» i «net Boga»: o religiozno-filosofskikh traditsiyakh v tvorchestve A. P. Chekhova (Between «There is God» and «There is No God»: On Religious and Philosophical Traditions in the Works of A. P. Chekhov). Irkutsk: Irkutsk State University. (In Russ.)].

Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре: в 2 т. М.: Гнозис: Шк. «Языки рус. культуры». Т. 1: Первый век христианства на Руси. 1995. 874 с. [Toporov, V. N. (1995). Svyatost' i svyatye v russkoj duhovnoj kul'ture (Holiness and the Sanctified In Russian Spiritual Culture): in 2 vol. Moscow: Gnozis: Shk. «Yazyki rus. kul'tury». Vol. 1. (In Russ.)].

Тюпа В. И. Нарративная стратегия притчи в литературной традиции // Притча в русской словесности: от Средневековья к современности: коллект. моногр. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014. С. 34–78. [Tyupa, V. I. (2014). Narrativnaya strategiya pritchi v literaturnoj tradicii (Narrative Strategy of a Proverb in Literary Tradition). Pritcha v russkoj slovesnosti: ot Srednevekov'ya k sovremennosti. Novosibirsk: RIC NGU, pp. 34–78. (In Russ.)].

Тюпа В. И. Художественность чеховского рассказа. М.: Высшая школа, 1989. [Tyupa, V. I. (1989). Khudozhestvennost chekhovskogo rasskaza. (The Artistic Merit of Chekhov's Stories). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)].

Фрайзе М. Проза А. П. Чехова / под ред. И. В. Корина, Н. Л. Маишевой. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. [Frayze, M. (2012). Proza A. P. Chekhova (A. P. Chekhov's Prose). Korin, I. V., Maishevoy, N. L. (Ed). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)].

Цилевич Л. М. Сюжет чеховского рассказа. Рига: «Звайгнзне», 1975. [Tsilevich, L. M. (1975). Syuzhet chekhovskogo rasskaza (The Plot of Chekhov's Short Story). Riga: Zvaygnzne. (In Russ.)].

Чехов А. П. Сочинения: в 18 т. // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1975. Т. 2; 1979. Т. 5; 1976. Т. 6; 1977. Т. 7; 1977. Т. 8; 1977. Т. 9. [Chekhov, A. P. (1974–1982). Sochineniya: in 18 vol. (Collected Works: in 18 vol.). In Polnoye sobraniye sochineniy i pisem, in 30 vol. Moscow: Nauka. Vol. 2; Vol 5; Vol. 6; Vol. 7; Vol. 8; Vol. 9. (In Russ.)].

УДК 821.61.1 **DOI 10.52070/2542-2197_2021_5_847_205**

С. Н. Морозова, Д. Н. Жаткин

Морозова С. Н., кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры русского языка
филиала Военной академии материально-технического обеспечения в г. Пензе
s.morozova09@mail.ru

Жаткин Д. Н., доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой перевода и переводоведения
Пензенского государственного технологического университета
ivb40@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ОСМЫСЛЕНИЯ К. И. ЧУКОВСКИМ ТВОРЧЕСТВА О. УАЙЛЬДА[1]

Статья посвящена анализу особенностей восприятия К. И. Чуковским творчества О. Уайльда. Материалом исследования послужили литературно-критические работы К. И. Чуковского, его мемуары и эпистолярий. В ходе исследования было установлено, что ранняя рецепция К. И. Чуковским творчества О. Уайльда отличалась резкостью и неприятием его поведенческой и творческой эксцентрики, которая в 60-е гг. XX в. воспринималась писателем уже как способ борьбы с пуританской моралью.

Ключевые слова: О. Уайльд; К. И. Чуковский; русско-английские литературные связи; эстетизм; стиль парадоксов; пуританизм.

S. N. Morozova, D. N. Zhatkin

Morozova S. N., PhD (Philology), Senior Lecturer,
Departament of the Russian Language,
Penza branch of the Military Academy of Material and Technical Support
s.morozova09@mail.ru

Zhatkin D. N., Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor,
Head of the Department of Translation and Translation Studies,
Penza State Technological University
ivb40@yandex.ru

EVOLUTION OF K. I. CHUKOVSKY'S COMPREHENSION OF O. WILDE'S CREATIVITY

The article is devoted to the analysis of the peculiarities of the perception of K. I. Chukovsky of O. Wilde's work. The material for the study is the literary-

[1] Статья подготовлена по проекту РНФ № 17-18-01006п «Эволюция русского поэтического перевода (XIX – начало XX в.)».

CC BY

critical works of K. I. Chukovsky, his memoirs and epistolary. In the course of the study, it was found that the early reception of K. I. Chukovsky of O. Wilde's work was distinguished by the sharpness and rejection of his behavioral and creative eccentricity, which in the 60s of 20th century was perceived by the writer as a way of struggle with Puritan morality.

Key words: O. Wilde; K. I. Chukovsky; Russian-English literary ties; aestheticism; style of paradoxes; puritanism.

Введение

Отечественная традиция в изучении творчества О. Уайльда отличается масштабностью и своими особенностями, которые определились после выхода в 2000 г. обширной библиографии Ю. А. Розантовской «Оскар Уайльд в России», вобравшей в себя 1686 наименований, сгруппированных в три раздела – «Произведения Оскара Уайльда на русском языке», «Литература об Оскаре Уайльде на русском языке», «Оскар Уайльд в художественной литературе» [Розантовская 2000]. Эта книга впервые дала полноценное представление о том, как шел процесс освоения творчества английского писателя русскими читателями и переводчиками, как осмысливались его жизнь и художественное наследие в российской критической и научной литературе. На рубеже XIX–XX вв. были опубликованы критические работы З. А. Венгеровой, Ю. И. Айхенвальда, Л. И. Аксельрод, Г. Ланггаарда [Ланггаард 1908; Айхенвальд 1910; Венгерова 1912; Аксельрод 1923]. В работах отечественных исследователей середины XX – начала XXI в. А. А. Аникста, З. Т. Гражданской, Т. В. Павловой, А. Г. Образцовой, М. А. Чебраковой не проявился столь характерный для мировой литературы повышенный интерес к биографии О. Уайльда; в результате в названных трудах были представлены несходные точки зрения на жизнь и творчество английского писателя [Аникст 1956; Гражданская 1989; Павлова 1991; Образцова 2001; Чебракова 2004].

Наряду с перечисленными исследованиями, внесшими ценный вклад в научное и критическое прочтение в России творчества О. Уайльда, большу́ю роль в русском восприятии наследия английского писателя сыграли литературно-критические работы К. И. Чуковского. В статьях писателя синтезированы различные формы рецепции творчества О. Уайльда, способствовавшие продвижению и популяризации его произведений.

К. И. Чуковский обращался к творчеству О. Уайльда на протяжении всей жизни, часто рассматривая не прямое воздействие О. Уайльда на русскую культуру, а образ и формы присутствия его личности в отечественном культурном пространстве. Особое внимание привлекает тот факт, что ранняя рецепция К. И. Чуковским творчества писателя отличалась от более взвешенных поздних оценок своей экспрессивностью, категоричностью суждений и ориентацией на фельетонную манеру письма, предполагающую хлёсткие и достаточно резкие высказывания.

Ранняя рецепция К. И. Чуковским творчества О. Уайльда (10–30-е гг. XX в.)

Приобщение К. И. Чуковского к творчеству О. Уайльда началось в 1903 г. в Лондоне, куда писатель был командирован в качестве корреспондента газеты «Одесские новости». В присланной в редакцию статье «Английские клерки и “Лакомый кусочек”» (впервые напечатана в № 6065 «Одесских новостей» от 26 августа 1903 г.) К. И. Чуковский положительно отзывался об О. Уайльде и осуждал клерков, представителей среднего английского класса, которые «задавили ясный талант Оскара Уайльда своими лицемерными хулами» [Чуковский, т. 11, с. 442].

Обращение К. И. Чуковского к творчеству О. Уайльда не было случайным – первое десятилетие XX в. по праву можно считать расцветом популярности творчества английского автора в России. О нем пишут в ведущих отечественных журналах: «Вестник Европы», «Русская мысль», «Современный мир», его произведения издаются и ставятся на театральной сцене.

Отдельная работа К. И. Чуковского об О. Уайльде в формате статьи под названием «Оскар Уайльд и его пьеса» увидела свет в № 6299 «Одесских новостей» от 6 мая 1904 г. Писатель анализирует пьесу О. Уайльда «Как важно быть серьезным», называя ее «удивительно хорошей» [Чуковский, т. 11, с. 488]. В 1911 г. в № 49 «Нивы» был опубликован этюд К. И. Чуковского «Оскар Уайльд». Основой для этой публикации послужили материалы лондонских корреспонденций и лекций, прочитанных К. И. Чуковским по приезде из Лондона (об одной из этих лекций – «Религия красоты и страдания» – известно благодаря статье Л. Н. Войтоловского «Лекция К. И. Чуковского» в «Киевской

мысли» от 11 апреля 1912 г.). Основное содержание этой статьи с дополнениями и изменениями легло в основу всех дальнейших публикаций К. И. Чуковского об О. Уайльде. В 1912 г. в качестве предисловия эта статья вошла в первый том собрания сочинений О. Уайльда (в четырех томах) под редакцией К. И. Чуковского и впоследствии была переиздана в 1914 году. О том, насколько серьезно писатель воспринимал творчество О. Уайльда, свидетельствует сделанное им в письме М. Б. Чуковской (условно датируется февралем 1912 г.) замечание, по которому можно судить о степени влияния творчества английского писателя на общее мировосприятие и формирование писательского таланта К. И. Чуковского: «Я нисколько не жалею, что взялся за Уайльда: мне нужно было, для моего образования, пройти *сквозь* этого писателя; я многому у него научился, а его стиль, его парадоксы, его блестящая манера, надеюсь, окажут на меня *новое* влияние. Последние два года я так искал этого обновления» [Чуковский, т. 14, с. 283].

В 1914 г. статья об О. Уайльде была включена в авторскую книгу К. И. Чуковского «Лица и маски». В 1922 г. писатель опубликовал эту статью в значительно дополненном и расширенном виде отдельной книгой в петроградском издательстве «Радуга». О трудностях, сопровожавших издание этой книги, свидетельствуют записи в дневнике писателя: «Очень неудачный день. С утра я пошел по делам: к Беленсону по поводу книги Репина, – не застал. В типографию на Моховую по поводу своей книги об Уайльде, – набрана, но так как издатель Наппельбаум не платит денег, то книга отложена» [Чуковский, т. 12, с. 26] (от 26 марта 1922 г.); «Лившиц тоже отказался издать моего Уайльда, в последнюю минуту, после того как мы договорились обо всем» [Чуковский, т. 12, с. 38] (от 10 апреля 1922 г.).

С этого года статья публиковалась в виде предисловия к редким советским изданиям О. Уайльда или в виде отдельной критической работы в сборниках писателя с незначительными изменениями и дополнениями.

Изменение отношения К. И. Чуковского к О. Уайльду. Письмо М. Горького

Стоит отметить, что работа К. И. Чуковского по изучению художественного наследия О. Уайльда не закончилась изданием

вышеупомянутой книги. Писатель продолжил знакомство с творчеством английского автора, чему во многом способствовали вновь появлявшиеся сведения и факты об О. Уайльде, получаемые К. И. Чуковским из критических работ иностранных авторов, а также периоды усиления внимания к творчеству писателя. 6 апреля 1928 г. К. И. Чуковский в письме Л. П. Гроссману раскрыл свои планы в отношении опубликованной им в 1912 году статьи об О. Уайльде: «Frank Harris мой личный знакомый. Его “Life of O<scar> W<ilde>” у меня есть. И вот что мне по поводу этой книги приходит в голову. Я возьму свою старую статью об O. Wilde, переделаю ее на основании Harris’a и француза Henry D. Davey “Oscar W<ilde>. La Tragedie finale”, и выйдет из нее предисловие для Избранных произведений Уайльда в Гизе» [Чуковский, т. 15, с. 137]. Об этой книге К. И. Чуковский упоминал ранее, 24 июля 1925 года, в своем дневнике: «Вечером приехала Лида и привезла мне книги, о которых я не смел и мечтать: James Joyce “Ulysses”, Frank Harris “Oscar Wilde” и проч. <…> Читал запоем Harris’a о Wil’de’e» [Чуковский, т. 12, с. 238].

Думается, что желание К. И. Чуковского переработать статью является не только результатом знакомства с книгой Ф. Харриса. Более серьезным поводом для изменения взглядов К. И. Чуковского на творчество О. Уайльда могло стать письмо М. Горького (датируется концом ноября 1918 г.). М. Горький в нем выразил свое отношение к вступительной статье К. И. Чуковского об О. Уайльде, написанной к планируемому к изданию во «Всемирной литературе» собранию сочинений английского писателя. М. Горький назвал отношение К. И. Чуковского к О. Уайльду ярким, убедительным, но вместе с тем очень субъективным и призвал более вдумчиво отнестись к стилю писателя, осмыслить значение парадоксов в борьбе с английским пуританизмом.

Воспринятые К. И. Чуковским утверждения, что «английское лицемерие наилучше организованное лицемерие», и что «парадокс в области морали очень законное оружие борьбы против пуританизма» [Чуковский, т. 5, с. 49], стали достаточно известными в силу сложившегося на тот момент отношения к английской литературе викторианской эпохи как особо выделяющей тему возвышения среднего класса, ориентирующегося в своем жизненном укладе на догматы пуританизма. На лицемерие и показное благополучие такой жизни и ссылался М. Горький, считая творчество О. Уайльда и Б. Шоу с их

парадоксами закономерным проявлением борьбы с английским ханжеством. В этом же письме М. Горький предлагал обозначить преемственность литературных традиций, которая прослеживается в творчестве предшествующего О. Уайльду английского писателя-сатирика Эдварда Дженкинса, который в своих рассказах обличал двуличие соотечественников и лицемерную филантропию религиозных общин.

К. И. Чуковский прокомментировал рецензию М. Горького в одноименной статье, опубликованной в «Сборнике статей и воспоминаний о М. Горьком» под редакцией И. Груздева в 1928 г. К. И. Чуковский выразил благодарность М. Горькому за корректность в указании стилистических ошибок и погрешностей, но был не согласен с некоторыми замечаниями в отношении содержательной стороны статьи: «Я не во всем был согласен с его отзывом об Оскаре Уайльде. При встрече я не без робости заявил ему о своем несогласии. Едва ли мне удалось убедить его, но он предоставил мне полную свободу суждений» [Чуковский, т. 5, с. 49].

Насколько все перечисленные факты повлияли на отношение К. И. Чуковского к творчеству О. Уайльда и восприятие им художественной манеры писателя, можно судить по статье «Оскар Уайльд», опубликованной в 1960 г. в авторском сборнике писателя «Люди и книги» и вошедшей впоследствии в 1966 г. в третий том последнего прижизненного собрания сочинений К. И. Чуковского в шести томах.

Затяжной процесс написания давно планируемой К. И. Чуковским статьи об О. Уайльде (написание которой планировалось писателем еще в 1925 г.) объясняется временем неприятия творчества О. Уайльда в России, которое наступило после октябрьских событий 1917 г. В этот период он воспринимается как социально чуждый русской действительности элемент и надолго уходит из рядов популярных писателей. Этим во многом и объясняются затруднения К. И. Чуковского при издании отдельной книги об О. Уайльде в 1922 г.

Стоит отметить, что после дневниковых записей от 1925 г. в эпистолярии и мемуарах К.И. Чуковского не встречается упоминаний об О. Уайльде. Возвращение произведений английского писателя к советскому читателю начало происходить с конца 1950-х гг. Составленный К. И. Чуковским двухтомник избранных произведений О. Уайльда вышел в 1960 г. с предисловием А. А. Аникста. Вступительная статья А. А. Аникста хотя и была выдержана в духе времени, но содержала

авторитетную для общественного мнения положительную характеристику творчества О. Уайльда.

Незадолго перед этим событием К. И. Чуковский активно работает над редактурой первоначального варианта статьи об О. Уайльде, о чем свидетельствуют упоминания об этой работе в дневнике и письмах писателя. Так, в письме Т. М. Литвиновой от 26 ноября 1956 г. К. И. Чуковский пишет: «Сегодня у меня был трудный день: я решил закончить надоевшую мне статью о Луначарском и сдвинуть с мертвой точки статьи об Оскаре Уайльде» [Чуковский, т. 15, с. 431]. В дневниковых записях 1957 и 1958 гг. встречаются следующие пометки: «Взялся за Уайльда. Мне выдали в “Иностранной библиотеке” 4 книги о нем. И я залпом читаю все четыре» [Чуковский, т. 13, с. 228] (от 20 января 1957 г.); «Общее состояние депрессии, семейные проблемы: я вяло – еле-еле работаю над Уайльдом» [Чуковский, т. 13, с. 230] (от 7 марта 1957 г.); «У меня незаконченный Оскар Уайльд» [Чуковский, т. 13, с. 245] (от 30 ноября 1957 г.); «Начал об Оскаре Уайльде и бросил» [Чуковский, т. 13, с. 249] (от 2 января 1958 г.); …общее недовольство своей работой. Кончил новую статью об Оскаре Уайльде, тоже дряблую, стариковскую» [Чуковский, т. 13, с. 270] (от 3 декабря 1958 г.). По последней записи можно сделать вывод, что К. И. Чуковский остался недоволен результатом проделанной работы. Думается, что такое отношение к статье сформировалось на фоне общего подавленного состояния писателя, обусловленного, в том числе, личными обстоятельствами.

Специфика восприятия К. И. Чуковским наследия английского писателя в статье «Оскар Уайльд» (1960)

Статья, вошедшая в книгу «Люди и книги», существенно отличается от первого ее варианта своей риторикой. К. И. Чуковский уже не допускает резких высказываний в адрес О. Уайльда и дополняет свои суждения новыми размышлениями, подтвержденными конкретными фактами, взятыми из книг биографов английского писателя, процитированных в статье.

В начале статьи К. И. Чуковский представляет информацию о некоторых фактах жизни писателя, призванных исключить связь О. Уайльда с аристократией хотя бы по праву рождения, так как отец

его «не мог считать себя аристократом»: «Он пробился в люди из аптекарей и сделал себе карьеру горбом» [Чуковский 1960]. К. И. Чуковскому важно было показать, что эстетское мировосприятие писателя имело приобретенный характер. Поэтому критик расширил информацию о детстве О. Уайльда, проведенном в салоне матери, хотя и оказавшем пагубное влияние на неокрепшее детское мышление своей искусственной атмосферой, но сформировавшем его неподражаемый стиль речи, его блистательный ораторский талант. Подтверждением искусности О. Уайльда в этом жанре служат приведенные К. И. Чуковским воспоминания биографов, литературоведов и современников писателя: журналиста Ф. Харриса, писателя Ж. Ж. Рено, близкого друга Р. Шерарда, биографа Х. Пирсона, поэта У. С. Бланта. О книге Ф. Херриса «Oscar Wilde. His Life and Confessions» (1916) К. И. Чуковский с восхищением писал в 1925 г., предполагая сведениями, почерпнутыми в ней, изменить общую направленность первоначального варианта своей статьи и по возможности дополнить ее.

Не менее последовательно и обстоятельно К. И. Чуковский, вопреки сложившемуся мнению многих современников о подражательности творчества английского писателя, доказывает оригинальность его стиля, лишенного влияния предыдущего поколения эстетов во главе с У. Моррисом. На протяжении всей статьи писатель, используя многочисленные факты, убеждает читателей, что под внешними слоями напускного пафоса, желания шокировать и удивить скрывается не только талантливый человек, но и создатель «больших поэтических ценностей, остающийся вполне самобытным даже в самых явных своих подражаниях, накладывающий даже на них печать своей выразительной личности» [Чуковский 1960]. Такая оценка К. И. Чуковским творчества О. Уайльда не была характерна для первого варианта статьи, скорее, наоборот, он видел незрелость и позёрство в поведении и художественной манере писателя.

По сравнению со статьей 1922 г., содержащей довольно резкие критические замечания о механичности написания и включения парадоксов в произведения английского писателя, последний вариант статьи содержит более взвешенные и аргументированные суждения. Более того, в пятом разделе статьи 1960 г. содержатся комментарии писателя относительно своей ранней позиции по этому вопросу,

предполагающие не только изменение отношения писателя к художественному стилю О. Уайльда, но и в некоторой степени отречение от своих прежних убеждений: «Когда я впервые знакомился с творчеством О. Уайльда, мне казалось, что фабрикация таких изречений есть, в сущности, нетрудное дело. <…> Здесь виделся мне очень ловкий, но примитивный и, главное, механический прием остроумия, за которым не чувствуется ни праведного гнева, ни жалости, ни страстной любви, а лишь одно праздное кокетство ума» [Чуковский 1960]. Чтобы подчеркнуть, что прием парадоксов в исполнении О. Уайльда не является единичным случаем в литературе, К. И. Чуковский для большей убедительности апеллирует к парадоксам в исполнении отечественных писателей, хотя и с оговоркой, что такое явление считается скорее исключением в творчестве приведенных в пример Н. А. Некрасова и Н. К. Михайловского и несвойственно русской литературе.

Акцентируя внимание на том, что творчество О. Уайльда в России представлялось не только как кокетство праздного ума и характеризовалось с более углубленных социальных позиций, подразумевавших сознательное нарушение норм и правил с целью разоблачения существующей политической ситуации, К. И. Чуковский цитирует письмо М. Горького. И здесь же отмечает, что именно слова критика о возможной борьбе О. Уайльда хотя бы с помощью парадоксов с пуританизмом стали стимулом для пересмотра отношения критика к творчеству английского писателя: «<…> мало-помалу мне стала понятна та положительная, прогрессивная роль парадоксов Оскара Уайльда, о которой говорилось в письме» [Чуковский 1960].

К. И. Чуковский не просто последовал совету М. Горького, но и попытался охарактеризовать современную О. Уайльду действительность, протест против которой выразился у последнего в гиперболизированной творческой эксцентрике. По мнению писателя, борьба английского автора с окружающими его обстоятельствами была в основном направлена на обличение порядков и морали крупнейшей буржуазии страны, так ярко представленной в «Саге о Форсайтах» Дж. Голсуорси. В первом варианте статьи об О. Уайльде К. И. Чуковский не проводил таких аналогий и не связывал напрямую литературную деятельность поэта с его стремлением бороться с пуританской моралью, подавляющей любые проявления свободного выражения личности и инакомыслия.

В этой же части статьи, следуя совету М. Горького, К. И. Чуковский указал на связь Б. Шоу и О. Уайльда. Писателю важно было подчеркнуть влияние социалистических взглядов Б. Шоу на мировоззрение О. Уайльда, в результате которого в 1891 году была написана столь несвойственная для общественной позиции английского автора статья «Душа человека при социализме». Указание на социалистическую направленность каких-либо элементов творчества О. Уайльда ранее не обозначалось в русской литературе, так как слишком ярким было его амплуа эстета. Чтобы не быть голословным и подчеркнуть, что его точка зрения не является исключением, К. И. Чуковский приводит мнение И. Г. Неупокоевой, отмечающей революционную направленность статьи, в которой автор признает, что «бедняки не должны мириться с ужасающими условиями своего существования» [Чуковский 1960], и Е. В. Корниловой, также увидевшей социальную направленность этой работы писателя, в которой «он взволнованно и гневно пишет о нищете английского народа» [Чуковский 1960]. Заметим, что оба исследования были опубликованы в 1958 г., во время возвращения наследия О. Уайльда к советскому читателю после долгих лет забвения.

В статье, написанной в 1960 г., К. И. Чуковский воспринимает эстетизм О. Уайльда уже не как праздное кокетство ума, а как способ, с помощью которого поэт стремился «расшатать одну из важнейших основ форсайтской идеологии» [Чуковский 1960].

Чтобы показать, что английское общество осознавало неприглядную сущность сформировавшихся общественных отношений, К. И. Чуковский указывает на закономерный характер протеста просвещенных людей того времени против догматов викторианской эпохи, влиявших на разные сферы жизни. До О. Уайльда существующие порядки критиковали А. Ч. Суинберн, Д. Г. Россетти, Дж. Рёскин, У. Моррис, чьи идеи, по мнению К. И. Чуковского, и продолжил в своем творчестве О. Уайльд. Всех их сближал «бунт против монотонной, бескрасочной, бесчеловечной действительности, задавившей красоту и поэзию своим пошлым и корыстным торгашеством» [Чуковский 1960], который был направлен на форсайтскую эстетику и на все общественное устройство в целом.

Продолжая развивать идеи социальной направленности творчества О. Уайльда, в том числе обусловленной фактами биографии

поэта, К. И. Чуковский критикует биографа Х. Пирсона за нивелирование прогрессивной роли эстетических воззрений английского поэта в деле борьбы с засильем буржуазных отношений в определенный период английской истории. Думается, что такой подход к восприятию творчества О. Уайльда был сформирован у К. И. Чуковского в том числе и под влиянием идей вульгарного социологизма, во многом утративших к началу 50-х гг. XX в. свои позиции.

Неизменным в восприятии К. И. Чуковским творчества О. Уайльда осталось признание его несомненного таланта, проявленного в произведениях, которые будет волновать читателей в любую историческую эпоху: «В то время, как Джон Рескин, Уолтер Пейтер, Джон Эддингтон Саймондс и другие вдохновители, учителя и собратья давно ушли в историю … имя Уайльда стало одним из популярнейших литературных имен …, было в нем что-то такое, что привлекало и привлекает к нему массу людей» [Чуковский 1960].

Заключение

Анализ восприятия К. И. Чуковским творчества О. Уайльда на протяжении всей его литературной деятельности показал, что в первые два десятилетия XX в. К. И. Чуковский критиковал эстетические воззрения О. Уайльда, считая художественный стиль его произведений откровенной буффонадой. В дальнейшем критик скорректировал в лучшую сторону свое отношение к английскому писателю. В переработанной в конце 1950-х гг. для сборника «Люди и книги» статье «Оскар Уайльд» восприятие творчества О. Уайльда стало более взвешенным. Поведенческая и творческая эксцентрика английского писателя рассматривалась уже как средство борьбы с пуританской моралью. Стали ли эти изменения по отношению к творчеству О. Уайльда следствием писательской зрелости К. И. Чуковского, были ли они обусловлены «критикой» М. Горького по этому вопросу или же благоприятной общественной обстановкой, позволившей вернуть имя О. Уайльда на литературную арену, сказать трудно. Но можно с уверенностью констатировать, что всесторонняя оценка заслуг О. Уайльда помогла К. И. Чуковскому не только определить место английского писателя в общественной жизни своего времени, но и способствовала популяризации его произведений среди русских читателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Айхенвальд Ю. И. Оскар Уайльд // Айхенвальд Ю. И. Этюды о западных писателях. М.: Научное слово, 1910. С. 217–236. [Ajhenval'd, Ju. I. (1989). Oskar Uajl'd (Oscar Wilde). In. Ju. I. Ajhenval'd (ed.), Jetjudy o zapadnyh pisateljah (pp. 217–236). Moscow: Nauchnoe slovo. (In Russ.)].

Аксельрод Л. И. Мораль и красота в произведениях Оскара Уайльда. Иваново-Вознесенск: Основа, 1923. 56 с. [Aksel'rod, L. I. (1923). Moral' i krasota v proizvedenijah Oskara Uajl'da (Morality and beauty in the works of Oscar Wilde). Ivanovo-Voznesensk: Osnova. (In Russ.)].

Аникст А. А. Оскар Уайльд // Аникст А. А. История английской литературы. М.: Учпедгиз, 1956. С. 378–383. [Anikst, A. A. (1956). Oskar Uajl'd *(Oscar Wilde)*, In. A. A. Anikst (ed.), Istorija anglijskoj literatury (pp. 378–383). Moscow: Uchpedgiz. (In Russ.)].

Венгерова З. А. Суд над Оскаром Уайльдом // Новая жизнь. 1912. № 11. С. 157–179. [Vengerova, Z. A. (1912). Oscar Wilde's trial. New life, 11, 157–179. (In Russ.)].

Гражданская З. Т. Оскар Уайльд // История зарубежной литературы XX века. 1871–1917 / Под ред. В. Н. Богословского и З. Т. Гражданской. М.: Просвещение, 1989. С. 248–252. [Grazhdanskaja, Z. T. (1989). Oskar Uajl'd *(Oscar Wilde)*. In. V. N. Bogoslovskij, Z. T. Grazhdanskaja (ed.), Istorija zarubezhnoj literatury XX veka. 1871–1917 (pp. 248–252). Moscow: Prosveshhenie. (In Russ.)].

Ланггаард Г. Оскар Уайльд: его жизнь и литературная деятельность. М.: Современные проблемы, 1908. 116 с. [Langgaard, G. (1908). Oskar Uajl'd: ego zhizn' i literaturnaja dejatel'nost' (Oscar Wilde: his life and literary activity). Moscow: Sovremennye problemy. (In Russ.)].

Образцова А. Г. Волшебник или шут? Театр Оскара Уайльда. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. [Obrazcova, A. G. (2001). Volshebnik ili shut? Teatr Oskara Uajl'da (Wizard or Jester? Oscar Wilde Theater). St. Petersburg: Dmitrij Bulanin. (In Russ.)].

Оскар Уайльд в России. 1892–2000: Библиографический указатель / Сост. Ю. А. Розантовская. М.: Рудомино, 2000. [Vengerova, Z. A. (2000). Oscar Wilde in Russia. 1892–2000: Bibliographic Index. Moscow: Rudomino. (In Russ.)].

Павлова Т. В. Оскар Уайльд в русской литературе (конец XIX – начало XX в.) // На рубеже XIX и XX веков. Из истории международных связей русской литературы: Сб. науч. трудов / Под ред. Ю. Д. Левина. Л.: Наука, 1991. С. 77–128. [Pavlova, T. V. (1991). Oskar Uajl'd v russkoj literature (konec XIX – nachalo XX v.) (Oscar Wilde in Russian literature (late 19th – early 20th centuries). In. Ju. D. Levin (ed.), Na rubezhe XIX i XX vekov. Iz istorii

mezhdunarodnyh svjazej russkoj literatury: Sb. nauch. trudov (pp. 77–128). Leningrad: Nauka. (In Russ.)].

Чебракова М. А. Исследование общих характеристик, структур и загадок текстов сказок Оскара Уайльда. СПб.: Изд-во Библиотеки Академии Наук, 2004. 295 с. [Chebrakova, M. A. (2004). Issledovanie obshhih harakteristik, struktur i zagadok tekstov skazok Oskara Uajl'da. (Investigation of the general characteristics, structures and mysteries of the texts of the fairy tales of Oscar Wilde). St. Petersburg.: Izd-vo Biblioteki Akademii Nauk. (In Russ.)].

Чуковский К. И. Люди и книги. М.: ГИХЛ, 1960. [Chukovskij, K. I. (1960). Ljudi i knigi (People and books). Moscow: GIHL. (In Russ.)].

Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 15 т. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2012. Т. 5. Современники; Приложение. [Chukovskij, K. I. (2012). Sobranie sochinenij: T. 5. Sovremenniki; Prilozhenie (Vol. 5. Contemporary; application). Moscow: TERRA–Knizhnyj klub. (In Russ.)].

Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 15 т. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2013. Т. 11. Дневник (1901–1921). [Chukovskij, K. I. (2013). Sobranie sochinenij: T. 11. Dnevnik (1901–1921). (Vol. 11. A diary (1901–1921). Moscow: TERRA–Knizhnyj klub. (In Russ.)].

Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 15 т. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2013. Т. 12. Дневник (1922–1935). [Chukovskij, K. I. (2013). Sobranie sochinenij: T. 12. Dnevnik (1922–1935) (Vol. 12. A diary (1922–1935). Moscow: TERRA–Knizhnyj klub. (In Russ.)].

Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 15 т. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2013. Т. 13. Дневник (1936–1969). [Chukovskij, K. I. (2013). Sobranie sochinenij: T. 13. Dnevnik (1936–1969) (Vol. 13. A diary (1936–1969). Moscow: TERRA–Knizhnyj klub. (In Russ.)].

Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 15 т. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2013. Т. 14. Письма (1903–1925). [Chukovskij, K. I. (2013). Sobranie sochinenij: T. 14. Pis'ma (1903–1925) (Vol. 14. Letters (1903–1925). Moscow: TERRA–Knizhnyj klub. (In Russ.)].

Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 15 т. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2013. Т. 15. Письма (1926–1969). [Chukovskij, K. I. (2013). Sobranie sochinenij: T. 15. Pis'ma (1926–1969) (Vol. 15. Letters (1926–1969). Moscow: TERRA–Knizhnyj klub. (In Russ.)].

УДК 008, 81-119 DOI 10.52070/2542-2197_2021_5_847_218

Н. В. Мамонова

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры делового иностранного языка
Челябинского государственного университета
natalya-mamonova@rambler.ru

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ МЕДИАДИСКУРСА (на материале южноуральской прессы)[1]

В статье раскрываются механизмы гибридизации в языке и культуре, анализируются понятия глобальности и глокальности. Заголовки статей южноуральской прессы исследуются на предмет степени проникновения в медиадискурс англоязычных заимствований. Приводятся количественные характеристики исследуемого корпуса. Обсуждаются причины глобализации языкового сознания и тенденции развития языка и культуры на данном этапе.

Ключевые слова: глобализация; глокализация; медиадискурс; англицизмы; языковое сознание; Челябинск.

N. V. Mamonova

PhD (Philology), Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Business Foreign Language
Chelyabinsk State University
natalya-mamonova@rambler.ru

GLOBALIZATION OF MEDIA DISCOURSE (based on the South Ural press)

On the concepts of globality and glokality the article displays the mechanisms of hybridization in language and culture. The headlines of articles of the South Ural press are analyzed as to the degree of penetration of English language borrowings into the media discourse. The article submits quantitative characteristics of the investigated

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-412-740004.

CC BY

corpus, reveals the reasons for the globalization of linguistic consciousness and monitors trends in the development of language and culture at this stage.

Key words: globalization; glocalization; media discourse; anglicisms; language consciousness; Chelyabinsk.

Введение

Все меньше посредников, замедляющих или затрудняющих акт коммуникации, требуется для передачи информации и данных в нашем современном мире. Благодаря научно-техническому прогрессу практически каждый индивид имеет возможность присоединиться к сети Интернет, чтобы подключиться к глобальным и локальным средствам массовой информации.

Описывая динамику глобальных процессов уместно говорить о процессах гибридизации в языке и культуре. Изменения в языке происходят не гомогенно и отнюдь не линейно. Механизмы взаимодействия этих сложных систем в динамическом равновесии мы опишем в данной работе: как под действием культурных ценностей (на мегауровне), доминирующих в обществе, происходит самоорганизация смысловых компонентов, представленных лексическими единицами на микроуровне.

Таким образом, целью настоящей работы является исследование южноуральской прессы на предмет степени проникновения в медиадискурс англоязычных заимствований и выявление причин глобализации.

Глобализация и глокализация

В настоящее время глобализация понимается как совокупность сложных процессов, включающих в себя трансформацию пространственной организации социальных отношений и взаимодействий, влекущих за собой интенсификацию и увеличение масштабов взаимосвязанности торговли, финансов, миграции, культуры и прочего [Held 2000]. Предполагается, что рост объёма глобальных взаимосвязей сопряжен с ускорением глобальных взаимодействий и процессов, поскольку эволюция глобальных систем транспорта и связи увеличивает скорость распространения идей, информации, капитала и людей, что делает границы все более размытыми [Held 2000, с. 15].

Наряду со стратегиями глобализации существует и более гибкая стратегия, известная как глокализация, то есть сочетание глобальной и локальной ориентированности в политике, экономике, культуре, что, безусловно, находит свое отражение в языке как зеркале доминирующего типа сознания. Данный тренд появился в связи с сопротивлением и неприятием тенденций развития глобализма в чистом виде и отказа от старой модели изолированного существования.

Процессы глобализации и локализации как два полюса сложной системы находятся в динамичном равновесном состоянии. Те феномены, которые нельзя пока еще назвать глобальными, но и локальными именовать тоже не представляется возможным, следует определять как *глокальные* явления, характеризующиеся *глокальностью*.

Важную роль в приобщении к глобальным ценностям играют такие факторы как распространение и внедрение в обыденную практику символов и артефактов англосаксонской культуры, жизненных ориентиров в обновленной системе ценностных координат, представлений о том, что такое хорошо и что такое плохо, а также популяризация английского языка и англосаксонской матрицы ценностей в целом.

Другими словами, «приобщение к иной культуре, погружение в нее происходит через языковые нормы и практики, характерные для этой культуры – именно через них осуществляется ассимиляция иной системы ценностей, которая может вступать в конфликт с изначальной системой ценностей вплоть до полного вытеснения последней» [Кравченко 2016, с. 361].

Подобная экспансия ведет к трансформациям в культурно-ценностной матрице, которые фиксируются в языке как когнитивном культурном инструменте. Данные процессы наиболее ярко можно отследить в современных средствах массовой информации.

М. В. Загидуллина отмечает, что «города и выступают в качестве тех самых «локальностей», скопление которых может быть представлено как собственно процесс глобализации» и «рассмотрение отдельного конкретного города как локальности неизбежно будет “вписываться” в глобальные тренды, вернее, будет их по-своему репрезентировать» [Загидуллина 2018, с. 79]. Таким образом, следует отметить, что средства массовой информации какого-либо определенного мегаполиса репрезентируют процессы глобальных изменений в языке и в языковом сознании на уровне *глокальности*.

Гибридизация русской и англо-саксонской языковых систем

В таком понимании имеет можно проанализировать процессы языковой гибридизации. Англоязычные включения в словарный состав языка-реципиента иллюстрируют данные процессы.

Путем скрещивания культурных кодов, посредством языковой гибридизации происходит культурная гибридизация. Длительное воздействие (может быть, и не одно столетие) двух языков приводит к образованию нового языка с исчезновением языков-предшественников только в случае равнозначной силы идеологического воздействия друг на друга. При неравноценном сочетании языков, когда один язык доминирует (пусть незначительно изначально и незначительно) над другим и оказывает более сильное влияние, он задает для локального языка центры притяжения, смысловые аттракторы, которые находят свое выражение в обновленной культурно-ценностной матрице в виде англицизмов, постоянно транслируемых в кинодискурсе, медиадискурсе и т. п.

В результате языковой гибридизации новые лексические единицы под действием новых ценностных ориентиров формируют новые семантические системы, фиксирующие доминирующие паттерны поведения, представления об успешности, о смысле жизни.

В концептуальных системах социальных групп поступающая извне информация фиксируется и затем интерферируется с той информацией, которая уже присутствовала в системе ценностей и жизненных ориентиров. Полученные изменения фиксируются в языке.

Некоторые исследователи небезосновательно полагают, что языковое смешение является естественным механизмом для языка, и гибриды выступают средством развития многоязычности, «под влиянием английского языка как *lingua franca* семиотический и дискурсивный репертуар носителей национальных языков расширяется» [Ирисханова 2010, с. 46; Нефедова, Краснопеева 2020, с. 86].

Следует отметить, что существует и другая, весьма категоричная позиция по данному вопросу. Так, А. В. Кравченко рассматривает данные процессы как свидетельство отказа «от традиционной системы и принятие новой (англо-американской) системы ценностей российским обществом, причем не в целостном, а искаженном, зачастую неправильно понимаемом виде – это практически свершившийся факт»

[Кравченко 2016, с. 361]. С другой стороны, «от читателя не требуется глубокого осмысления текстов, что приводит к поверхностному восприятию и пониманию тех или иных явлений и событий, влечет простоту манипуляции языковым сознанием индивида при помощи изменения направлений смысловых потоков» [Мамонова 2019, с. 30].

Такой сложный процесс, как гибридизация захватывает все уровни языковой системы. Тенденция языка к гибридности «размывает» различия между языками, в том числе языковые нормы и стандарты. В некоторых случаях неуместное и неграмотное употребление заимствований рассматривается как «лингвистический провинциализм» [Григорьева 2009, с. 1]. Также существует точка зрения, что «англо-этнические словообразования и словоупотребления являют собой спонтанный процесс гибридизации, не поддающийся нормализации со стороны языковедов и языковой политики государства» [Одегова 2017, с. 52].

Гибридизация русской и англо-саксонской языковых систем может считаться свершившимся и необратимым процессом.

Англоязычные заимствования в южноуральской прессе

Язык средств массовой информации выявляет процессы, происходящие в языковом сознании обывателя, среднестатистического индивида, фиксируя их в виде текстов. Современные массмедиа не только предоставляют читателю информацию о событиях в мире, но и формируют его мышление, языковую картину мира, систему ценностных ориентиров и паттернов поведения, одобряемых или неодобряемых обществом.

Любые печатные издания взаимодействуют с читателем, прежде всего, через текст. Первое, с чем сталкивается современный читатель, открыв сетевое издание, это подборка заголовков статей. Иными словами, газетный заголовок представляет собой концентрацию смысловых компонентов, мотивирующую к прочтению определенного текста. В связи с этим интересно проследить количественные и качественные характеристики гибридизации русского и английского языков в региональной прессе.

Нами было проведено количественное исследование на основе архива материалов публикаций 1obl.ru, 74.ру, «ЧЕЛЯБИНСКСЕГОДНЯ» за 12 месяцев в период с 01.02.2020 по 01.02.2021. Был составлен

корпус текстовых заголовков статей, опубликованных за данный период, общим объемом 25338 заголовков (см. табл. 1).

Таблица 1

Количественные характеристики исследуемого корпуса

Название сетевого издания	Количество заголовков с присутствием англицизмов		Количество заголовков без англицизмов		Общее число заголовков (100%)
	единиц	% от общего числа	единиц	% от общего числа	единиц
ЧЕЛЯБИНСК СЕГОДНЯ	3763	42,5%	8856	57,5%	12619
1obl.ru	5679	50.43%	5583	49.57%	11262
74.ру	807	55,45%	650	44,55%	1457

Отбор материала для исследования осуществлялся методом сплошной выборки. Статистический анализ выявил, что в половине заголовков сетевых изданий южноуральской прессы присутствуют англоязычные заимствования в том или ином варианте. В заголовках медиатекстов часто озвучиваются проблемы или вопросы, затрагивающие бóльшую часть жителей Челябинска и Челябинской области.

Рассмотрим непосредственно некоторые заголовки статей, в которых проявляется языковая гибридизация, из исследуемых источников. Так, при формировании гибридов происходит сращивание двух лексических систем: языка-«донора» и языка-акцептора, испытывающего на себе влияние языка-«донора». Слова-гибриды содержат лексемы или их компоненты из двух разных языков источников. При этом оба языка должны иметь схожие признаки и функции, обладать сочетаемостью. Это могут быть гибриды, образованные путем присоединения к иностранному корню русского суффикса, приставки и / или окончания как в случае «рефинанс*ировать*» (*refinance* «повторно финансировать, оплачивать»), «ипотек*а*» (*hypothec* «залог недвижимости, закладная»):

ВТБ в 2,5 раза увеличил объём ***рефинансирования ипотеки*** на Южном Урале[1].

[1]URL:https://cheltoday.ru/articles/potrebitel/vtb-v-2-5-raza-uvelichil-obem-refinansirovaniya-ipoteki-na-yuzhnom-urale/

Употребление английских слов в русской транслитерации ведет к англо-русской гибридизации, когда для декодирования информации необходимо владение английском языком; в языке появляются ксенизмы (см. табл. 2):

Старт 5 сезона ***реалити-шоу*** «ПРОСТО БИЗНЕС» в Челябинске[1].
Алексей Текслер дорисовал ***граффити*** о трудовом подвиге Челябинска[2].

Таблица 2

Примеры ксенизмов

Ксенизмы	Лексема-прототип	Лексическое значение
Бизнес	business	Торговое предприятие, предпринимательство
Граффити	graffiti	Лозунги, надписи или рисунки на домах, написанные на стене
Рестайлинг	restyling	Обновление проекта

Интернационализация языка сопровождается появлением в языке-реципиенте большого количества заимствованных единиц для обозначения какого-либо понятия, присутствующего в других языках. Это могут быть слова (*ипотека, граффити*), морфемы (*ре-, бизнес-, видео-*, а также *-мен*, *-фон*, *-лог* и другие).

Нередко в Челябинской прессе в заголовках статей используются непереводимые лексические единицы (*Hyundai Creta, Ozon, Wildberries, KazanExpress*) наряду с иными англоязычными заимствованиями (см. табл. 2):

Hyundai Creta пережил ***рестайлинг*** со снижением цены и получил спецверсию от Би-2[3].
Спрос и приложение: как ***Ozon***, ***Wildberries*** и ***KazanExpress*** завоевали Челябинск[4].

[1] URL: https://cheltoday.ru/articles/ekonomika/start-5-sezona-realiti-shou-prosto-biznes-v-chelyabinske-/?sphrase_id=50746
[2] URL: https://cheltoday.ru/articles/sobytiya/aleksey-teksler-dorisoval-graffiti-o-trudovom-podvige-chelyabinska/
[3] URL: https://74.ru/text/auto/2020/03/11/69019696/
[4] URL: https://74.ru/text/business/2021/01/27/69724026/

В процессе гибридизации воздействие на лексическую единицу, оказываемое языками-источниками, часто не является равнозначным. В заголовках авторы текстов предъявляют свернутый текст, в котором сосредоточена вся суть того или иного события или явления, их наиболее важные характеристики. Это своего рода авторская фотография, запечатлевшая текущий момент, дух времени в одном предложении, в одном высказывании, в одном словосочетании или даже слове. И в этом фрактальном множестве микросрезов действительности можно наблюдать вектор движения процессов, происходящих в живом теле языка.

Достаточно высокий процент присутствия англоязычных заимствований в исследуемом материале свидетельствует о значительных сдвигах в языковом сознании российского (в данном случае, челябинского) читателя массмедиа.

Ассимиляция фразеологических заимствований английского происхождения в русском языке иллюстрирует тенденцию интернационализации языковых средств, естественному и регулярному их использованию в повседневной жизни. Кроме того, это свидетельствует о процессах, явно или срыто происходящих в языке и в языковом сознании российского обывателя. Это проявляется, например, в таких фразеологизмах, постепенно закрепившиеся в бытовом употреблении, как *дизайнерский лайфхак* или *программы лояльности*:

> Как семья купила студию в Питере: ***дизайнерский лайфхак***, который помирит отцов и детей[1].

> Челиндбанк существенно улучшил условия ***программы лояльности*** «Золотой кэшбэк»[2].

В некоторых случаях языковая гибридизация представлена на грамматическом уровне, что проявляется в словоизменении по грамматическим категориям падежа, рода, числа:

> Челябинские гонщики нарвались на административку после видео с ***дрифтом*** по встречке[3].

[1] URL: https://74.ru/text/realty/2020/11/20/69551868/

[2] URL: https://cheltoday.ru/articles/potrebitel/chelindbank-sushchestvenno-uluchshil-usloviya-programmy-loyalnosti-zolotoy-keshbek/

[3] URL: https://cheltoday.ru/articles/sobytiya/chelyabinskie-gonshchiki-narvalis-na-administrativku-posle-video-s-driftom-po-vstrechke/

Учимся грамотному ***онлайн-шопингу*** в период самоизоляции[1].

Наиболее эффективное воздействие на сознание и подсознание читателя оказывает использование закодированной информации. Каждый смысловой компонент, представленный лексемой или даже ее частью, отражает ассоциативный ряд в сознании человека, влияя на его память. При восприятии высказывания актуализируются определенные смыслы, передаваемые инокультурными кодами, в результате чего происходит наслоение смысловых компонентов, а также ассоциаций и интерпретаций.

Заключение

Исследование южноуральской прессы показало, что практически в половине заголовков статей изученного материала за данный период присутствуют англоязычные включения разного характера.

Через средства массовой информации задаются ценностные ориентиры и поведенческие паттерны. Данные дискурсивные практики задают в языковом сознании читателя смысловые аттракторы, заключающие системообразующие концепты, идеи, которые следует усвоить и необходимо придерживаться. Если эти аттракторы выражены с использованием англицизмов, т. е. пропагандируют представления и нормы англосаксонского общества, часто понимаемого как глобальное сообщество, то можно констатировать проявление глобализационных процессов, возможно, пока на уровне глокализации, о чем свидетельствует материал данной статьи.

Высокий процент присутствия англицизмов в заголовках статей свидетельствует о высокой степени гибридизации российского и англосаксонского языкового сознания.

Стоит подчеркнуть, что глобализация языкового сознания необратима и *на данном этапе* не поддается администрированию, так как она вызвана, прежде всего, причинами, относительно далекими от лингвистики, – в первую очередь, экономическими и политическими. Гибридизация английского и русского языка востребована среди элит глобального мира, которые задают векторы и параметры развития

[1] URL: https://www.1obl.ru/free-time/moda/uchimsya-gramotnomu-onlayn-shopingu-v-period-samoizolyatsii/

сложной системы межгосударственных отношений. Все эти процессы находят отражение в печатных изданиях средств массовой информации, формируя глобальное языковое сознание. Применительно к какому-либо определенному городу можно говорить о глокальном языковом сознании.

На данный момент большая часть населения России не владеет английским языком, следовательно, пока наблюдается переходный период в речевой практике, для которого характерно высокое содержание англицизмов в речи. Возможности мгновенного обмен информацией и технический прогресс только увеличивают скорость и степень глокализации языкового сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Григорьева Т. М. «Чужесловие» в русском языке и русской ментальности // Журнал Сибирского федерального университета. 2009. Т 2. URL: http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/1569/04_grigorjeva.pdf;jsessionid=A9B0976F56C8BB13898DCD7CF2D23FE3?sequence=1 (Дата обращения: 08.02.2021). [Grigor'eva, T. M. (2009). «Chuzheslovie» v russkom yazyke i russkoi mental'nosti («Borrowings» in the Russian language and Russian mentality). In: Siberian Federal University Journal 2. (In Russ.)].

Загидуллина М. В. Глокализация медиаландшафта: воображаемые миры как способ «перезагрузки» пространства (на примере челябинского «Компромисса») // Городские медиа: Город и медиа: материалы Международной научно-практической конференции «Новые городские медиа в медиаландшафте России», Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 1–2 июня 2018. Пермь, 2018. С. 77–89. [Zagidullina, M. V. (2018). Glokalizatsiya medialandshafta: voobrazhaemye miry kak sposob «perezagruzki» prostranstva (na primere chelyabinskogo «Kompromissa») (Glocalization of media landscape: imagining worlds as a method of «resetting» the city space (on the example from the «Compromise», Chelyabinsk). Urban media: City and Media: Materials of the International Scientific and Practical Conference «New Urban Media in the Media Landscape of Russia», Perm, June 1–2, 2018). (pp. 77–89). Perm: Perm State National University. (In Russ.)].

Ирисханова О. К. О языковой гибридизации, лексических гибридах и фокусе внимания // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. Вып. 24 (603). С. 27–44 [Iriskhanova, O. K. (2010). O yazykovoj gibridizacii, leksicheskih gibridah i fokuse vnimaniya. On language hybridization, lexical hybrids and focus of attention. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 24(603), 27–44. *(In Russ.)*].

Кравченко А. В. О вреде структурализма для здоровья общества: язык как экологическая ниша человека // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1. С. 354–370. [Kravchenko, A. V. (2016). O vrede strukturalizma dlya zdorov'ya obshchestva: yazyk kak ekologicheskaya nisha cheloveka. Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. On how structuralism harms well-being of of society: Language as the human ecological niche of humans. Ecology of language and communicative practice, 1, 354–370. (In Russ.)].

Мамонова Н. В. Англоязычные заимствования в современных городских текстах (на примере г. Челябинска) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 3. С. 25–32. [Mamonova, N. V. (2019). Angloyazychnye zaimstvovaniya v sovremennyh gorodskih tekstah (na primere g. CHelyabinska). English language borrowings in modern urban texts (exemplified by the city of Chelyabinsk). Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Humanities and Social Sciences, 3, 25–32. (In Russ.)].

Нефёдова Л. А., Краснопеева Е. С. Англо-русские гибридные образования в тексте перевода: о межъязыковой интерференции в контексте переводческих норм // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2020. Т. 19. № 4. С. 86–98. [Nefedova, L. A., Krasnopeeva, E. S. (2020). Anglo-russkie gibridnye obrazovaniya v tekste perevoda: o mezh"yazykovoj interferencii v kontekste perevodcheskih norm // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, YAzykoznanie. Anglo-Russian hybrid words in the translated text: on linguistic interference and norms of translation. Science Journal of Volgograd State University. Linguistics, 19, 4, 86–98. *(In Russ.)*].

Одегова О. В. Глобализация языка и культуры: специфика и место в системе глобальных процессов современности. Томск: ТГУ, 2017. [Odegova, O. V. (2017). Globalizatsiya yazyka i kul'tury: spetsifika i mesto v sisteme global'nykh protsessov sovremennosti. (Globalization of language and culture: specificity and place in the system of global processes of modernity). Tomsk: TGU. (In Russ.)].

Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. Global Transformations: Politics, Economics and Culture. In: Pierson C., Tormey S. (eds), Politics at the Edge. Political Studies Association Yearbook Series. Palgrave Macmillan, London, 2000. P. 14–28. https://doi.org/10.1057/9780333981689_2

УДК 008:316.722; 81.42 **DOI 10.52070/2542-2197_2021_5_847_229**

Е. П. Мурашова

кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики
и профессиональной коммуникации в области политических наук
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета
catrin-skr-77@mail.ru

МЕСТО РЕТРО В ТЕКСТАХ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Статья посвящена ретро как инструменту конструирования хронотопа политического дискурса XXI в. В качестве эмпирического материала выступают тексты публичных выступлений политических деятелей США и Великобритании 2020 г., содержащие прецедентное имя *Churchill*. Демонстрируется, что ретро – это конститутивный элемент хронотопа политического дискурса, выступающий в роли шифтера между временными планами. В статье выявляются функции и языковые средства ретро в составе хронотопа политического дискурса.

Ключевые слова: политический дискурс; ретро; хронотоп; политический текст; публичное выступление; прецедентное имя.

E. P. Murashova

PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Linguistics
and Professional Communication in the Sphere of Political Sciences,
Institute of International Relations and Social and Political Sciences,
Moscow State Linguistic University
catrin-skr-77@mail.ru

THE PLACE OF RETRO IN TEXTS OF U. S. AND BRITISH POLITICAL FIGURES' PUBLIC SPEECHES

The article is devoted to retro as an instrument of constructing the chronotope of the 20th century political discourse. The author conducts an analysis of texts of US and UK political leaders' 2020 public speeches including the precedent name *Churchill*. It is demonstrated that retro is a constitutive element of the chronotope of political discourse serving as a shifter between the time planes. The author reveals the functions and verbal means of retro as part of the chronotope of political discourse.

Key words*:* political discourse; retro; chronotope; political text; public speech; precedent name.

CC BY

Введение

Политический дискурс XXI в. трансформируется под влиянием вызовов современности, к которым относятся, прежде всего, повсеместная глобализация и информатизация разных сфер социального взаимодействия. Одной из наиболее заметных реакций общества на новые тенденции, сопряженные с изменением темпа и качества жизни, стала популяризация феномена ретро, под которым традиционно понимается совокупность средств эвокации образов прошлого. Временна́я отнесенность является определяющим критерием для разграничения «ретро» и «не-ретро»: ретро обозначает только недавнее прошлое, которое хранится в памяти современников [Reynolds 2011]. Так, средневековый артефакт не может относиться к ретро, поскольку никто из ныне живущих людей не имеет связанных с ним воспоминаний. Ретро активно используется для построения современного социального дискурса, в связи с чем можно ожидать, что его разновидности, в том числе политический дискурс, будут содержать явно или неявно выраженный ретро-компонент.

Цель настоящей статьи – выявить роль ретро в конструировании хронотопа как одного из существенных конститутивных признаков политического дискурса. Обращение к хронотопу в настоящей статье продиктовано тем, что он является одним из основных конститутивных, или системообразующих, признаков институционального дискурса наряду с участниками, целями, ценностями и др. [Карасик 1999, с. 6–7].

Хронотоп представляет собой категорию пространственно-временно́й организации политического текста, определяющую его целостность и создающую «внутритекстовую реальность» с определенными смыслами и образами. Персуазивный характер политического дискурса обусловливает значимость хронотопа как фактора повышения эффективности коммуникации.

Материалом исследования служат расшифрованные тексты публичных выступлений политических деятелей США и Великобритании 2020 г., опубликованные на сайте www.rev.com.

Возросшая популярность ретро в разных областях жизни, в том числе в политике, обусловливает актуальность изучения его применения в политическом тексте, причем ввиду ограниченности ресурсов для трансляции сообщения в условиях конкуренции следует ожидать,

что использование ретро будет выступать фактором успешности коммуникации. В настоящее время исследования ретро в гуманитарных науках, в частности в лингвистике, носят фрагментарный характер. В основном ретро исследуется как содержательно-структурная и жанрообразующая единица в художественной литературе [Гусейнова 2017; Гусейнова, Косиченко 2018]. Ряд трудов посвящен общим проблемам конструирования политического хронотопа [Русакова, Фатихов 2011; Шейгал 2000; Шомова 2004] и вопросам ретроспекции в политическом тексте [Кошкарова, Руженцева 2016; Солопова 2013].

Понятие хронотопа в гуманитарных науках

Термин «хронотоп» (греч. «chronos» – «время» + греч. «topos» – «место») был введен в научный обиход отечественным физиологом и мыслителем первой половины XX в. А.А. Ухтомским в докладе «О временно-пространственном комплексе, или хронотопе» в 1925 г. Опираясь на идеи Г. Минковского и А. Эйнштейна о пространстве и времени, А. А. Ухтомский разработал теорию хронотопа для объяснения с помощью категорий «время» и «пространство» реакций человеческого организма на внешние раздражители. Под хронотопом в его концепции понимается «закономерная связь пространственно-временных координат» [Ухтомский 2002, с. 347].

В гуманитарных науках термин был популяризирован благодаря трудам М. М. Бахтина в области эстетики и литературоведения. М. М. Бахтин предлагает толковать хронотоп как «формально-содержательную категорию литературы» [Бахтин 1975, с. 235], «существенную взаимосвязь временны́х и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [там же, с. 234].

С категорией хронотопа тесно связана категория континуума, под которой следует понимать «определенную последовательность фактов, событий, развертывающихся во времени и в пространстве» [Гальперин 2009, с. 87]. Основу континуума политического текста составляет триада временны́х модусов «прошлое – настоящее – будущее», представляющая собой одну из базовых ценностных оппозиций в политическом дискурсе [Солопова 2013; Шейгал 2000].

Е. И. Шейгал в своем фундаментальном исследовании, посвященном семиотике политического дискурса, относит проекцию в будущее

и прошлое к основным функциям политического дискурса [Шейгал 2000, с. 52]. По мнению Е. И. Шейгал, с одной стороны, апелляция к прошлому опыту выступает в качестве аргументативного приема; с другой – воспоминания о прошлом дают ощущение стабильности и безопасности. Проекция в будущее предполагает прогнозирование хода событий на политической арене или описание перспектив в случае проведения той или иной политики.

В политическом дискурсе ввиду его персуазивной прагматики, как правило, сочетаются обе функции, и мы полагаем, что переключение между ними осуществляется с привлечением инструментария ретро при обязательном участии плана настоящего времени, обеспечивающего актуальность сообщения.

Особенности политического хронотопа

Политический хронотоп представляет собой «сложную пространственно-временну́ю систему координат», которая задает пространственные и хронологические рамки высказывания и осуществляет ориентацию участников политической коммуникации в пространстве и времени [Шомова 2004, с. 33].

Понимание особенностей политического хронотопа необходимо для того, чтобы выявить специфику использования ретро в политическом тексте. В частности, политический хронотоп определяет, какие временны́е планы вовлечены в построение текста, и как они соотносятся друг с другом.

Т. Е. Третьякова, рассуждая о философских основаниях пространства и времени в политике, отмечает, что политический хронотоп – «не пространственно-временна́я локализация, а особый способ бытия времени в пространстве и пространства во времени» [Третьякова 2010, с. 71]. Специфика политического хронотопа, по ее мнению, определяется иерархичностью политики и сакральностью власти. Иерархичность и сакральность находят свое выражение как в пространстве, так и времени политического текста. В концепции хронотопа, изложенной Т. Е. Третьяковой, политическое пространство может быть схематически представлено в виде концентрических окружностей, центральная из которых – место власти с максимально сакральным статусом. В центре происходит слияние времени и пространства. По

мере передвижения от центра к периферии сакральность пространства и времени уменьшается.

Политический хронотоп является продуктом культуры, принятым в ней «способом бытия», а значит, может рассматриваться только в определенном социокультурном контексте, с учетом национальной специфики восприятия пространства и времени. Так, для американского менталитета характерно стремление дефокусировать то, что уже прошло, и акцентировать свое внимание на грядущем, о чем свидетельствует, в числе прочего, выражение «Don't cry over spilt milk» (*рус*. «Нет смысла плакать о том, чего не вернуть»), а европейцы, наоборот, склонны превозносить прошлое и почитать традиции предков [Schneider, Barsoux 2003, с. 46]. Национальные особенности построения политического хронотопа могут объяснить акцентуацию или дефокусацию того или иного временного плана в процессе перемещения во времени и в пространстве текста.

В силу природы ретро следует ожидать, что перемещение во времени в политическом тексте происходит посредством обращения к прошлому через план настоящего времени с целью поиска решения актуальных проблем.

Роль ретро в хронотопе политического дискурса

В социологии и маркетинге отмечается, что ретро представляет собой инструмент путешествия во времени в условиях недовольства настоящим. Именно негативные переживания, вызванные проблемами настоящего времени, побуждают людей испытывать ностальгию по прошлому и размышлять о будущем [Davis 1979; Sierra, McQuitty 2007].

В триаде «прошлое – настоящее – будущее» серединный компонент «настоящее» содержит в себе лакуны, нуждающиеся в заполнении с помощью средств остальных временных модусов. Передвижение между прошлым, настоящим и будущим происходит опосредованно с помощью ретро. Ретро выступает, таким образом, связующим компонентом, шифтером между временны́ми планами и организует дискурс таким образом, чтобы реализовать плавность перехода между ними.

Рассмотрим три иллюстративных примера, демонстрирующих дискурсообразующую роль ретро в политическом тексте. В качестве

основного средства ретро-компонента служит прецедентное имя *Winston Churchill* (*рус*. «Уинстон Черчилль»), реализующее эвокацию образов военного прошлого Великобритании. Уинстон Черчилль – премьер-министр Великобритании в 1940–1945 гг. и 1951–1955 гг. – в обоих примерах выступает в роли сильного, бесстрашного лидера, принесшего своей стране победу во Второй мировой войне. Стоит особо отметить, что У. Черчилль заслужил признание в качестве искусного оратора, и его авторский политический дискурс уже давно привлекает внимание политологов и лингвистов. Так, основные лингвостилистические и когнитивные особенности речи У. Черчилля были выявлены и описаны в работе К. И. Шпетного [Шпетный 2015].

Первый пример представляет собой отрывок интервью, данного действующим президентом США Дональдом Трампом 15 сентября 2020 г. американскому телеведущему «ABC News» Джорджу Стефанопулосу во время встречи с жителями штата Филадельфия. В рамках встречи Д. Трампу было предложено ответить на ряд животрепещущих вопросов избирателей, в том числе на вопрос о мерах борьбы с новой коронавирусной инфекцией. Накануне президентских выборов 2020 г. Д. Трамп многократно обвинялся в том, что преуменьшал опасность коронавируса, считая его болезнью нестрашнее гриппа, и не предпринимал необходимых мер по борьбе с пандемией. В защиту своей позиции президент заявил, что осознавал опасность вируса, но не хотел сеять панику среди американцев. Он косвенно сравнил свою линию поведения во время пандемии с действиями У. Черчилля и Ф. Рузвельта в годы Второй мировой войны. Так, в истории известно, что У. Черчилль поднимался на крыши лондонских зданий во время бомбардировок, чтобы продемонстрировать силу своего духа перед лицом смертельной угрозы и тем самым внушить народу уверенность в победе.

George Stephanopoulos:

But Dr. Fauci, say we have to hunker down. We have to be prepared for a possible second wave. I understand that you don't want to panic people. You said you want people to be calm. You've often talked about ***Winston Churchill*** (1), and ***FDR*** (2), and they did reassure people. They were strong. They did keep people calm, but they also were straight. They said, «***This war is going to be tough. It's going to be a real fight. We have to persevere***». (3)

Donald Trump:

When ***Churchill*** (4) *was* ***on the top of a building*** (5), and he said, «***Everything's going to be good. Everything's going to be. Be calm***». (6) And you have the Nazis dropping bombs ***all over London*** (7), he was very brave because he was ***at the top of a building*** (8). It was very well known that he was standing ***on buildings*** (9) and they were bombing. And he says, «***Everyone's going to be safe***». (10) I don't think that's being necessarily honest, and yet I think it's being a great leader.

Donald Trump:

But he said, «***You're going to be safe. Be calm. Don't panic***». (11) And you had bombers dropping bombs ***all over London*** (12). So I guess you could say, that's not so honest, but it's still great leadership [Donald Trump ABC News Town Hall Transcript … URL].

Хронотоп вышеприведенного текста «конструируется» с помощью ретро-компонента, представленного прецедентными именами *Winston Churchill* и *FDR* (*Franklin Delano Roosevelt*, *рус*. «Франклин Делано Рузвельт») (1), (2), (4), цитатами У. Черчилля и Ф. Рузвельта (3), (6), (10), (11), обстоятельствами места (5), (7), (8), (9), (12) и многочисленными глаголами в видовременных формах *Present Perfect* и *Past Indefinite*, относящих действие к прошлому. Хронос и топос в анализируемом примере взаимодополняют друг друга, эвоцируя период Второй мировой войны.

Ретро-компонент в цитируемом тексте выстраивает связь между настоящим и прошлым, позволяя реализовать имплицитное сравнение между поведением У. Черчилля во время Второй мировой войны и поведением Д. Трампа во время пандемии коронавируса. Прецедентная ситуация «У. Черчилль поднимается на крыши зданий во время бомбардировок» используется Д. Трампом с тем, чтобы заполнить имеющуюся в настоящем времени смысловую лакуну, придать экспрессивность и аргументативность своим высказываниям.

Иерархичность и сакральность хронотопа выражается в выборе прецедентной ситуации – Д. Трампом выбраны «эталонные» исторические личности, пользующиеся безоговорочным уважением и признанием не только в родной стране, но и во всем мире. Так, У. Черчилль вошел в список ста величайших британцев в истории Великобритании, опубликованный в 2002 г. вещательной компанией

Би-би-си (BBC). Ф. Рузвельт почитается американцами как лидер, которому удалось вывести страну из Великой депрессии и привести к победе во Второй мировой войне.

Вторым примером, иллюстрирующим роль ретро-компонента как связующего компонента между прошлым и настоящим в хронотопе политического текста, является следующий отрывок из второго обращения королевы Елизаветы II к британской нации в день 75-й годовщины Победы в Европе 8 мая 2020 г.:

> I vividly remember the jubilance scenes my sister and I witnessed with our parents and ***Winston Churchill*** (13) ***from the balcony of Buckingham Palace*** (14). The sense of joy in the crowds who gathered ***outside and across the country*** (15) was profound [Queen Elizabeth II Speech Transcript… URL].

Ретро-компонент в данном примере реализуется с помощью прецедентного имени *Winston Churchill* (13), обстоятельств места (14), (15) и глаголов в *Past Indefinite*.

В анализируемом примере ретро выполняет функцию осуществления связи поколений за счет апелляции к общему для королевы и ее народа воспоминанию.

Иерархичность и сакральность хронотопа политического текста в рассматриваемом отрывке реализуется посредством выбора прецедентного имени легендарной исторической личности (У. Черчилль) и символичного локуса национального значения (Букингемский дворец и площадь перед ним, целая страна).

В политическом тексте ретро-компонент может связывать сразу три временны́х модуса, что демонстрирует третий пример – отрывок выступления кандидата в президенты США 2020 г. Джо Байдена, состоявшегося 15 сентября 2020 г. во время «круглого стола» с ветеранами города Тампы, штат Флорида:

> And let me end by saying, that's why I think it's important that we level with the American people. I noticed the president was quoting ***Roosevelt*** (16) and ***Churchill*** (17). ***That doesn't surprise me if he says he's the best president for blacks since Abraham Lincoln*** (18) (19) (20). Actually he was better. ***I guess*** (21) he'***d think*** (22) that. But anyway, the point is that ***Roosevelt*** (23), ***when World War II started*** (24), said ***after Pearl Harbor*** (25), said, «***It's going to get worse and worse and worse until it gets***

better and better and better*».** (26) And the American people ***can handle anything if you give it to them straight from the shoulder (27). False ***promises*** (28), not leveling with how tough things ***are going to be*** (29). The American people have never failed to step up to what had to be done when it had to be done. But that's not happening now [Joe Biden Veterans Roundtable Event… URL].

Ретро-компонент в отрывке речи Джо Байдена представлен прецедентными именами *Roosevelt* (16), (23), *Churchill* (17) и *Abraham Lincoln* (рус. – «Авраам Линкольн») (19), обстоятельствами времени (20), (24), (25) и глаголами в видовременны́х формах *Present Perfect* и *Past Indefinite*.

Апелляция к легендарным историческим фигурам (Ф. Рузвельт, У. Черчилль, А. Линкольн) и событиям (Вторая мировая война, нападение на Пёрл-Харбор) реализует иерархичность и сакральность хронотопа анализируемого текста.

В данном примере ретро объединяет три модуса времени (включая будущее) с тем, чтобы сделать аргументированный прогноз относительно будущего с опорой на факты прошлого. Прогноз реализуется с помощью средств выражения нереальности и будущего времени: условных предложений (18), (27), хеджей (языковых единиц, реализующих смягчение иллокутивной силы высказывания и снятие ответственности за него с говорящего) (21), (22), видовременных форм и конструкций, выражающих будущность (26), (29), и слова *promises* (*рус*. обещания) (28).

Во всех трех проанализированных примерах демонстрируется особый статус прецедентного имени в создании хронотопа политического дискурса. По справедливому замечанию Л. В. Моисеенко, прецедентные единицы играют больша́ю роль в «конструировании» имиджа политика, выступая «переключателями» дискурсивной модальности и активируя аксиологический аспект высказывания [Моисеенко 2014, с. 145–146]. Прецедентное имя способно сформировать общественное мнение и оценку, осуществляя эвокационное воздействие на получателя [там же, с. 148], в связи с чем использование прецедентных имен может считаться фактором повышения эффективности сообщения в политическом дискурсе, особенно в предвыборном.

Прецедентное имя *Winston Churchill* в вышеприведенных примерах служит в качестве ключевого ретро-компонента, осуществляющего

«переключение» между временны́ми модусами при построении хронотопа политического дискурса. Выбор прецедентного имени, очевидно, обусловлен высокой культурно-исторической значимостью обозначаемой им личности. Апелляция к У. Черчиллю в публичных выступлениях Дональда Трампа, Джо Байдена и королевы Елизаветы II оказывает эвокационное воздействие на реципиента и способствует возвышению имиджа политика-адресанта.

Перспективным направлением исследования ретро-компонента может выступить использование прецедентных имен различной степени актуальности [Страхова 2006], в том числе историзмов.

Заключение

Проведенный анализ эмпирического материал показывает, что ретро является конститутивной единицей политического текста, играющей роль связующего звена и посредника, или шифтера, между временны́ми модусами «прошлое – настоящее – будущее» в его хронотопе. Ретро в составе политического текста реализует свойства иерархичности и сакральности политического хронотопа и может выполнять несколько функций – заполнение имеющихся в плане настоящего времени лакун, повышение экспрессивности высказывания, усиление персуазивности высказывания, осуществление связи поколений и прогнозирование.

Каждый модус времени реализуется с помощью определенного набора языковых средств, среди которых особое значение имеет прецедентное имя как средство ретро-компонента, обладающее и темпоральными, и локусными характеристиками.

В условиях повышенной политической конкуренции ретро-компонент в составе хронотопа политического текста может служить средством повышения эффективности сообщения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. [Bakhtin, M. M. (1975). Voprosy Literatury i Estetiki. Issledovaniya Raznykh Let (Questions of Literature and Aesthetics. Studies of Different Years). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.)].

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / отв. ред. Г. В. Степанов. Изд. 7-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. [Gal'perin, I. R. (2009). Tekst kak Ob»ekt Lingvisticheskogo Issledovaniya (The Text as an Object of Linguistic Study). Ed. G. V. Stepanov. 7th ed. Moscow: Knizhnyi dom «LIBROKOM». (In Russ.)].

Гусейнова И. А. Роль феномена «ретро» в конструировании современного культурно-исторического пространства (на примере российских современных ретродетективов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 6 (777). С. 308–315. [Guseinova, I. A. (2017). Rol' fenomena «retro» v konstruirovanii sovremennogo kul'turno-istoricheskogo prostranstva (na primere rossiiskikh sovremennykh retrodetektivov) (The role of retro in constructing the modern cultural and historical space (an analysis of contemporary retrodetective prose). Vestnik of Moscow State Linguistic University, Humanities, 6(777), 308–315. Moscow. (In Russ.)].

Гусейнова И. А., Косиченко Е. Ф. Жанры, меняющие мир и нас. Тривиальный дискурс. Ретродетектив: коллективная монография. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018. [Guseinova, I. A., Kosichenko, E. F. (2018). Zhanry, Menyayushchie Mir i Nas. Trivial'nyi Diskurs. Retrodetektiv (Genres Changing Us and the World. Trivial Discourse. Retro-Detective Prose). Moscow: FGBOU VO MGLU. (In Russ.)].

Карасик В. И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. С. 5–19. [Karasik, V. I. (1999). Religioznyi diskurs (Religious discourse). Yazykovaya lichnost': problemy lingvokul'turologii i funktsional'noi semantiki (pp. 5–19). Volgograd: Peremena. (In Russ.)].

Кошкарова Н. Н., Руженцева Н. Б. Ретропрогнозирование как инструмент проектирования прошлого? / Политическая лингвистика. 2016. 4 (58). Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». С. 48–52. [Koshkarova, N. N., Ruzhentseva, N. B. (2016). Retroprognozirovanie kak instrument proektirovaniya proshlogo? (Retroprognosis as a past modelling instrument?). Politicheskaya lingvistika, 4(58), 48–52. Ekaterinburg. (In Russ.)].

Моисеенко Л. В. Прецедентные единицы в лингвистическом моделировании информационно-политических технологий // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия Языкознание и литературоведение. 2014. Вып. 24 (710). С. 144–150. [Moiseenko, L. V. (2014). Pretsedentnye edinitsy v lingvisticheskom modelirovanii informatsionno-politicheskikh tekhnologii (Precedent units in linguistic modeling of information and political technologies). Vestnik of Moscow State Linguistic University, Linguistics and Literary Study, 24(710), 144–150. Moscow. (In Russ.)].

Русакова О. Ф., Фатихов С. П. Концептуальные модели хронотопа в гуманитарных и политических исследованиях // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Социально-гуманитарные науки. 2011. Вып. 30 (247). С. 122–127. (Rusakova, O. F., Fatikhov, S. P. (2011). Kontseptual'nye modeli khronotopa v gumanitarnykh i politicheskikh issledovaniyakh (Conceptual models of the chronotope in humanities and political studies). Vestnik of South Ural State University, Socio-Humanitarian Sciences, 30(247), 122–127. Chelyabinsk. (In Russ.)].

Солопова О. А. Когнитивно-дискурсивная ретроспекция: исследование моделей будущего в политическом дискурсе: монография. Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2013. [Solopova, O. A. (2013). Kognitivno-Diskursivnaya Retrospektsiya: Issledovanie Modelei Budushchego v Politicheskom Diskurse (Cognitive-Discursive Retrospection: Studies of Models of the Future in Political Discourse). Chelyabinsk: South Ural State University. (In Russ.)].

Страхова В. С. Особенности функционирования прецедентных имен в художественном тексте (на материале романа Т. Толстой «Кысь») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Язык и культура. 2006. Вып. 510. С. 110–118. [Strakhova, V. S. (2006). Osobennosti funktsionirovaniya pretsedentnykh imen v khudozhestvennom tekste (na materiale romana T. Tolstoi «Kys'») (Peculiarities of the functioning of precedent names in a belles-lettres text (based on the novel «The Slynx» by T. Tolstaya)). Vestnik of Moscow State Linguistic University, Language and Culture, 510, 110–118. Moscow. (In Russ.)].

Третьякова Т. Е. Пространство и время политического хронотопа // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Томск, 2010. № 8. С. 65–73. [Tret'yakova, T. E. (2010). Prostranstvo i vremya politicheskogo khronotopa (The space and time of the political chronotope). Totalitarizm i totalitarnoe soznanie, 8, 65–73. Tomsk. (In Russ.)].

Ухтомский А. А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. [Ukhtomskii, A. A. (2002). *Dominanta* (The Dominant). St. Petersburg: Piter. (In Russ.)].

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. [Sheigal, E. I. (2000). Semiotika politicheskogo diskursa (The semiotics of political discourse: Senior Doctorate in Philology). Volgograd. (In Russ.)].

Шомова С. А. Политическая коммуникация: социокультурные тенденции и механизмы : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2004. [Shomova, S. A. (2004). Politicheskaya kommunikatsiya: sotsiokul'turnye tendentsii i mekhanizmy (Political communication: sociocultural tendencies and mechanisms: abstract of Senior Doctorate in Political Sciences). Moscow. (In Russ.)].

Шпетный К. И. Лингвостилистические особенности политического дискурса сэра Уинстона Леонарда Спенсера-Черчилля // Вестник Московского

государственного лингвистического университета. Серия Языкознание и литературоведение. Стилистика в междисциплинарном аспекте. 2015. Вып. 19 (730). С. 78–95. [Shpetnyi, K. I. (2015). Lingvostilisticheskie osobennosti politicheskogo diskursa sera Uinstona Leonarda Spensera-Cherchillya (Linguostylistic features of the political discourse of Sir Winston Leonard Spencer-Churchill). Vestnik of Moscow State Linguistic University, Language and Culture, 19(730), 78–95. Moscow. (In Russ.)].

Davis F. Yearning for Yesterday: A Sociology of Nostalgia. N.Y.: Free Press, 1979.

Donald Trump ABC News Town Hall Transcript with George Stephanopoulos in Philadelphia. [Donald Trump ABC News Town Hall Transcript with George Stephanopoulos in Philadelphia. URL: https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-abc-news-town-hall-transcript-with-george-stephanopoulos-in-philadelphia (data obrashhenija: 14.12.2020)].

Joe Biden Veterans Roundtable Event & Speech Transcript September 15. [Joe Biden Veterans Roundtable Event & Speech Transcript September 15. URL: https://www.rev.com/blog/transcripts/joe-biden-veterans-roundtable-event-speech-transcript-september-15 (data obrashhenija: 14.12.2020)].

Queen Elizabeth II Speech Transcript Honoring VE Day 75th Anniversary. [Queen Elizabeth II Speech Transcript Honoring VE Day 75th Anniversary. URL: https://www.rev.com/blog/transcripts/queen-elizabeth-ii-speech-transcript-ve-day (data obrashhenija: 14.12.2020)].

Reynolds S. Retromania: Pop Culture's Addiction to Its Own Past. New York: Faber and Faber, Inc., 2011.

Schneider S. C., Barsoux J.-L. Managing Across Cultures. 2nd ed. London: Prentice Hall, 2003.

Sierra J. J., McQuitty S. Attitudes and emotions as determinants of nostalgia purchases: an application of social identity theory // Journal of Marketing Theory & Practice. 2007. Vol. 15. № 2. P. 99–112.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 5 (847)

VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 5 (847)

Ответственный редактор выпуска 5 (*847*)
кандидат филологических наук доцент Е. М. Кирсанова

Редактор Е. М. Евдокимова
Верстка Ю. Л. Герасимовой
Дизайн обложки А. Г. Проскурякова

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 15.07.2021
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 15,3.
Заказ № 53/21

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2021

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

За аутентичность цитат отвечают авторы.

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна.